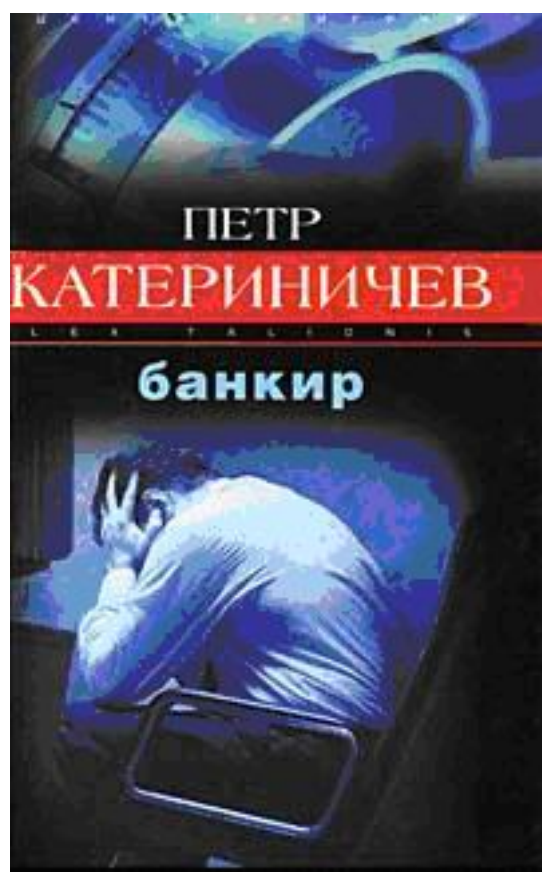

Петр Владимирович Катериничев
Банкир

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134535
ISBN 5-9524-0619-X

Аннотация

Сергей Дорохов оказывается в центре невероятной комбинации, задуманной могущественной финансовой группировкой. Кто он? Банкир? Офицер спецподразделения? Проходная «пешка» или «джокер», хранимый до поры? Этого не знают ни окружающие, ни противники, ни он сам...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	77
Глава 13	85
Глава 14	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Петр Катериничев

Банкир

(хроники русского барокко)

Барокко – все странное, необычайное, не правильное, насильственное в сочинении и исполнении картины, здания, но не смешное; дикообразность.

Владимир Даль

Барокко (ит. Barocco – причудливый, вычурный, странный) – художественный стиль.

...Рушится идея гармонии мира и представление о безграничных возможностях человека; главной задачей становится – поразить, ослепить пышностью; строгое чувство меры сменяется фантастическим богатством и разнообразием декора в ущерб красоте... Криволинейные очертания, асимметрия, господствующая восходящая линия, усложненность композиции, неясное членение пространства... Кариатиды, атланты, перегруженный лепкой орнамент, ниши и портики, галереи со статуями, игра света и тени – все призвано воздействовать на эмоции зрителя... Во фресках преобладают мотивы разрушительных катастроф, мученичества, борьбы всего, что вызывает крайнее напряжение физических и духовных сил...

Портреты – парадны и театральны, со всеми аксессуарами власти.

Из краткого словаря по эстетике

Пролог

Хозяин ступал по ворсистому ковру мягко и бесшумно, будто тигр. Ноги, обутые в шевровые сапоги, двигались легко, словно этому человеку было не за семьдесят, а немногим более тридцати. За десять минут он не произнес ни слова.

Остановился у стола, привычным движением раскрошил гильзу папиросы, набил трубку, притоптал табак большим пальцем левой руки, чиркнул спичкой, пыхнул несколько раз... Это была не та, знаменитая, известная по множеству фотопортретов, чуть изогнутая трубка; эта была короткая и прямая. Хозяин затаился, выпустил невесомый ароматный дым и неспешно двинулся снова мерить комнату шагами.

Застывший у стены неестественно высокий и худой человек в черном костюме, в пуловере-самовязе и рубашке, застегнутой наглухо, выглядел в этой комнате жалко и неуместно. Круглые очки в металлической оправе сидели на крупном носу как влитые; если бы ему добавить модную в годы революции бородку-клинышек – ни дать ни взять эсдек первого призыва, да и только.

Хозяин остановился, внезапно повернул голову, глянул на застывшего человека желтыми тигриными глазами спокойно и тяжело:

– Скажите, товарищ Хейфиц, что движет людьми в нашей стране?

Долговязый, судорожно сглотнув застывший в горле комок, произнес:

– Непобедимое учение Маркса-Ленина-Сталина, товарищ Сталин!

– А почему вы забыли Энгельса? Или Энгельс для вас уже недостаточно авторитетный марксист? – Сталин говорил с мягким кавказским акцентом, очень тихо, размеренно, и последнюю фразу произнес вроде в шутку. Лоб Хейфица мгновенно покрылся густой липкой испариной.

– Я... Я хотел сказать... Товарищ Фридрих Энгельс внес неоценимый вклад в развитие теории пролетарской революции. Особое внимание он уделял положению рабочего класса в капиталистических странах, и его фундаментальные работы...

– Можете не продолжать, товарищ Хейфиц. Я хорошо знаком с работами Энгельса. Или вы мне не верите? – Черенком трубки секретарь ЦК КПСС указал на пуговицу на костюме долговязого.

– Что вы, товарищ Сталин! Я, как и весь советский народ...

– Почему тогда вы мне врете, товарищ Хейфиц? – На этот раз Сталин выделил слово «товарищ» особо...

Пот покатился крупными каплями по мертвенно-бледному лицу долговязого, горло перехватила судорога; он пытался что-то сказать, но не мог, только открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на горячий песок. Но при этом Ефим Яковлевич совершенно не испытывал страха; ему было двадцать шесть, он родился и вырос в установившемся обществе, и Сталин был для него, как и для многих людей, не просто авторитетом: он был Богом.

– Что движет людьми в нашей стране? Что движет людьми в капиталистических странах? Страх. Только это – разный страх, товарищ Хейфиц. Почему, как вы думаете?

– Я... Мне... – еле слышно выдохнул из себя Ефим Яковлевич.

– Природа страха заключена в необъяснимости такого явления, как смерть. Вы боитесь смерти, товарищ Хейфиц?

Сталин продолжал мягко ходить по кабинету, бедный молодой человек хотел бы стать меньше, слиться со стеной, лишь бы... Теперь бледность его лица стала почти абсолютно мертвенной... Он дернул несколько раз кадыком, пытаясь хоть что-то ответить, но вождь даже не смотрел в его сторону. Вождь думал. И мысли его были тяжелы. В последнее время у него появилось предчувствие. Нет, он всегда чувствовал врагов, словно дикий зверь, он ощущал их присутствие и умел ни взглядом, ни жестом не обнаружить это свое знание. Прав был итальянец Макиавелли; именно он советовал цезарям никогда не обижать людей... Ибо злая память живет долго, очень долго... И человек всегда найдет случай отомстить...

Или не обижать совсем, или – уничтожать, вот что советовал итальянец! Еще в двадцать пятом году Сталин приказал изъять его «Государя» из всех библиотек.

Ибо итальянец был прав. У государя не должно быть врагов. Живых. У Сталина не было врагов. Или – были?..

И еще – он всегда помнил другое... Друг всегда должен быть рядом с тобой.

Совсем рядом. Но еще ближе должен быть враг! О, они всегда чувствовали себя самыми близкими людьми, пока... Пока не приходило время смерти.

Мысли... Мысли тяжелы... К сожалению, смерть побеждает всех. Даже царей.

Но пока это время не пришло, он не даст победить себя никому! Ни из числа живых, ни из стана мертвых!

– Скажите, товарищ Хейфиц, а кем, на ваш взгляд, был товарищ Жданов?

– Товарищ Жданов был железным солдатом партии Ленина-Сталина! Товарищ Жданов...

– Подождите, товарищ Хейфиц... – тихим голосом сказал Хозяин, и Ефим Яковлевич разом смолк, будто поперхнулся. Сталин подошел к столу, взял невесомый листочек бумаги, подержал в руках. – А может быть, товарищ Жданов все-таки был врагом народа?

Хейфиц судорожно сглатывал ставший жестким комок слюны и все никак не мог проглотить... Черные зрачки Хозяина, словно плавающие в раскаленном золоте, не отпускали...

– Товарищ Берия, министр государственной безопасности, информировал Политбюро о некоторых деталях, которые позволяют считать товарища Жданова если и не вполне врагом народа, то и не вполне другом... Ознакомьтесь, товарищ Хейфиц, вам это будет небезынтересно... – Он положил листочек бумаги на стол.

Ефим Яковлевич подошел на негнущихся ногах, глянул на листочек и почувствовал, что краснеет... Капли пота градом покатались по лицу... Это были документы, подтверждающие наличие на личных счетах недавно умершего странной смертью первого секретаря Ленинградского обкома, члена Политбюро ЦК и ближайшего сподвижника Сталина товарища Жданова сорока восемью миллионами долларов.

– Вам жарко, товарищ Хейфиц?

– Я... Мне...

– Я понимаю вас. Узнать, что такой проверенный товарищ, каким был Жданов, тайно от партии и ее Политбюро хранит средства в банках Швейцарии. Скажите товарищ Хейфиц, сорок восемь миллионов долларов – это большая сумма?

– Огромная, товарищ Сталин, – выдохнул Хейфиц. Хозяин окутался облачком дыма...

– А что вы скажете на это, товарищ Хейфиц? – Сталин положил на крытый зеленым сукном стол другую бумажку. – Посмотрите внимательно...

Ефиму Яковлевичу стало совсем дурно. Он задыхался. Колонки цифр плыли у него перед глазами... По бумагам выходило, что владельцем пятидесяти девяти миллионов долларов в банках Цюриха, Женевы и Базеля был министр госбезопасности Лаврентий Павлович Берия...

– Товарищи по моей просьбе собрали эти бумаги... Я пригласил вас как эксперта по финансовым вопросам... Иностранная коллегия рекомендовала вас.

Здесь нужен хороший специалист. Вы – хороший специалист, товарищ Хейфиц?

– Я...

– Вот и я так считаю. Не думаю, чтобы товарищи из иностранной коллегии решили подсунуть товарищу Сталину недоучку... Скажите, это копии подлинных документов?

Хейфиц пытался судорожно сглотнуть и не мог.

– Они – подлинные, товарищ Хейфиц? – Сталин стоял напротив и смотрел в глаза финансисту желтыми тигриными глазами...

– Да, товарищ Сталин, – обреченно выдохнул тот. Сталин снова начал монотонно ходить из угла в угол.

– Тогда Политбюро ЦК вправе поставить вопрос: а можем ли мы доверять Министерству государственной безопасности и возглавляющему его министру? Как бы вы ответили на это, товарищ Хейфиц? Можем ли мы доверять товарищу Берии?

Пот был противным и липким, и еще – он издавал дурной запах. Молодому человеку казалось это самым ужасным – здесь, в этом кабинете...

– Я вижу, вам нехорошо, товарищ Хейфиц... Присядьте... – Сталин нажал кнопку, появился лысый, как шар, человечек. – Принесите нам чаю... Вы пьете чай с лимоном, Ефим Яковлевич?

– Я... Я... Да...

– Чай с лимоном. И несколько булочек. Вы ужинали?

– Нет.

– Плотно есть ночью не очень хорошо для здоровья, но несколько булочек для такого молодого человека, как вы, не повредят.

Буквально через минуту безликий порученец сервировал стол.

– Присядьте, товарищ Хейфиц. Подкрепитесь. Я вам не помешаю?

– Я... Товарищ Сталин...

– Кушайте, кушайте... Вы пьете с сахаром?

– Нет. То есть – да.

– Вот и пейте.

Хозяин снова заходил взад-вперед по бухарскому ковру – звук его шагов совершенно пропадал в пушистом ворсе, да и ступал он мягко, будто тигр на задних лапах...

Он думал.

СССР победил в войне. Он, Сталин, победил в войне. Но была ли эта война последней? Нет. Значит, нужно готовиться к новой войне. Подписанные Черчиллем и Рузвельтом соглашения – это гарантия мира по крайней мере лет на пятьдесят.

Сталин узнал, что американцы уже составили план нападения на СССР в 1948 году; они планировали бомбардировку атомными бомбами пятидесяти крупнейших центров на территории СССР... Господам капиталистам пришлось отменить свое решение: они узнали, что у него, Сталина, уже есть Бомба.

Сейчас – страна в разрухе, но он знает свою волю и свой народ. Народ будет трудиться, и через семь-десять лет капиталисты ахнут перед мощью его державы...

Вот только...

Лаврентий... Как писал поэт Пушкин? «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Побег... Лаврентий не так наивен, чтобы полагать, что от него.

Хозяина, можно сбежать. Пока он жив. А это означает...

Ах, Лаврентий, Лаврентий... Его давно можно было бы заменить, но некем.

Сейчас Берия нужен Сталину: он замкнул на себя все работы по производству Бомбы. Все работы по ракетной технике. Все работы по оборонным проектам.

Лаврентий... Все не так просто: у него – репутация. Но в СССР незаменимых людей нет. Кроме...

Или... Вопрос: а нужен ли Сталин Берии? Берия бояться и ненавидят все. И без Сталина его съедят. Вот только... Вопрос: а так ли уж нужен Сталин Берии?

Или – Сталин для Берии опасен?..

Для его, Сталина, власти, а значит, и для его страны опасен любой и всегда; умный государь должен вовремя увидеть человека, для которого сохранение собственной жизни и власть сольются в одно слово, и – уничтожить его!

Лаврентий, Лаврентий...

Пора выводить из-под него атомные программы... Незаменимых людей в СССР – нет. А вот идея...

Миллионы Жданова... Миллионы Берии... А миллионы Сталина? Или – миллиарды?

Хозяин подошел к полке, выудил коричневый том:

«Количество переходит в качество и здесь: чисто банковское делячество и узкобанковский специализм превращаются в попытку учета широких, массовых общенародных и всемирных взаимоотношений и связей – просто потому, что МИЛЛИАРДЫ рублей (в отличие от тысяч) подводят к этому, упираются в это».

Когда-то «верные ленинцы» вывезли из России золота и ценностей на сотни миллионов золотых рублей... После всех мытарств, свойственных ворованным деньгам, они осели в Штатах и явились источником того самого «экономического чуда», явления из небытия матерого заокеанского хищника... Следователи Ежова крепко толковали с этими врагами народа, но что сумели вернуть? Крохи. А теперь...

Учет широких, массовых, общенародных, всемирных отношений и связей... Ведь это и будет новая мировая война, тихая, незаметная, она прорвется еще в истории кровавыми конфликтами и сварами, возможно – еще одной большой и кровопролитной битвой... Но основная война будет вестись в тиши кабинетов... И победит в ней тот, кто возьмет под учет наибольшее количество всемирных взаимоотношений и связей...

А для этого необходимы миллиарды! Десятки миллиардов! Сотни! Тысячи!

«Количество переходит в качество и здесь...» Ленин – гений.

Сейчас, когда поверженная Германия платит огромные репарации, было бы глупо не использовать их... К войне нужно готовиться загодя. И начинать ее первым! Больше ошибок повторять нельзя!

Сталин повернулся к финансисту:

– Товарищ Хейфиц... Как вы думаете, были члены Еврейского антифашистского комитета врагами народа?

– Да, товарищ Сталин! – без запинки ответил финансист, вскочив со стула.

– Вы уверены? А может быть, это навет? Может быть, Лаврентий организовал эту травлю намеренно?..

Хейфиц стоял вытянувшись, глядя на Вождя преданными глазами. И – молчал.

– Постарайтесь сформулировать ваш ответ. Это – важно!

– Я думаю, товарищ Сталин, члены Еврейского антифашистского комитета оказались замешанными в связях с нашими врагами!

Сталин долго и внимательно смотрел в глаза молодому человеку.

– Вы правы, товарищ Хейфиц. Советский Союз сокрушил фашизм. А Еврейский антифашистский комитет, наоборот, активизировал свою деятельность. Против кого они собирались бороться, если Гитлера больше нет? Против Сталина?

Медленно, не торопясь, вождь раскroшил новую гильзу, набил трубку.

– У меня к вам предложение, товарищ Хейфиц. Как вы смотрите на то, чтобы перейти из иностранной коллегии на другую работу?..

– Я готов работать там, где это больше всего нужно.

– Хорошо. Вы получите новое назначение. Да... – Сталин раскурил трубку. – Вы являетесь членом партии?

– Нет, товарищ Сталин.

– Почему?

Молодой человек покраснел:

– Сейчас такое время, что... – Ефим Яковлевич не стал говорить, что ждет ареста уже весь последний месяц, что...

– Время сейчас трудное. Но вы должны понять, товарищ Хейфиц, что Советская власть умеет карать врагов и предателей, но умеет и ценить преданных и умных людей. У вас есть у кого попросить рекомендацию? Обратитесь к секретарю вашей первички; думаю, он не откажет.

– Я обращусь к нему, товарищ Сталин. Но...

– Я понимаю ваши сомнения. Нужны две рекомендации. Вторую дам я.

Сталин подошел к столу, написал на бумажке несколько слов.

– Возьмите, товарищ Хейфиц. И считайте вашу будущую работу партийным поручением самой высокой пробы. Поручением Политбюро.

– Да, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо. Да, Ефим Яковлевич... Я просил бы вас не раскрывать содержание нашей беседы никому.

– Конечно, товарищ Сталин!

– Даже если о ее содержании спросит Лаврентий... В этом случае – мы с вами никогда не встречались.

– Да, товарищ Сталин.

Хозяин нажал кнопку звонка. Появился лысый порученец.

– Доставьте товарища домой... Я знаю, вы не женаты...

– Нет, товарищ Сталин.

– А родственники?

– Они погибли в Ленинграде. В блокаду.
– Гитлеровцы принесли немало зла. Мы с вами должны поработать над тем, чтобы оградить наших сограждан от подобных повторений. – Сталин мельком глянул на стол. – Почему вы не кушали фрукты?

– Я...

– Это хорошие фрукты. – Приказал порученцу:

– Заверните их товарищу с собой. – Снова обратился к Хейфицу:

– Вы живете с соседями?

– Да.

– Угостите соседей. Им будет приятно.

– Спасибо, товарищ Сталин.

– До свидания, товарищ Хейфиц.

Ефима Яковлевича Хейфица арестовали следующей ночью.

Сталин сидел один. Мысли... Мысли были тяжелы. Но... Он, Сталин, не даст себя победить. Ни живым, ни мертвым.

Прошло полтора месяца со дня разговора с Хейфицем. Начальник иностранной коллегии отозвался о нем просто: «финансовый гений». Теперь финансовый гений должен воспитать других.

Он изучил дело Хейфица. Этот молодой долговязый еврей оказался еще и удивительно стоек. Несмотря на самые жестокие пытки, следователи де добились от него не только изложения их разговора, но и признания факта самой встречи. Он не жаловался и терпел. Когда ему совали в нос собственноручную записку Вождя – он отвечал: «Подделка». И ни разу не соблазнился потребовать встречи с Самим, как это делали все – и Зиновьев, и Каменев, и Бухарин. Этот молодой человек верил.

Хозяин заранее распорядился, чтобы «старатели» не перестарались и не нанесли никакого вреда здоровью этого человека. Конечно, он, Сталин, рисковал... Хейфиц мог умереть или сойти с ума от боли... Но – этот риск был оправдан. Ибо риска рассекречивания задуманного Вождем проекта нельзя было допустить ни при каком случае.

Впрочем, такую проверку прошли все молодые люди, которых Хозяин отобрал лично для реализации проекта. Отсеялось больше шестидесяти человек. Осталось – девятнадцать. Руководителем Сталин назначил фронтовика, начальника разведки дивизиона... Как и другие, он подвергся испытательной проверке. Его даже «расстреляли» во дворе спецтюрьмы. Все было как надо: арест, допросы, приговор «тройки»... Стрелял прекрасный снайпер – у взвода винтовки были заряжены холостыми. Он попал как надо; человек потерял сознание. После «расстрела» снова приступили к допросам. Ни сломать, ни согнуть этого офицера не удалось.

Никому из девятнадцати еще не было тридцати.

Они сумеют выиграть Третью мировую войну. Он, Сталин, победит.

Когда-то другой государь, Алексей Михайлович Тишайший, создал Приказ тайных дел. Туда он набирал «из худых родов», молодых, умных, талантливых.

Сажал их на царских пирах на лучшие места рядом с родовитейшими боярами.

Преданность дьяков Тайного приказа государю была безграничной. И работали они блестяще. Тогда же, впервые в России и в мире, в Спасском монастыре в Москве была создана первая «спецшкола» по обучению «оперативных работников».

«Социологические опросы» – тайная запись «людских речей» – позволяли государю знать, чего чает народ русский...

Тишайший... Вставал в четыре утра, молился, пил квасок с горбушкой, а в пять – собирался с думными дела решать... Тогда, при Тишайшем, была создана Российская империя, создана незаметно... Воссоединение с Украиной – притом, что удалось избежать войны

с Османской империей и обойтись малой войной, с Польшей... Присоединение Дальнего Востока: где Москва? – год езды на перекладных, а Китай – рядышком, за рекой... А Дальний Восток остался за Россией...

Сейчас – иное время. Армия Сталина могущественна, народ – сплочен, непобедимые полки стоят в Восточной Европе... Но государь должен думать даже не на пятьдесят лет – на столетия вперед... Если что и уязвимо сейчас, так только он сам. А в будущем?

Учет широких, массовых, общенародных и всемирных взаимоотношений и связей... Война капиталов...

К этому нужно быть готовым.

Он, Сталин, выиграет Третью мировую войну, как выиграл Вторую.

Сталин пододвинул к себе папку, улыбнулся в усы и начертал название проекта.

Он победит.

Через полтора года его не стало.

Часть первая МОР

Глава 1

Ему казалось, что он летит.

Вода была упругой и плотной, она обволакивала тело теплой соленой влагой, и порой он чувствовал себя так, будто родился здесь.

Вода светилась; после каждого гребка она окружала пловца мерцающим сиянием; сам он видел только мутно-зеленые огоньки, несущиеся навстречу всякий раз, когда он опускал голову под воду, чтобы выдохнуть.

Сколько времени плыл, он не помнил. Как не помнил, почему оказался ночью в море, откуда плывет и куда. Да он и не задавался этими вопросами – просто гребком слегка раздвигал податливую толщу воды, погружаясь в ее непроницаемую темень, казавшуюся еще гуще от неровного зеленоватого мерцания, и снова появлялся, оставаясь под бесконечно далеким и безразлично прекрасным звездным небом...

Когда руки и спину начинало сводить, он ложился на воду и отдыхал. И смотрел на звезды. Ноги наливались свинцовой тяжестью, тело тянуло вниз, в темную непроницаемую бездну, и наваливалась смертельная усталость. Ему казалось, что он не погибнет, а просто сольется с окружающим морем, станет его частью – и будет жить вечно.

Звезды, крупные и яркие, сияли в невыразимой вышине, и Млечный Путь казался осколками Луны, рассыпавшейся в звездную пыль... Кого он вел и куда?..

У человека в море возникало вдруг странное ощущение, одновременно жуткое и чарующее: что сейчас он не удержится и начнет падать в эту мерцающую лунность, исчезнет, растворится в ее бесконечности...

Плеснула легкая волна, пловец ушел под воду, выдохнул, перевернулся и поплыл, ритмично двигая руками. Он выбрал себе звезду, самую яркую в этом ночном небе, и старался двигаться, ориентируясь на нее. И еще – она напоминала ему елочное украшение. Блестящая звездочка на вершине зеленого деревца, блески серпантинного дождя, запах хвои, чьи-то теплые и добрые руки – вот и все, что он помнил о себе и о мире.

Небольшая моторная яхта тихо покачивается на волнах. В мерцании звезд ее силуэт был бы едва различим, если бы не свет в рубке. Он виден на несколько миль вокруг. Чуть слышно играет музыка. На палубе – никого.

Моторка почти летит над водой, оставляя за собой зеленоватый светящийся след. Один из мужчин, одетый в облегающий гидрокостюм, стоит во весь рост рядом с рулевым и напряженно всматривается в бинокль, оснащенный прибором ночного видения.

– Есть! Я их вижу!

Моторка резко сбавляет обороты, зарывается носом в волну, двое мужчин берут весла и начинают слаженно и умело грести, как на каноэ, поочередно с двух сторон.

– У них есть радио?

– Да. Но не работает.

– Уверены?

– Да.

– Тогда подходим до видимости.

Лодка здорово нагружена для такого маленького суденышка; замешкайся один с гребком – и она бы просто перевернулась. Но мужчины работают умело и споро. Уже виден свет в рубке неподвижно застывшей яхты.

- Чем они там заняты?
- Бог знает. На палубе пусто.
- Яхта движется?
- Нет. Стоит.
- На якоре? Не может быть. Здесь слишком глубоко.
- Просто легли в дрейф.
- Какого черта...
- Скоро узнаем...

Еще несколько гребков. Лодка идет совершенно бесшумно, лишь едва слышимые всплески, сливающиеся с всплесками волн.

– Достаточно, – шепотом произносит рулевой, – Ближе нельзя. Ночью в море звук разносится, как в церкви...

Сидящий рядом надевает на плечи миниатюрный баллон со сжатым воздухом, маску, закрепляет во рту нагубник. Поднимает правую руку, отдает беззвучную команду.

Двое мужчин поднимают со дна лодки оружие – специальные автоматы – и без единого всплеска исчезают под водой. Третий уходит под воду следом. Маленькая моторка покачивается на едва заметных волнах. Она выкрашена особой краской и попросту сливается с цветом ночного моря. Рулевой сидит недвижно, как изваяние.

Заметить суденышко можно, только наткнувшись на него.

Трое пловцов появляются у борта яхты почти синхронно. Беззвучно цепляют обернутые резиной крюки и оказываются на палубе. Двигутся бесшумно в сторону рубки. На мостике пусто. Один осторожно спускается в маленькую каюту, выставив вперед автомат и напряженно прислушиваясь.

...Мне теперь морской по нраву дьявол, Его хочу люби-и-и-ть...

Ничего, кроме этой мелодии. Спускается второй. Подает знак – спускается третий.

Каюта напоминает место побоища. У переборки лежит труп крупного, полнокровного мужчины – лицо его просто размозжено чем-то тупым и тяжелым. Еще двое убиты выстрелами в голову. Четвертый лежит у другой переборки, сжавшись калачиком, кровавый след тянется от середины каюты.

Один из пловцов подходит к нему, щупает артерию на шее, подносит зеркальце к губам. Констатирует:

– Жив. Но ненадолго.

– Обследовать яхту! Немедля! – командует старший. Бойцы понимающе переглядываются, двое выходят, один вынимает миниатюрный прибор и начинает внимательно осматривать мостик и рулевую рубку, палубу. Другой натягивает нагубник, маску и прыгает за борт. Старший с таким же прибором быстро обходит каюту, скрывается в гальюне, затем изучает мотор. Вся процедура занимает не больше трех-четырёх минут, но по лицу мужчин крупными каплями течет пот.

– Чисто, – произносит наконец один.

– Чисто, – докладывает другой, взбираясь на борт.

– У меня – тоже, – с невольным вздохом облегчение произносит старший. – Яхта не заминирована. И что мы тогда имеем?

– Четыре трупа.

– Четыре?

– Как этот еще жив – абсолютно непонятно.

– Непонятно здесь все. – Подходит к раненому, наклоняется. – Проникающее ранение в брюшную полость. Кроме всего, задета бедренная вена... Кровоизлияние, кровопотеря...

– Чем его так обработали?

– А вот этим. – Старший кивнул в угол. Слегка зазубренный, с рваными краями кусок металлической трубы...

– Это ж какую силищу нужно иметь, чтобы тупой в общем-то штуковиной таких дырок понакрутить... – искренне удивился боец.

Старший еще раз взглянул на раненого, приказал:

– Бром, поработай. Он должен еще пожить. Хотя бы пару часов.

– Есть.

Боец извлек небольшую коробочку, раскрыл, нашел два нужных шприца, провел инъекции, начал поверхностную обработку ран.

Старший группы еще раз внимательно осмотрел крохотную каюту. Подошел к стоящей на треноге видеокамере, вынул кассету, со столика взял профессиональный мини-диктофон и лежащую рядом аудиокассету. Еще одну обнаружил упавшей под столик. Все находки поместил в пластиковый пакет, тщательно запечатал и закрепил в водонепроницаемом отделении гидрокостюма. Приказал бойцу:

– Подробную круговую съемку каюты. Затем – по секторам. Все до последней мелочи.

– Есть.

Вышел на палубу, плотно прикрыл дверь, чтобы не было видно вспышек блица, извлек мини-рацию, поднес к губам:

– Скат-два, я Корт, дай мне Базу. Человек на моторной лодке перевел тумблер рации-усилителя, включил кодированную защиту переговоров. Доложил:

– Корт, я Скат-два. База на вашей частоте.

– Корт вызывает Базу, прием.

– База слушает Корта.

– У нас осложнение. Уровень «экс».

– Докладывайте подробно – На борту три «двухсотых», один «трехсотый». Как поняли, прием?

– Что?!

– Повторяю: мы на борту. Кроме нас – три «двухсотых», один «трехсотый».

– Их всего не пять, вы уверены?!

Губы старшего скривило готовое сорваться с языка ругательство, но он сдержался:

– Уверен. Как поняли меня. База, прием?

– Вас понял. Корт... Кто-то управился раньше вас?

– Не похоже. Никто не стал бы оставлять «трехсотого».

– Яхта не была подготовлена к взрыву?

– Нет. Это первое, что мы прояснили.

– Вы нашли товар?

– Да. Он у меня.

– Вы его... проверили?

Старший снова чуть скривил губы, на этот раз презрительно: «проверка на вшивость», которую проводит этот в общем-то дилетант, оскорбительна для профессионала его класса...

– Нет.

– «Трехсотый» пригоден к транспортировке?

– Рискованно, но возможно.

– Приказываю: первое – полная съемка места происшествия. Детальная, вы поняли?

– Уже делается.

– Второе. Доставьте все необходимое для идентификации «двухсотых».

- Есть.
- Третье. Немедленно транспортируйте на Базу «товар» и «трехсотого».

Лично.

- Есть.
- Четвертое. Обеспечьте «чистоту».
- Подготовить яхту к полной ликвидации?
- Это лишнее. Барометр падает. Через два-три часа начнется сильный шторм.

Достаточно подготовить мотивированный пожар на судне, например из-за короткого замыкания. Трупы после обработки – на дно.

– Есть.

– И поторапливайтесь! На «Стреле» вы достигнете берега через пятьдесят минут максимум.

– Это невозможно.

– Почему?

– Невозможно так скоро. Четыре человека плюс «инвентарь» плюс «трехсотый».

Необходимо цеплять «лягушонка».

– Бросьте! Повторяю: мне нужны вы, товар, «трехсотый» и все необходимое для идентификации трупов и анализа происшедшего на яхте. Скотов оставите в «лягушонке». Мы заберем их через час «вертушкой».

– Не проще ли забрать всех прямо сейчас?

– Корт, вы забыли, кто принимает решения, а кто их выполняет! Вы меня хорошо слышите?

– Да.

– Выполняйте приказание. – Голос в трубке чуть смягчился. – Вертолет прибудет ровно через час двадцать. После того как вы мне все передадите.

Рисковать потерей товара мы не можем, а вертолет – слишком грохочущая штука-вина... Не забывайте о пограничниках – давно не в Союзе живем...

Вот это верно... Граница России и Украины... Охраняемая... Произнеси кто-нибудь подобное предположение вслух лет пятнадцать назад, при «дорогом Леониде Ильиче», – быть ему в дурдоме с самым противным диагнозом!.. Мысли эти промелькнули у Корта мельком, оставив лишь ставшую привычной горечь...

– Есть выполнять приказание, – произнес он в микрофон. Это хоть как-то возвращало его в привычный мир... – Конец связи.

– Конец связи.

Пловец ориентировался на звезды. Ветер к утру свежел. С верхушек волн срывались колющие горькие капли. И еще – он чувствовал, что замерзает. Хуже всего, что начинало сводить спину. Он сворачивался в клубок и просто лежал на воде поплавком, давая мышцам отдых. Невероятно, но за это время он успевал даже спать – недолго, тридцать-сорок секунд, и даже видел сны. Сначала видел спящий желтый свет... Вдох, выдох в воду... Медленно, очень медленно... Потом – бесконечно-длинные и безукоризненно-вылизанные коридоры, освещенные белым люминесцентным светом... Он еще подумал во сне, что такая идеальная чистота может быть только в морге... Или... Где же еще?... Вдох, выдох... Теперь ему снилась новогодняя елка, и запах хвои, и теплые прикосновения ласковых пальцев...

И еще – он видел блестящую рождественскую звездочку, и ее свет наполнял радость...

Пловец закашлялся, вода попала в дыхательные пути, он сделал резкое движение, выпрыгнув из воды почти до пояса, сумел набрать в легкие сколько возможно воздуха, ушел под воду, задержал дыхание и, уже появившись снова на поверхности, сумел выдохнуть остатки горькой, царапающей горло влаги... Спина казалась по-прежнему онемевшей, но

пловец переживал свое ощущение совсем не как усталость; казалось, он действует, подчиняясь инстинкту или давно приобретенным и так же давно забытым навыкам... Он сориентировался по звездам и поплыл, размеренно раздвигая гребками толщу воды... И еще... Еще он почувствовал радость... Время от времени он находил на небе избранную звездочку, она словно подмигивала ему... Казалось, это мерцание придает его существованию какой-то смысл... Какой именно – он не знал, но очень хотел узнать. А пока нужно было просто выжить.

Моторка отошла, взметнув бурун за кормой. Некоторое время он был виден в темноте и походил на подсвеченный петергофский фонтанчик.

Бойцы «оформили» соответствующим образом помещение каюты; ровно через сорок пять минут произойдет «короткое замыкание», возникший пожар уничтожит следы схватки и всего, что произошло до этого. Несколько пустых ампул, светоустановка, проекционный аппарат. Ежу понятно: здесь кого-то основательно «потрошили». Естественно, не так, как это делают скорые на расправу уроды из новых бандитских группировок – эти садюги могут, даже применив все свое «искусство», узнать только «верхушечки»... Ведь многие люди даже не подозревают о том, что им известно на самом деле и известно ли им это «нечто» вообще...

Нет, этого парня (или парней?) потрошили по всем правилам «науки и техники»...

Чувствуются не совсем чистые, зато умелые руки профессионалов... Только что же они, эти профи, лежат теперь с дырками в башке?.. Или – на каждую косу – свой камень? Может, и так.

Оставленный за старшего на «лягушонке», небольшой надувной лодке, Саша Бойко размышлял недолго. К чему пустые мудрствования? У него и ребят есть работа, можно сказать, э-э-э... почти по специальности, чего еще? Ну а что и почему одни «новые русские» хотят от других «новых» и ради чего рвут друг другу глотки – их забота. Ему нужно как-то кормиться и сестренку с братишкой кормить.

Хотя – противно, мать их...

Время шло медленно, но бойцы были абсолютно спокойны. На Корта можно рассчитывать. Если они перестанут доверять друг другу, то как боевая единица будут потеряны. Навсегда. Оставалось только дожидаться «вертушки». Самое приятное в том, что «работу» кто-то сделал за них, а гонорар от этого не уменьшится.

Моторка подошла к небольшому причалу. Корта ожидали трое парней; они помогли вытащить раненого, поместили в небольшой фургончик, оборудованный, как реанимобиль. Старший группы поднес к губам мини-рацию:

– Товар принят.

– Есть.

Молчаливый парень распахнул перед Кортом заднюю дверцу «БМВ»; двое сели по бокам. Если это и рассердило командира пловцов – вида он не подал. Товар у него, и эскорт или конвой обязателен. Многолетняя служба приучила его ко всему.

Одним из главных навыков было – не задавать вопросов.

Автомобиль следом за фургончиком помчался по городской окружной в сторону тихих, спрятанных в уютной зелени особняков.

* * *

Альбер сидел в полной темноте. И смотрел сквозь полураскрытые жалюзи в ночь. Свежий прохладный ветерок с моря был наполнен ароматами соли, морских и степных трав, но мужчина этого даже не замечал. Плотный сигаретный дым укрывал небольшую комнату словно портьера, слишком тяжелая для дуновения крепчающего морского бриза; воздух

проникал сквозь едва приотворенное окно и будто застывал в этом тяжелом искусственном мареве, не в силах вырваться на волю...

Огонек сигареты вспыхивал через равные промежутки времени; мужчина равнодушно ронял ее в пепельницу, прикуривая другую. На миг пламя зажигалки высвечивало словно вырубленное из единого куска камня лицо, прорезанное редкими глубокими морщинами и состоящее, как могло показаться, всего из двух тяжелых составляющих: массивного подбородка и мощного покатого лба. Губы были плотно сжаты; казалось, сидящий просто закрепляет сигарету в некую щель выше подбородка. Выступающие надбровные дуги, поросшие густыми светлыми волосами, почти совершенно скрывали близко посаженные маленькие глаза. Язычок пламени лишь на миг отразился в расширенных черных зрачках и угас. Мужчина не любил света.

То, что случилось, казалось совершенно невероятным. Время доклада – через два часа. Альбер понимал, что провала этой операции ему не простят. Слишком многое было поставлено на карту. И – многие...

Но два часа – это сто двадцать минут. Не так мало. Если действовать умно и скоро. Некоторые приказы нужно отдать уже сейчас. Ну а основное решение... Его он сможет принять непосредственно перед звонком в Москву. Дальше он станет действовать. Собственная жизнь – серьезная ставка, чтобы не стеснять себя ни в средствах, ни в поступках.

Огонек сигареты высветил тяжелый подбородок, две глубокие борозды от крыльев носа к губам, короткие тупорылые пальцы с коротко остриженными ногтями.

Альбер одним движением погасил сигарету в пепельнице и поднял трубку специального переговорного устройства.

Вертолет мчался низко над морем. В наушниках пилота звучал позывной, похожий на позывной первого советского спутника: пи-пи-пи... Время от времени он косился на двух стрелков, напряженно всматривающихся в несущуюся навстречу массу воды. Дверцы с обоих бортов сняты; пулеметы закреплены в турелях, и приникшие к ним боевики больше похожи на дополнение к оружию, чем на живых людей. Наверное, так оно и есть. Тогда он сам – просто дополнение к этой грохочущей «вертушке»... А что в этом плохого? Кто на что учился... Да и...

Думать надо меньше.

– Далеко еще? – спросил, пытаясь перекричать шум винтов, один из парней.

– Что?

– Далеко еще?

– Пять минут лету.

– Как только будем над местом – включай прожектор.

– Ага.

– И не агай. Не у тещи на посиделках. Уяснил?

С какими уродами приходится работать! А что делать-то? Жить как-то надо...

Пилот сосредоточенно кивнул.

– Ну, смотри... Да... Скажи им пару ласковых, чтобы не дергались.

Пилот нашел нужную частоту:

– Скаты, Скаты, я – Птичка. Готовность – три минуты, как поняли, прием.

– Всегда готовы! Конец связи! – Боец опустил мини-рацию. – «Вертушка» идет.

– Крот сказал – через час двадцать. А прошло только сорок минут, – недовольно пробурчал Саша Бойко.

– Переиграли, – пожал плечами один из бойцов. – Погода – к шторму. Потому и переиграли.

– Не люблю я переигрышей, – хмыкнул Саша.

– Да брось ты... Времечко-то сейчас... Раньше даже конвейеры по секундам работали, а уж в нашей системе... А любители – они любители и есть.

Полыхнула дальняя зарница, а следом – белый слепящий свет прожектора залил утлую надувную лодчонку.

– Да что они, опупе...

Пулеметная очередь разорвала лодку надвое; пули ложились кучно, густо, превращая пространство внизу в кипящий, залитый светом котел...

Саша Бойко шел вниз, в глубину, быстро работая ногами. Он чувствовал, как разламываются виски, потом – дикая боль в ушах, но движения не прекратил. Еще он чувствовал боль в бедре, но сейчас было не до нее... Если пуля пробилла баллон – крышка. С такой глубины ему уже не вернуться... На ощупь он нашел нагубник, сделал аккуратный вдох. Легкие словно пронзило сотней иголочек... Ну да это не смертельно. Слава Богу, с баллоном все в порядке... Саша зафиксировался на достигнутой глубине и замер.

Вертолет перевалился на другой борт, прожектор пошарил внизу... Ничего, кроме бурого месива на поверхности воды.

– Порядочек! – подытожил первый стрелок. – Там один вроде в воду кувыркнулся. Может, ушел? – произнес второй.

– Рыбам на корм. Я все перепахал метров на двадцать вглубь. От пули не уйдешь. Круто, скажи? – Стрелок панибратски ткнул в бок пилота.

– Круто, – равнодушно подтвердил тот.

– Ладно, хорош базлать. Пошли к берегу. Не люблю над водой болтаться, особенно по такой погоде! Так и кажется: молния шарах, и – покойнички.

– Свистун, ты бы заткнулся, а? – зло прервал второй стрелок. – Накаркаешь, ворона...

– Да ладно тебе... – Первый чувствительно ткнул пилота в бок:

– Ты чего, водила, не слышал? Рули к берегу!

Вертолет круто развернулся и ушел в сторону наплывающей низкой тучи.

Саша Бойко выбирался на поверхность не враз. На сколько же он занырнул?

Бог знает. «Ухи» порвал, с верхушками легких тоже не все ладно. Ничего. Это пройдет. Полыхнула зарница – боец мигом ушел под воду, слился с ней. Хотя...

Зарница его и спасла: он увидел «вертушку», вернее, ее очертания. Это была слишком легкая машина, четверых ей на борт просто не взять... И еще – он различил контуры замершего в проеме снятой дверцы человека. Поза была вполне понятной. Даже слишком. Ну а если их не собираются брать, значит...

Нет, тогда этих мыслей даже не было: все мелькнуло так же скоро, как вспышка зарницы; Саша даже и не говорил ничего – просто коснулся руки близсидящего, что означало – «делай как я», и кувыркнулся спиной назад...

Саша огляделся на поверхности. Из ребят успел он один. Остальные... Что ж... Боевые пловцы всегда должны быть готовы к тому, чтобы стать частью моря...

Только – не из-за предательства!

Кто предал? Корт? В это Саша не верил. С Кортом они «ныряли» с восьмьдесят второго; это – срок. Не говоря уже о переделках, в которых пришлось побывать...

Остальные ребята «плавать» начали с девяносто второго, молодые... Обучались по спецпрограмме, а вот в настоящем деле, в таком, какие проводились у берегов Северной Африки, скажем, никогда не были. Суверенитеты, ходить им конем! Хотя и это стало давно привычным...

Если предал не Корт – значит, База. Только они знали частоту рации и позывного... И еще это значит, что самого Корта устранят... Или – уже устранили... Что ж... Остается пара мелочей: найти эту самую Базу и – уничтожить. На войне как на войне. Эти дилетанты не додумали самую малость: это для них война – средство, для него это – профессия.

Саша почувствовал тяжесть в правой ноге. Достала-таки излетная... Вынул тонкие длинные щипчики, зажег фонарик, скрылся под водой. Вынырнул. Осмотрел внимательно длинную, с тяжелым сердечником пулю. Аккуратно спрятал в отделении комбинезона. Понятное дело, не как вещдок, а из давнего суеверия: не выбрасывай пулю, не убившую тебя, не выпускай ее «на волю»: кто знает, может, в другой раз она не промахнется... При случае он «схоронит» ее. В земле, но не в море.

Из другого отделения Саша вынул клочок резины, освободил от оболочки и ловко заклеил разрыв комбинезона. Рана пустячная, ничего не задето, а морская вода, попавшая под комби, сама и продезинфицирует. Хуже с «ухами» – он не слышал, абсолютно.

Бойко посмотрел на небо. Штормяга будет нешуточный. Ну да не утонет. Этот участок моря он знает не хуже, чем солдат – котелок. В трех милях отсюда – затопленная еще в сорок втором баржа; и глубина там хорошая – как раз то, что нужно, чтобы пересидеть шторм. Ну а воздушно-азотной смеси в баллоне хватит, если дышать по-людски и не жадничать. Он снова глянул на небо, сориентировался по пока еще видимым звездам, сверился с закрепленным на запястье компасом.

Пора. Натянул маску, прихватил нагубник и исчез под водой.

Он шел скоро и уверенно, работая ногами. Задача проста, как яйцо: выжить самому и отправить к Харону этих ублюдков с Базы. И еще... Любопытно все же, кто тот парень, которого пытались «разговорить» на яхте? Тот, кто банкует, не стесняется в средствах... Так что парень этот – масть в колоде не случайная...

Козырная масть. В любом случае этому неизвестному хуже, чем ему, Саше Бойко.

После той дозы наркоты, что тот заполучил, еще и выжить?... Зато – к звездам отлетаешь легко, как во сне. И утро уже не настанет. Никогда.

* * *

К утру погода испортилась. Небо закрыли тучи, и пловец не видел уже ни звезд, ни солнца. Шквальный ветер несея где-то там, в вышине; волны стали вязкими и темными, и все силы уходили теперь на то, чтобы просто держаться на воде. Теперь он видел море словно из вогнутой чаши и старался угадать удар очередной волны, развернуться лицом... И тогда – взлетал на самый гребень, и различал вокруг только бурые бугры валов, маслянисто переливающиеся под затянутым стальными тучами небом. Тело казалось совсем чужим, ледяная вода, поднятая штормом с глубин, плотно сковала мышцы, и порой мелькала мысль поддаться... Но пловец знал и любил море. Эта прекрасная дочь Ветра с ласковым и жестоким характером, как всякая женщина, была своенравна и своевольна; ей нельзя противиться, но нельзя и покоряться... И то и другое приводит ее в ярость. И еще – ее нельзя бояться; трусов море не прощает.

Пловец не боялся. И то, что конец его очень скор, ощущал просто – как данность. Сил не было. Его то и дело захлестывало с головой, вода попадала в горло, и, оказавшись на гребне волны, он старался вдохнуть как можно больше воздуха, чтобы хватило еще на одно падение и еще на один рывок. Остальное теперь было не важным. Совсем не важным.

Удар пришелся в лицо, перевернув пловца на спину и сделав беспомощным перед накатом новой волны; бревно-плавун, похожее на большую хищную рыбу, тяжело навалилось на грудь; пловец обхватил его руками, теряя сознание.

Огромный ледяной вал смешал все в стремительной водяной массе...

...А человек снова видел звезды. Они были совсем рядом, крупные, яркие, и Млечный Путь казался осколками Луны, рассыпавшейся в звездную пыль... Кого он вел и куда? С каким-то гибельным очарованием, словно в сонное снадобье, падал он в эту мерцающую лунность и чувствовал, как растворяется в ее бесконечности.

Глава 2

Машины миновали беззвучно открывшиеся ворота и оказались во дворе особняка.

– Товар прибыл, – доложил дежурный по внутреннему телефону.

– Пусть Корт поднимется. Сейчас! – приказал Альбер.

– Есть.

– Второе. Медики сообщили, что с «трехсотым»?

– Один из них – рядом, – Дайте ему трубку. – Есть. – Дежурный кивком подозвал врача.

– Докладывайте.

– Проникающее ранение в брюшную полость. Судя по всему, смертельное. Он вряд ли выживет.

– А вот на это мне наплевать – выживет он или сдохнет! Вы слышите – наплевать! – Альбер перевел дух. Кретины! – Отвечайте по существу: через какое время он будет готов для допроса и сколько конкретно ему жить?

– Это зависит от...

– Я не закончил. Сколько времени он будет активно жив, чтобы прояснить все, что случилось?

– Максимум час. Может – чуть больше. Переливание крови уже сделано, все необходимое для приведения в сознание – тоже. Полагаем, будет готов давать показания через десять – пятнадцать минут.

– Как только очухается – сразу ко мне, вы поняли? Немедленно! И еще: сделайте что-нибудь, чтобы он не догадался о степени своих повреждений. Чтобы был уверен, что проживет еще лет двести богатым, здоровым и счастливым! Это, надеюсь, в ваших силах? – произнес мужчина с издевкой.

– Да.

– Выполняйте! – Он со злостью бросил трубку.

Альбер нажал кнопку управления на панели, и на окно опустились бронированные металлические шторы. Только после этого закрыл жалюзи, включил подсветку – иллюзия, что он сидит спиной к окну, за которым уже ясный день, была почти полной. Вот только – света многовато; мужчина передал режим подсветки управляющему компьютеру – «за окном» наступили предрассветные темные сумерки ненастного дня. Включились белые люминесцентные лампы, расположенные позади стола; пучки света были отрегулированы так, что любой посетитель чувствовал себя рептилией на предоперационном столе хирурга-экспериментатора.

Тем не менее Альбер поморщился: света, особенно яркого, он не выносил. И хотя его изрезанное морщинами лицо казалось загорелым, как у человека, много бывающего на свежем воздухе и открытом солнце, – это было чистой иллюзией.

Оливковый «средиземноморский» загар мужчина приобрел в солярии на третьем этаже особняка: принятые правила должно соблюдать хотя бы внешне. Солнца, как и света, он терпеть не мог.

Раздался зуммер интеркома.

– Слушаю.

– Корт в приемной.

– Пусть войдет.

– Есть.

Хозяин поднял глаза на вошедшего, процедил, почти не разлепляя губ:

– Товар.

Корт выложил на столик кассеты. Хозяин придирчиво осмотрел их и спрятал в стол.

– Материалы.

Так же молча командир пловцов извлек из сумки несколько пакетов:

– Видео-и фотосъемка места происшествия и материалы для идентификации трупов.

– Что именно?

– Образцы крови, волос и «пальчики».

Альбер нажал кнопку. Появился молодой человек, скорее похожий на манекен серийного производства или новенький, с иголки, сержантский китель: если он и имел какие-то индивидуальные черты, выделить их было невозможно.

– Пакет – в лабораторию. Результаты сразу по получении – немедленно ко мне на стол.

– Есть.

– Я хочу знать ваше мнение по поводу происшедшего инцидента, – обратился Альбер к Карту. – Что там произошло на самом деле? Нападение группы, подобной вашей?

– Нет. Это сделал один человек.

– Диверсант? Профессионал?

– Судя по результату, это именно так.

– Вот как? А точнее?

– Это был тот, с кем проводилась «работа». Вернее – «обработка».

– Итак: вы обнаружили ампулы. Догадаться, что это такое несложно профессионалу вашего уровня. И вы продолжаете настаивать, что после... обработки этот человек был способен расправиться с четырьмя вооруженными людьми, двое из которых – достаточно квалифицированные специалисты именно в смысле... э-э-э... действия?

– Были.

– Что?

– Были. Теперь это просто трупы.

– Вы настаиваете на своей версии?

– Вы спросили мое мнение, я ответил. Ну а что до версий или аналитики – это не мой предмет.

Снова зазвучал зуммер внутреннего телефона.

– Слушаю.

– Объект готов к разговору. Правда...

– Да!

– ...он несколько перевозбужден от введенных препаратов. И еще – мы можем гарантировать его... активную деятельность только в течение тридцати – тридцати пяти минут.

– Немедленно ко мне.

– Есть.

– Карт, я попросил бы вас задержаться на некоторое время. – Хозяин нажал кнопку. Появившийся «китель» застыл бездушно в дверях, ожидая команды. – Проводите в бокс.

– Есть. – «Манекен» повернулся в полупрофиль, кивнул Карту, приглашая следовать впереди.

За окном хлестал плотный дождь. Вода стекала по стеклу, делая его похожим на отлитое мастером произведение; но очертания влажных узоров менялись прихотливо и скоро, можно было любоваться ими бесконечно долго и – думать.

Константин Кириллович Решетов, закутанный в махровый халат, с волосами, еще влажными после ванны, сидел в удобном низком кресле и курил первую за день папиросу. Аромат прекрасного табака наполнял комнату: папиросы он изготавливал всегда сам из смеси турецких, Каролинских и английского трубочного Табаков. В отдельной комнатке стояла и специальная машинка, принадлежавшая еще его деду, затем отцу. Мужчина перемешивал и

измельчал табаки всегда вручную, толстым тесаком, и только затем набивал гильзы. Именно во время этого занятия к нему приходили самые светлые идеи.

Решетов позвонил в колокольчик. Через пять минут появилась горничная с подносом, на нем – чашка свежеприготовленного кофе. Оставив поднос на низком приставном столике, женщина удалилась; он взял толстостенную чашку и с удовольствием отхлебнул обжигающего напитка.

Просыпался Константин Кириллович не рывком и не сразу. Он всегда с иронией читал какие-то заметки, авторы которых предлагали читательской «пастве» буквально вытряхиваться из постелей, бежать немедленно «от инфаркта», лезть под ледяной душ... Эти идиоты сами пытались когда-нибудь выполнить то, что предлагали? Беспросветная глупость!

Точно с таким же маниакальным самомнением многие сетовали на то, что сон отнимает у людей чуть не треть активной жизни, выдумывали способы кто – сократить, кто – вообще обойтись без сна, заменить его пятнадцати-двадцатиминутным «глубоким медитированием»... Эти же «ученые» вывели, что лучший сон – это крепкий и без сновидений... Словно в яму провалился – и продолжай активную жизнь! Будто человек – не живое, духовное существо, а механизм, функционирующий в заданном режиме, и ночь – просто досадное недоразумение, когда «машина» должна дозаправиться в некоем «боксе» и – вперед, к новым свершениям... Свершениям – чего?.. Все – суета сует...

Константин Кириллович Решетов всегда полагал, что сон есть иная ипостась работы и интеллекта, и души. И всегда пытался вспомнить сновидение, особенно если был чем-то удивлен или напуган... Люди, имевшие с ним дело, считали его человеком рациональным, и были бы крайне удивлены, если бы проводали об этой его привычке. Но сам он знал твердо: жизнь гораздо разнообразнее и мудрее, чем представляется, и, чтобы принять правильное решение, необходимо анализировать и сопоставлять все ее составляющие. Особенно, если от твоих решений зависят судьбы и жизни сотен тысяч, а скорее, миллионов людей.

Вода стекала по стеклу, делая его похожим на отлитое мастером произведение, влажно-изменчивое, делающее очертания за окном сказочными. В эти минуты, пока организм еще не перешел в режим полного бодрствования, Решетов думал о разном. Он вспоминал прошлое, людей, которые его любили и которых любил он сам, вспоминал пруд в деревне Сосновое, где ловил карасей мальчуганом, вспоминал, как едва не утонул в пятилетнем возрасте, бросившись вытаскивать упавшего в воду котенка, вспоминал запах сена и хвои, струганных досок и большие сильные руки отца, орудующего рубанком... Отец погиб в первый месяц войны, но похоронка на него затерялась, и мать продолжала ждать его до сорок шестого...

Вода стекала по стеклу... Вода... Ну да, ему снилась вода... Словно он нырнул, совсем неглубоко, вода была мутной и зеленоватой, водоросли стелились над головой, а он силился вдохнуть и не мог... Проснулся вдруг, сердце билось, словно пойманная рыбка в руке, и он не сразу понял, где находится... Повернул голову, увидел фосфоресцирующий циферблат часов – без пяти четыре... Катя спала рядом, свернувшись в клубочек... Стараясь не разбудить девушку неловким прикосновением, он обнял ее, тесно прильнув к худенькой загорелой спине... Он чувствовал исходящее от нее спокойное тепло, вдыхал запах волос... Сам не заметил, как снова уснул. На этот раз ему снилось что-то приятное, что – он не вспомнил... Осталось только ощущение – будто теленок-несмышлениш тыкался влажно ему в лицо и в ладони, словно ища защиты от всех страхов – и существующих, и мнимых...

Кофе выпит. Папироса выкурена. Мужчина встал, прошел в другую комнату, неторопливо и тщательно оделся, спустился на второй этаж и прошел в кабинет. На столе уже лежал список дел на сегодня.

Да и еще... Похоже, люди стали умнее за последний год... И политическое шоу забавляет их куда меньше, чем раньше... Если кто и играет в политику, то делает это как-то без прежнего азарта – публика заскучала. И дураков участвовать в массовках, как это было

совсем недавно, уже не найти... Все понимают – помимо актеров, суфлеров, рабочих сцены и тех, кто за сценой, существуют еще сценарист и режиссер... Люди талантливые и незаметные, они могут преспокойно наблюдать за действием из зрительного зала, а то и поучаствовать в представлении статистами из чистого любопытства и остроты ощущений... Но есть еще и те, кто заказывает и сценарий, и музыку, кто оплачивает талант постановщиков и мастерство актеров... Кого они представляют? Себя. Только самих себя.

Решетов усмехнулся... Сколько восходящих звезд видел он на своем веку, звезд, возмнивших себя Солнцем... От них не осталось не только пыли, но и воспоминаний людских... А помнят лишь «актеров», «любимцев публики», особенно тех, кто умел вовлечь зрителей в кровавые шоу-массовки – будь то беспорядки или революции... Ни режиссеров, ни сценаристов, ни их заказчиков не знает никто.

Хватит философствований. Многовато для одного утра. Пора работать. Итак...

Первое. Биржевые сводки... Стоп!

Вода. Почему ему снилась вода?.. Мужчина нажал кнопку интеркома:

– Марина, от Дорохова есть что-нибудь?

– Пока нет, Константин Кириллович.

– Он еще не вернулся в Москву?

– Нет. Он в отпуске. Связать вас с Игорем Федоровичем?

– Нет. Найдите Дорохова. Сейчас. И свяжите меня по прямому.

– Да, Константин Кириллович.

– Марина...

– Слушаю, Константин Кириллович?

Так что он хотел узнать? Ну да, о Дорохове. Нет, такое начало утра абсолютно никуда не годилось! Решетов никогда не отличался особой нерешительностью и в случае необходимости умел действовать скоро и точно. Но сейчас – сейчас он просто суетится. Признак растерянности... Почему, отчего? Он ведь прекрасно знал, что Марина четко и однозначно понимает приказы и уже предприняла все необходимое для немедленной связи.

– Слушаю, Константин Кириллович? – повторила девушка.

– Одну большую чашку кофе.

– С молоком?

– Да, как обычно.

Девушка вошла через несколько минут, внося на подносе дымящуюся чашку.

Решетов быстро взглянул на нее:

– Связаться не удалось?

– Нет.

– Даже по моему каналу связи?

– Даже так.

– Пытайтесь снова.

– Да, Константин Кириллович.

Мужчина вынул из коробки папиросу, чиркнул спичкой. Девушка оставила на столе перед ним чашку и удалилась. А он наблюдал, как струя папиросного дыма медленно скручивается в спираль... Как сказал бы последний генсек, процесс пошел. И пошел по некоему совершенно неуправляемому руслу... Вернее, управляемому, только... Тут есть над чем подумать. Крепко подумать.

Марина плотно прикрыла за собой дверь кабинета. Села за компьютер, набрала код входа в одну из сетей связи, затем – сложный цифровой код-пароль. Чуть помедлила, пальцы забегали по клавиатуре. На спокойном, цвета морской волны фоне высветились два слова: «Кришна обеспокоен».

Одним нажатием клавиши она уничтожила набранную информацию, набрала специальный код очистки оперативной памяти и стерла все, что касалось использования шифра-пароля. Откинулась на спинку кресла. На сердце было тоскливо. И еще – страх. Только теперь это был другой страх, не тот, с которым она жила последние полгода.

Ей вдруг подумалось, что теперь страх будет сопровождать ее всегда. Нужно научиться как-то жить с этим. Если... Если с этим вообще можно жить.

Девушка посмотрела в окно, полуприкрытое жалюзи. Вода стекала по стеклу, делая его похожим на отлитое мастером произведение, превращающее очертания за окном во влажный и сонный мираж.

Огромный кабинет отделан темным мореным дубом. За громадным, крытым зеленым бархатом письменным столом сидит мужчина. Приближенные называли его – Магистр. Ему за пятьдесят, а скорее даже – за шестьдесят. Прекрасно сшитый темно-синий, с едва заметной полоской, двубортный костюм скрадывает возможные недостатки фигуры. Крупная голова неподвижна, мужчина смотрит в одну точку.

За окном – густой осенний сумрак, дождь. Плотные портьеры на окне чуть раздвинуты, мужчина встает, подходит к окну, смотрит на высокие сосны. Низкое, лилового цвета небо словно притиснуло их к земле, верхушки кажутся тяжелыми и грузными, и совершенно непонятно, как эти тонкие стволы не переломятся под такой невыносимой тяжестью... Барокко. Русское барокко.

Магистр любил непогоду. Она прекрасно гармонировала и с его обычным настроением, и, как он полагал, с настроением большинства живущих на этой земле людей. Даже не с настроением, нет – с их внутренней сутью. Как бы ни стремились люди скрыться за лаковыми фасадами добропорядочных квартир и особняков, за затененными стеклами лимузинов, за зеркальным блеском офисов или просто за размеренной и вроде ничем не примечательной жизнью «простого человека», сутью их оставались страх, ненависть, слезливое нытье о проходящем, безнадежная суета и снова – страх... Люди целеустремленно и ненасытно не только пожирают окружающее – леса, поля, реки; они тихо жрали друг друга, маскируя свой всепоглощающий жор пустыми словесами, кто – о человеческих ценностях, кто – о любви к ближнему... Наблюдая за человеческой комедией, мужчина, казалось, физически ощущал треск изломанных хребтов и судеб, синхронное движение тысяч челюстей, пережевывающих плоть, мозг, души себе подобных... Людей в этом мире интересовало только одно: власть. Хлесткое, как удар кнута, слово выражало все, что могут желать человеческие существа, и только от того, держишь в руках ты эту плетку и погоняешь уродливое стадо или кто-то хлещет и погоняет тебя, зависит ценность человека в этом мире... Личность... Интеллект... Душа...

Талант... Гений... Все эти словеса – ничто по сравнению с одним, реальным и действенным: власть.

Магистр жестко держал в руках эту плетку и не собирался уступать ее никому.

Он услышал короткий звуковой сигнал спецсвязи, подошел к компьютеру. На спокойном, цвета морской волны фоне были высвечены два слова, имеющие для него лично и для многих, кто с ним, грозный смысл: «Кришна обеспокоен».

Корт терпеть не мог людей за спиной. Особенно таких, как этот безликий «сюртук». Уродливое сочетание лакейства и пренебрежительного высокомерия ко всем, кроме хозяина, делало подобный тип людей опаснее любого отморозка. Если последние были освобождены от понимания ценности чужой жизни или страха за свою обыкновенной тупостью, то «манекены» были свободны от того же самого по подчиненности. Вот только... Вот только сам он тоже стал своего рода «манекеном»... Хм... А что он умел, кроме войны?..

Ладно, проехали. Кто на что учился. А все же – чувствовать на затылке взгляд отражающих свет оловянных глаз «солдатики удачи» – не самое приятное ощущение.

Они вышли из особняка и направились к флигелю: именно там располагалось пять наглухо закрывающихся боксов, похожих на бомбоубежища-индивидуалки времен холодной войны, в которых и «обтекали» секретоносители до той поры, пока с них не скачают всю нужную оперативную информацию... Вообще-то дело было поставлено достаточно профессионально, но... Не было того, что и превращает даже прекрасно отлаженную тайную организацию в спецслужбу – внутренней корпоративной ответственности сотрудников за результат. В другом случае, даже если и сам руководитель является профессионалом, и его сотрудники – каждый в своем деле – тоже, такая организация, даже высокого уровня взаимодействия, была просто-напросто «временной оперативной группой», а если сказать еще проще, по-русски, – шайкой.

Рокот вертолета, несущегося низко над землей, заставил и Корта, и сопровождающего на секунду поднять головы. Дверцы сняты, и хотя пулеметов уже нет – турели остались на местах. В кабине угадывались силуэты людей...

Прошло... Прошло около часа, а не час двадцать... Сейчас вертолет должен только вылетать за «скатами», ожидающими эвакуации в утлом «лягушонке» посреди беспокойного моря... А этот заходит на посадку... А все вместе означает...

Мысли пронеслись в голове Корта за одно мгновение, последовательность действий он тоже не просчитывал. Короткий рубящий удар ребром ладони по открытой шее – сопровождающий «китель» рухнул на месте. Корт ловко извлек из внутренней кобуры мощный «стечкин», снял с предохранителя. Так. От охраны у ворот его скрывает невысокая живая изгородь, привратник у дверей особняка убрался от пронизывающего, с мелким дождем ветра в караульное помещение и сейчас, с двумя другими прихлебывает кофе с ромом, в котором алкоголя куда больше, чем кофеина... Корт набросил на гидрокостюм пиджак «манекена», неспешно пересек открытое место, где его могла бы увидеть охрана, а за зарослями акации уже бежал в сторону только что приземлившегося вертолета. Глушителя в карманах приобретенного твидового пиджака, к сожалению, не завалилось... Ну что ж...

Двигался он сквозь заросли бесшумно, словно дикий кот. Вертолет опустился на землю, рокот двигателя словно увяз в мутном и влажном предутреннем воздухе.

Корт лег на живот на краю маленькой площадки, расслабленно замер, напевая про себя какую-то мелодию, совпадающую по ритму с шумом двигателя. «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги... Зеленое море тайги... Зеленое море...»

Встречал вертолет один человек. Как только стрелки с пулеметами наперевес выпрыгнули на землю, он приветственно помахал рукой и, очевидно, пошутил – боевики разом осклабились. Что это была за шутка – расслышать было невозможно, но она оказалась последней в жизни этого незатейливого весельчака – пистолетная пуля разнесла ему голову на куски. Выстрела за форсированным шумом винтов никто не услышал. Как никто не услышал второго и третьего – пули отбросили каждого из стрелков на несколько метров: один, сделав в воздухе немыслимый пируэт, ткнулся лицом в бетонку площадки, другой упал спиной, словно тряпичная кукла.

Шум стих разом – пилот перевел машину на нейтралку. Спрыгнув на площадку, он понял, насколько поторопился: совсем рядом, словно призрак, возник боевой пловец, как две капли схожий с теми, что были расстреляны с борта его машины двадцать минут назад... Только на этом почему-то был еще и пиджак... Впрочем, деталей костюма пилот не рассматривал: прямо в лоб ему был направлен черный зрачок крупнокалиберного пистолета, делающий его обладателя в эту секунду всем: и судьбой, и ангелом мщения, и демоном смерти.

– Повернись спиной! – приказал Корт. Одним движением он вытянул из ножен изящный, словно плавник хищной рыбы, клинок, обхватил шею пилота, приставив к кадыку остро отточенное лезвие. – Не вздумай дергаться!

Предупреждение было излишним: вертолетчик затаил дыхание, словно боялся потревожить каленую сталь даже мимолетным движением. Корт поднял пистолет и выстрелил дважды – пули разнесли головы пулеметчиков.

– Заводи!

– Бензин почти на нуле.

– Не болтай зря. Ты взлетишь, даже если в бензобаке ослиная моча, – хмыкнул Корт и попытожил:

– Потому что жить хочешь.

К вертолету уже бежали. Почти не целясь. Корт прострелял весь магазин, заставив преследователей затаиться. Машина затряслась и плавно пошла вверх.

Корт удовлетворенно оглядел удаляющиеся, распластанные на земле фигурки, заметил вспышки выстрелов. Пилота торопить не нужно – теперь они были «в одной лодке». Вертолет круто взял в сторону... Ушли!

Вспышку на балкончике особняка он отметил как данность. Ни о чем не думая, просто шагнул в черный проем двери. «Вертушка» разбухла, как налитый огнем шар, и развалилась в воздухе. Последнее, что видел боевой пловец перед страшным ударом, была несущаяся навстречу земля.

Альбер опустил гранатомет.

Услышав рокот вертолета, он вышел на балкончик. Единственное, что увидел в предутренней дымке, – это вспышки выстрелов. Быстро вернулся в кабинет, вытащил из шкафа реактивный гранатомет, оснащенный ночным прицелом. Он сумел поймать вертолет на взлете – пилот успел заложить вираж, еще секунда, и он ушел бы из зоны выстрела... Хорошо, что навыки остаются. В Афганистане Альбер в свое время работал советником по вопросам идеологии, но на караваны выезжал: любимый спорт «кремлевских пташек» разного ранга – поохотиться на людей. Естественно, при наличии «загонщиков» и почти с полной гарантией безопасности. Альбер был тогда у них вроде как «егерем».

Сейчас мужчина работал на себя – он зарабатывал деньги. Большие. Очень большие. От работы же получал удовольствие: сутью ее оставалось властвование. И что бы ни думали себе московские денежные мешки, именно люди действия продолжали осуществлять непосредственную власть в стране.

Жаль Корта. Один из немногих профессионалов экстракласса. Теперь – просто груда паленого мяса... Последние «романтики профессии» уходят. И с кем работать? С этими недоумками?

– Вертолет взорвался! – прокричал вбежавший охранник.

– Это я заметил, – хмыкнул мужчина, кивнув на гранатомет на подоконнике.

М-да... Работать с идиотами – себе дороже. Это не Корт – тот даже его самого считал любителем – такая корпоративная самонадеянность. Вычислил в нем «идеолога» и отнесся соответственно. Хотя не все в «пятерке» были дебилами, далеко не все... И кто, интересно, прикрывал всю «контору» перед цэкистами, если не они? Да и идеологическая основа нужна любому государству; если у страны нет своей идеологии, ее подменит чужая. Для любой страны это губительно, для России – просто убийственно.

– Болек убит, – выдавил из себя охранник.

– Об этом я тоже догадался. Что делали вы?

– Виноват.

Охранник беспомощно лупал глазами. Нет, этих раздолбаев нужно менять, и немедленно! Если человек дурак, то он дурак во всем! Из-за чьей-то тупости, нерасторопности и непрофессионализма навалена куча дерьма, и теперь ее нужно разгребать!

– Все – на уборку территории.

– Что? – переспросил охранник. Дебилы! Карту не нужно было объяснять подобные вещи – азбука. То, что он и его «скаты» попали под грубую зачистку, – тоже азбука; будь Корт на его месте, он поступил бы так же.

– Всех – на свежий воздух. Уничтожить следы перестрелки, насколько возможно. Представить все обычной авиакатастрофой, вызванной утечкой горючего.

Вам ясно?

– Да.

– Выполняйте.

– Есть.

Альбер закурил сигарету, не отрывая от губ, сделал несколько затяжек, поднес к губам микрофон спецсвязи:

– Дельта-два, я Дельта-один, прием.

– Дельта-два слушает Дельту-один, прием.

– Готовность по полной зачистке Базы.

– Чистильщики готовы.

– Ждите сигнал.

– Есть.

Альбер выключил спецсвязь, поднял трубку внутреннего телефона.

– Доктора ко мне.

– Есть.

Он прикрыл глаза, постарался расслабиться. Если он не доложит через полтора часа, Москва свяжется с ним сама. Отговорок типа «Связь не работала, потому что свет отключили» там не понимают. Им нужен результат. Только положительный. Конечно, кассеты. И еще – полная картинка происшедшего. Может быть, через пару часов она прояснится. Может быть... Вот тогда и будем говорить с Магистром. Даже если кристальной чистоты и не будет, не важно. В мутной водиче тоже плавается... Но сам он должен знать, что происходит. Наверняка.

Глава 3

– Не волнуйтесь, Доктор, все уже позади. Сигарету?

– А мне можно?

– Меня заверили, что никакой опасности. Просто большая кровопотеря. Прошу.

– Хозяин кабинета приподнялся из-за стола, вставил в рот сидящему напротив в кресле-каталке тщедушному человечку сигарету, чиркнул зажигалкой. Живот и ноги сидящего были плотно закутаны простыней, он опасливо посмотрел вниз, увидел ступни:

– Вы знаете, я совсем не чувствую ног... И туловища тоже... – Он затянулся сигаретой, поднес руку к губам, взял ее аккуратно двумя пальцами, с удивлением посмотрел на них и на тлеющий огонек, затянулся снова, так что горящая точка оказалась между средним и указательным пальцами, обжегся и едва успел перехватить сигарету другой рукой. Дым выдохнул с видимым облегчением.

Хозяин кабинета наблюдал за ним молча, укрываясь за пучками света, бьющего из-за спины прямо на сидящего. Экспериментатор! Проверяет чувствительность...

Ну-ну...

– Так что произошло? – быстро спросил Альбер, бросив тело резко вперед и приблизив лицо так, что маленькие глазки-буравчики впились в глаза раненого; во взгляде была угроза: коль скоро Доктор решил, что будет жить, и жить долго, пусть теперь почувствует и цену возможной лжи... Только страх дает власть, только страх, больше ничего! – Ну?

– Он... Он убил всех.

– Кто?

– О... Объект.

– Как это случилось?

– Вдруг... Вдруг он вскочил...

– Погодите, Доктор. По порядку. – Альбер снова укрылся в тени, и Доктор почувствовал мгновенное облегчение. Он всегда боялся этого человека, боялся, как боятся люди неотвратимого ночного кошмара... – Когда вы начали допрос?

– Сразу, как только легли в дрейф.

– И это было?..

– После полудня.

– А точнее?

– Сначала... Сначала Смоляр... Он пытался напугать этого человека... Но это ведь еще не было допросом, ведь так? Он еще был сильно раздосадован тем, что нельзя применить пытку.

– Да, я категорически это запретил.

– Вот тогда я, собственно, и приступил к допросу. К телу были подведены датчики, но вы знаете, как сейчас относятся к этому...

– Да.

– Хочу отметить, справедливо. Ни реакция зрачков, ни повышение пульса или давления не способны в достаточной степени...

Альбер не прерывал этого велеречивого яйцеголового дегенерата. Жить ему осталось от силы минут двадцать, а он рассуждает о каких-то там реогенных зонах эпителия... Бред! Но прерывать нельзя. Каждый думает в понятных ему образах и выражает их в понятных ему словах... Тут важно уловить детали, чтобы составить картинку.

– ...и приступил к химиостимуляции в сочетании со световым гипнорефлектором... Знаете, его еще называют на сленге «чертова лампадка»...

– Какие препараты вы применили?

– О! – Доктор мечтательно улыбнулся. – Сначала самое простенькое, общеизвестное: пентонал, скополамин, амитал. Естественно, в просчитанных сочетаниях. Нет, и эти средства могут давать прекрасный эффект в отдельных случаях, но если есть большее время для работы – неделя или две. Тогда черепушку, – сидящий легонько похлопал себя по темечку, – можно было выпотрошить очень основательно с их помощью...

– Такого времени у вас не было.

– Да. И задача вами была поставлена нешуточная: вытащить из респондента все, что возможно и невозможно... Даже то, о чем он сам может не знать...

– Да, это так.

– После двух часов работы я очистил ему кровь физиологическим раствором и потом применил авторскую модификацию «чайна уайт». – Глаза Доктора лучились от удовольствия. – Это был риск, серьезный риск, но я на него пошел!

– И результаты?..

– Превзошли все ожидания! Вы даже представить себе не можете, как это интересно! Жаль, я не могу использовать кассеты для научной публикации...

– Это было бы... – хмыкнул Альбер.

– Но, кажется, мне удалось проникнуть... как бы это выразить понятнее... на нижние этажи подсознания... Механизм этого явления совершенно не изучен, еще в тридцатые годы пытались проводить подобные опыты в Германии, а в начале сороковых – в Штатах, но впоследствии если кто и работал в этом направлении, то... неофициально.

– Нелегально...

– Да. Слишком велик был отсев респондентов... – Доктор вздохнул.

Едва заметная гримаса искривила губы Альбера. Как он сформулировал? «Отсев респондентов»? В переводе с псевдонаучного на обычный это означало только, что людишки мерли, как крысы в серной кислоте, от таких высокоинтеллектуальных занятий!.. Нет, Альбера это нисколько не волновало: одним время жить, другим – время умирать... Тем более сам он всегда знал, что и для него может настать «время Ч», и его мозг будут «потрошить», как тушку кролика... Но он знал, чего он хочет: власти! И не скрывал свое отношение к людишкам за красивыми словесами... Ради науки... Ради будущего... Ради истины... «Это был риск, серьезный риск, но я на него пошел!» Сказано-то как! Этот паршивый «градусник» рисковал только тем, что объект сдохнет раньше, чем он сумеет удовлетворить свой «научный интерес»...

– Наши ученые не совсем верно называют это свойство мозга «генной памятью»... Но поскольку этот термин устоялся в науке и к нему привыкли обыватели, я буду употреблять в нашем разговоре именно его...

– Что конкретно вы выяснили?

– Все это зафиксировано на пленках. Объект был в состоянии, которое я называю «летаргическая кома», и при этом он вспоминал! Иногда его воспоминания облекались в форму стихов, эссе, картин – нет, это нужно было видеть!

– Сколько времени занял допрос?

– Почти семь часов. Это, я вам скажу, очень серьезное психологическое напряжение для любого врача...

– А для пациента?

– Что?

– Для объекта это было напряжением?

– В каком смысле?

– Доктор. – Альбер выдержал паузу. – Меня интересуют две вещи. Первое: насколько полно объект «освобожден» от своих... э-э-э... знаний.

– Полагаю, на основе полученного материала можно составить полную картинку. Естественно, с материалом необходимо целенаправленно поработать.

Иначе говоря: что именно нужно извлечь из сказанного. Я понятно объясняю?

– Вполне. Второе: каким образом объект сумел убить троих моих людей, ранить вас, и куда он исчез впоследствии?

– Это не поддается объяснению. – Доктор закатил глаза, все лицо его приняло слезливо-жалкое выражение. – Он так меня ударил!.. – Сидящий опустил лицо вниз, погладил бок. – Прямо в живот. Что сказали медики, ушиб сильный?

– Не особенно. Ничего серьезного не задето. Просто вы потеряли сознание от болевого шока...

– Боль была жуткая!..

– ...и при падении повредили что-то там... Вену или артерию – здесь я не специалист.

– Прележи я так немного, и – все...

– Могло быть и такое, но обошлось. Итак, повторяю вопрос: почему после семи часов допроса, когда респондент, – это слово Альбер произнес с едва заметной иронией, – находился, как вы это называете, в «летаргической коме», он оказался способным действовать, как боец спецназа очень высокого уровня?!

Кстати, кто он, по вашему мнению, по профессии?

– Точно я сказать не могу... То, что он называл – экономика, финансы, – не вполне соответствует его, так сказать, внутреннему сознанию... Человек он высокообразованный – это несомненно, причем мыслящий образами, парадоксально...

Я бы назвал это так: он думает в стиле импрессионистов и постимпрессионистов, иногда – немного мистически, в стилистике раннего Врубеля или Нестерова, порой – необъяснимо странно, мы называем это явление «парадокс в Абсолюте», где Абсолют понимается как ипостась того, что обыватели называют Богом... Однако живот болит, – растерянно, без всякого перехода завершил Доктор, с легкой пока тревогой глянув вниз, на собственное туловище, плотно обтянутое простынями. – Не могли бы мы перенести беседу? Мне кажется, я чувствую себя немного хуже...

Альбер мельком глянул на часы на стене, за спиной сидящего. Похоже, действие обезболивающего ослабевает... Врач специально подобрал то, что нужно: легкая эйфория не затрагивала сознания и не мешала связному рассказу, убирая в то же время последствия болевого и психологического шока. Но... Жить ему осталось минут десять. Нужно спешить.

Мужчина нажал кнопку. Появился врач со шприцем наготове:

– Это вас поддержит.

– Что со мной? – спросил Доктор коллегу по-латыни.

– Ничего серьезного. Шок.

– Я чувствую скрытую боль, но пока еще не могу определить ее источник.

– Не беспокойтесь, Доктор, – ответил медик по-русски. – Это просто невротическая реакция, следствие перенесенного болевого и эмоционального стресса. К тому же у вас было серьезное напряжение в течение нескольких часов... Работа психоаналитика, которую вы блестяще провели, – это тоже эмоциональный стресс особого рода, а поскольку завершился он нападением пациента, произошла долговременная невротическая реакция.

– У меня что-то повреждено?

– Ничего серьезного. Небольшая внутренняя гематома. Если что вам действительно необходимо, так это отдых, покой. – Медик говорил неторопливо, размеренно, и это успокаивало сидящего. Он ловко уколол в вену, опорожнил шприц, пояснил:

– Морфий. В очень небольшой концентрации.

– Благодарю вас. – Доктор поднял взгляд на хозяина кабинета:

– Мне необходим покой...

– Его у вас будет сколько угодно. Еще сигарету?

– Да. – Доктор затянулся, расслабленно перевел дыхание. – Так на чем мы остановились?

– Расскажите подробно, что произошло после окончания допроса. Я не специалист, но полагаю, что после той дозы наркотиков, какую получил объект, он вообще не способен был двигаться...

– Да, это так, но...

– Я слушаю...

– Вы ведь запланировали... летальный исход...

– Да. Объект после допроса подлежал устранению. Откуда вы это узнали?

– От Смоляра. Он так и выразился: «Теперь с этой падалью и возиться не нужно. Просто выбросим за борт». Мне, честно говоря, было жаль такой материал... И я решил, поскольку летальный исход запланирован, провести еще один опыт... Очень любопытный в научном плане... – Доктор мельком взглянул на Альбера, поправился, оправдываясь:

– Я полагал, что это может дать дополнительные результаты по допросу.

Альбер сжал челюсти. Все как всегда. Любой четкий и выверенный план рушится, порой погребая под собой создателя, когда хотя бы один из исполнителей принимает «командирское решение» сделать «как лучше». Нет, премьер страны выдал некогда бессмертную фразу: «Мы хотели как лучше, а получилось – как всегда».

Доктор замолчал, по-собачьи преданно глядя в глаза Альберу.

– Вы поступили правильно, – кивнул тот.

– Это ведь было жутко интересно... Вы знаете, химики синтезировали по моей программе совершенно новый, невиданный препарат; по вызываемым эффектам он не схож ни с одним из известных психodelиков, а его действие не подпадает не только под описание обычной клинической картины психodelиков, но и ни под одно из описаний доктора Тимоти Лири, сделанных им столь поэтично; анализируемые им энергетические уровни сознания – сказка для младших школьников, по сравнению с которой мой новый препарат – это Достоевский, Кафка, все мифы и все религии мира одновременно...

Альбер снова сжал челюсти. Даже малая доза морфина возымела действие: собеседник «уплыл»... Раздался звонок внутреннего телефона.

– Это врач.

– Слушаю.

– У Доктора сильное кровотечение. Потеря сознания и даже агония может наступить в любой момент.

– Может быть, нам... прерваться на время?

– Бессмысленно. Я ничего не могу гарантировать.

– Так. Сколько времени у нас есть?

– Может быть, и нисколько.

– Понял. – Альбер положил трубку. Резко вдруг навалился грудью на стол, снова приблизив лицо к лицу Доктора и уперев ему в глаза острые, словно трехгранные штыки, блески зрачков:

– Ты, экспериментатор сучий! По твоей вине сорвана важнейшая операция, убито трое моих людей и объект операции бесследно исчез! – Он выдвинул ящик стола, вытащил тяжелый вороненый пистолет, большим пальцем взвел курок. – Если ты, гнида, четко и внятно не ответишь на поставленные вопросы, твои гениальные мозги вылетят из черепа за секунду! Ты понял?

– Да... – прошептал Доктор, едва разлепляя запекшиеся разом губы. Он сидел недвижно, вжавшись всем телом в спинку кресла, словно хотел слиться с ним, стать его частью, ничем...

– Первое: что произошло после того, как ты вколол ему этот чудо-препарат?

– Сначала ничего. Потом тело его обмякло, и я решил, что он умер. Похоже, дыхания не было. Смоляр велел подчиненным достать трос, гирю и был готов топить труп в море... Я подошел лишь затем, чтобы посмотреть зрачок и убедиться в летальном исходе.

– Тебя не удивила столь быстрая кончина?

– Нет. По правде говоря, я дважды пытался экспериментировать с новым веществом... В подобной ситуации результат был идентичным. Правда, до этого респонденты минут на десять приходили в возбужденно-идиллическое состояние, не описанное ни в одной работе, и именно тогда...

– Заткнись. О «чистой науке» будешь рассуждать... на покое. Дальше.

– Я решил, что произошла массированная передозировка и респондент умер; подошел, чтобы посмотреть зрачок, и – отлетел в угол комнаты! Удар был неожиданный и невероятно сильный! Полуоглушенный, поднялся, тряхнул головой, открыл глаза – Смоляр впечатался в стенку от удара ногой в лицо. Он умер мгновенно, это было очевидно... Двое его сотрудников не успели выхватить оружие – своеобразный стресс, да и сказалось выпитое...

– Они много пили?

– Достаточно. Никак не меньше бутылки на человека.

– Дальше!

– Пациент схватил со стола пистолет и двумя выстрелами – это было невероятно быстро, в течение одной секунды, – убил обоих наповал. В голову.

После этого... После – он застыл, словно слепой... Я был жутко напуган и понимал, что сейчас этот человек в состоянии, называемом «фрикаут» или «даун» – жуткое, чудовищное восприятие действительности... И он убьет меня, как только заметит...

А он бросил пистолет в угол, осторожными шагами двинулся по каютке – словно на ощупь... Я – дурак!.. Я же видел, как он нащупал уже трап и собирался выбраться на палубу – там он непременно упал бы за борт. Но я был страшно напуган, почти не контролировал себя... Тем более действие наркотика было явно: у пациента, полагаю, был как раз момент притупления восприятия окружающей реальности... Осторожно и бесшумно я сумел подобраться к столу и взять длинный препарационный скальпель... Потом так же неслышно двинулся к нему...

– Скальпелем легко убить человека?

– Человека вообще легче убить, чем принято считать. В данном случае – просто не-е-ежно провести лезвием по шее... Мужчина стоял всего в шаге, спиной, я занес скальпель... И тут – резкая боль пронзила меня, в глазах помутнело и я потерял сознание... Хотя, наверное, не сразу, но я не чувствовал и не ощущал ничего вокруг, кроме собственной дикой боли... Вот все, как оно было.

– Что с объектом могло произойти потом?

– Скорее всего он выпал за борт и утонул.

– Он мог выжить?

– Это было бы чудом, а чудес, как известно, не бывает. После той дозы, что он получил, не живут.

– Но он же сумел убить четверых, – усмехнулся Хозяин. – После смерти, если считать по-вашему.

– Вы ошиблись, троих. Нет. Выжить ему не дано. Я ученый-практик. Ни одного шанса. То, что с ним произошло, – просто предсмертный немотивированный криз.

Кстати, этим объясняется и исключительная сила, и скорость его реакции. Ну а сразу после этого наступает, как правило, кома, агония и смерть. Нет, выжить ему не дано. Это я вам заявляю официально и гарантированно, как врач. – Доктор замолчал на секунду, опустив

глаза, поднял их, но только на уровень стола, на котором под тяжелой ладонью Альбера покоилась вороненая сталь крупнокалиберного пистолета. – Вы... Вы простили меня?

– Бог простит.

– Но вы... Вы не убьете меня?

– Конечно нет.

Доктор вздохнул, облегченно опустил глаза, стал поправлять простыню, немного сбившуюся во время эмоционального рассказа. Льняная материя сдвинулась, и Доктор застыл, обнаружив под ней плотную марлевую повязку, пропитанную кровью. Лицо его стало серым, как бетонная плита.

– Кровь, – произнес он одними губами. – У меня кровотечение... Пожалуйста, пожалуйста, врача...

– Врач вам не нужен.

– Как не нужен?.. Почему?..

– С такой раной, как у вас, не живут. Проникающее ранение брюшной полости, задеты важные органы.

– Но... Если провести срочную операцию... Сейчас, немедленно... Я... Я вам еще понадобится... Я... Я знаю... Я хочу жить!.. Пожалуйста, прикажите позвать врача... Я выживу, я чувствую это, я вы-жи-ву!

Взгляд Доктора обреченно метался по комнате, словно звук В пустом брошенном пакгаузе... Альбер улыбнулся, чуть скривив губы:

– Выжить?.. Это было бы чудом. А чудес, как известно, не бывает.

Глава 4

Огромный кабинет, отделанный темным мореным дубом. На письменном столе, крытом зеленым бархатом, лампа под абажуром. Лампа бронзовая, с затейливой отделкой: пятиконечные звезды, серпы и молоты, по ножке – красноармейцы в буденовках и матросы, перепоясанные пулеметными лентами. Стиль позднего советского конструктивизма. Магистр знал – эта лампа стояла на столе командарма Ионы Эммануиловича Якира и была подарена тому Председателем Реввоенсовета Троцким к какому-то красноармейскому юбилею. Магистр хранил лампу на столе как раз с единственной целью: не забывать. Не забывать, что в деле, именуемом политикой, нужно быть чрезвычайно осторожным, и, какой бы силой и властью ты ни обладал в данный момент, все может перемениться столь скоро и непоправимо, что многим видится почти сверхъестественным... Неярко светящая лампа была и напоминанием, и своего рода талисманом; смысл его можно выразить одной, ставшей ходовой в эпоху «всеобщей криминализации», фразой: «Боишься – не делай, а делаешь – не бойся». Именно страх погубил и Троцкого, и Тухачевского с другими заговорщиками: они были осторожны, но боялись даже тогда, когда приходило время действия. Словно забыв, что в этой стране не может быть ни двух царей, ни двух вождей! Никакая уступка в высшей власти не приведет к ее разделу: человек или имеет власть, или служит, и его положение и нередко сама жизнь зависят от воли монарха. Не важно, явный он или тайный.

Именно поэтому лампа была единственной реликвией в этом кабинете, напоминавшей о незадачливых заговорщиках. Вся остальная мебель, и даже сами дубовые панели, – с дальней сталинской дачи. Он долго был «победителем» и не задумывался о цене. И... был оставлен беспомощно подыхать «соратниками», словно отравленная крыса...

Или же... Или правил кто-то другой, а Сталин, новый бог, был на самом деле не чем иным, как образом, «куклой»... И втемную выполнял как раз то, что ему было предписано... Как говаривали в старину, этот человек был... личиной. Как там поговорка? «У нежити своего облика нет, она ходит в личинах»... Если так, значит, «куклы» правили огромной страной, распоряжались жизнями, судьбами, смертями... Или – правят поныне?.. Но кто же тогда кукловод?..

О ближней даче, кунцевской, той самой, где Отец Народов встретил свою жестокую кончину, напоминал небольшой дубовый буфет в стиле купеческого барокко. Порой Вождь жаловал и таких «уродов». Тут тоже есть чему поучиться. Но главное... Никогда никому ни в чем не доверяй! Ни когда добиваешься власти, ни, тем более, когда ее получишь! Создавай «параллели» – структуры спецслужб, банков, холдингов, корпораций, пусть они борются между собой, лгут, ненавидят, изворачиваются, убивают... Но целью их борьбы должно быть только одно: жажда монаршей милости!

Но этого мало! Как в «Крестном отце»? Дон Корлеоне советовал сыну Майклу отыскать своего Люку Брази – человека, который абсолютно равнодушен к смерти и боится только одного: принять смерть от руки своего патрона... Мало! Необходимо иметь хорошо оснащенное подразделение, преданное лично тебе! И хотя здесь есть, как всегда, противоречие, – преторианская гвардия легко может свергнуть правителя, – но не в том случае, если власть покоится на деньгах! Люди примитивны, и тезис: «Лучше быть молодым, богатым и здоровым, чем старым, бедным и больным» – неопровержим. За деньги можно купить все, даже молодость: какая красotka сочтет старика стариком, если за такую мелочь, как раздвинуть ножки, она свободна от нудного монотонного труда, крохотной хрущобы, пьяного парня, давки по утрам и вечерам в переполненном транспорте, гроссбуха с подсчетами – сколько выделить на еду, сколько – на транспорт и сколько времени нужно не есть мясо, чтобы позволить себе колготки-эластик... Но деньги – это еще не все... Преторианцы

должны ощущать свой статус: возможность непосредственно властвовать надо всеми, не принадлежащими к их касте. Положение избранности – вот то, что ставят люди выше денег; ну а если и то и другое исходит из одного источника...

Магистр знал свою силу и свою волю. Но пока жалкие ублюдки считали, что он действует по их воле, – деньги текли к нему настоящей Ниагарой... Он должен работать для них и на них, но... Только до той поры, пока не решит, что пора «благодетелей» прошла. В стране, где нет ни закона, ни Бога, чтобы властвовать, нужно самому заменить и закон, и Творца. Только так. И выбор всего один: или играешь ты сам, или играют тебя.

Хотя... Магистр порой задумывается над тем, на ту ли денежную «лошадь» сделал он ставку: иметь в противниках Кришну – это... Хотя тогда у него не было выбора. Сейчас... Сейчас нужно действовать. Чтобы потом выбор был именно за ним. Только за ним. Боишься – не делай, а делаешь – не бойся.

Магистр ходил по огромному кабинету из угла в угол. Громадный персидский ковер скрадывал звуки шагов, и мужчина был похож на большого хищного тираннозавра, принявшего вдруг человеческий облик. Те люди, что делали на него ставку, никогда не видели его таким: для них он был послушным винтиком, «силовой структурой», с помощью которой можно было решать те или иные вопросы; они привыкли кропотливо и монотонно выполнять поставленные задачи, не считаясь ни с чем. Но мужчина знал их слабость. Они работали с деньгами, понятия их давно были смещены, они абсолютизировали людскую алчность и обожествляли бездушное: деньги. Когда-нибудь он на этом сыграет. Наверняка.

Сигнал спецсвязи зазвучал коротким отрывистым вызовом. Мужчина не спеша подошел к столу, закурил и только после этого снял трубку.

– Альбер вызывает Магистра, – услышал он.

– Магистр слушает Альбера.

– Докладываю: операция «Взлом» проведена с осложнениями. Уровень «А».

– Что именно произошло?

– Объект исчез.

Ни одной эмоции не отразилось на лице мужчины за столом. Сейчас – время действия.

– До операции?

– Нет. После.

– Вы получили данные?

– Да. Они на кассетах.

– К вам прибудет человек приоритета Магистр. Пароль вам известен.

Передадите все немедленно.

– Есть.

– Теперь коротко: что произошло?

– По завершении операции объект, видимо вследствие передозировки, оказался в состоянии, называемом «даун»; он уничтожил спецгруппу, смертельно ранил Доктора и исчез. По предположению – упал за борт.

– Дальше.

– Прибывшая группа «скастов» обнаружила трупы, произвела полную зачистку, доставила раненого Доктора на Базу. Я успел его допросить. Кассета имеется.

Альбер замолчал.

– У вас все?

– Нет. Я принял оперативное решение устранить «скастов» силами «крайних».

Возникли осложнения. Командир «скастов», доставивший на Базу Доктора и кассеты, что-то почувствовал...

– Почувствовал?..

– Виноват. Я неточно выразился. Мною была допущена ошибка: вертолет, высланный для устранения «скатов», вернулся на Базу; пловец все понял и предпринял силовой вариант: захватил вертолет и пытался уйти. Уничтожен вместе с машиной. Убито несколько «крайних».

– Это вы называете «тихой операцией», Альбер?

– Подобные вещи случаются...

– Я знаю. Но не при таких ставках!

– Чем выше ставки, тем больше головная боль.

– Если голова болит, значит, она еще на плечах... Что предполагаете предпринять?

– Уничтожение Базы. С полной зачисткой.

– Какими силами?

– «Дельта».

– Ваше мнение...

– По основной операции?

– Да. Ведь осложнения не планировались.

– Похоже, мы потянули «пустышку».

– Поясните.

– Финансисты не действуют, как бойцы спецназа. Предполагаю, что нам подставили объект с целью выявления сил.

– То есть вы считаете, что объект – «кукла»? Я правильно вас понял? – Магистр почувствовал выступивший на лбу холодный пот.

– Нет. Но исключить такое предположение нельзя.

– Альбер... Вы взяли в разработку именно того, кого вам указали?

– Да.

– Уверены?

– Абсолютно.

– Тогда ошибки нет.

– Хм... В течение тридцати секунд, что называется «на автомате», он уничтожил троих боевиков экстра-класса!

– Вы говорите, он получил весьма высокую дозу препаратов...

– Этим можно объяснить многое, но не профессионализм в обращении с оружием и не устойчивые навыки в применении приемов специального рукопашного боя... Я свел показания «ската», Доктора и получил данные экспертизы по доставленному «скатом» материалу. Совпадение полное. Объект действовал сам, один.

– Вы сказали, он исчез.

– Да. По предположению Доктора, после резкой активности при синдроме «даун» наступает резкий упадок сил, полная дезориентация во времени и пространстве. Он, скорее всего, упал в воду и утонул.

– Утонул?

– До ближайшего берега – свыше тридцати километров. К тому же разразился шторм свыше пяти баллов.

– То есть вы предлагаете считать его мертвым.

– Возможно, труп обнаружат, возможно – нет. Но даже пловцу экстра-класса невозможно спастись в бушующем море при температуре воды восемь-десять градусов... Чудес не бывает.

– Итак, исчез.

– Да. Исчез.

– Альбер... Финансисты, располагающие данными о перемещениях финансового капитала общей стоимостью... У вас есть бумага под рукой?

– Да.

– Запишите, чтобы было нагляднее.

– Да.

– Один-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль... Записали?

– Да.

– Сумма, разумеется, в долларах.

– Я понимаю.

– Чтобы вам было еще понятнее... За эти деньги можно не только выкопать море посреди Восточно-Европейской равнины, за них можно закопать на пять метров вглубь любой мегаполис, будь то Москва, Шанхай или Нью-Йорк, и на другом месте построить новый! Ну а учитывая, что эти деньги не «мертвые», они работают, то общая контролируемая сумма...

– Я понимаю.

– Вот именно. Мне важно, чтобы вы поняли одно: ни ваша жизнь, ни моя на этом зелено-сером фоне не стоит ничего. Совсем ничего.

– Да.

– А потому – человек, обладающий информацией или даже участвующий в планировании движения такой суммы или хотя бы ее малой части, не может исчезнуть! Вы поняли, Альбер?

– Да, Магистр.

– Найдите мне его. Даже если для этого потребуется выпить море. Живого, мертвого, по частям – как угодно! В море, на небесах, в земле, в аду – где хотите! Най-ди-те!

– Я понял. Магистр.

– Все предложенное вами по Базе утверждаю.

– Есть.

– У вас достаточно людей и оперативных каналов?

– Да.

– Действуйте.

– Есть.

– И запомните, Альбер. Миллиарды и люди, их представляющие, никогда бесследно не исчезают. Чудес в этом мире не бывает.

Глава 5

Двое идут по кромке волн, осторожно переступая через оставшиеся после шторма лужи. Оба – в изрядном подпитии.

– Вот, блин... Юг, называется... Колотун, как в Мурманске.

– Да ладно тебе...

– Чего – ладно?! Отвалить столько бабок за путевку, и что?! «Море, телки, винище – рекой...» Кто базлал?

– Тебе что, вина здесь мало?

– Да этой «грязи» я мог и в Костомукше обожраться!

– Не скажи... Портвешок что надо! Сырец, девятнадцать оборотов, и башка после него не трещит! Да и цена – дешевле, чем у нас за молоко!

– Блин, Серый, да у меня уже конец опух от пьянства, ты понял?! Дом отдыха, блин!

Тетки – как свиноматки перекормленные, трапеции, блин!

– Колян, ты забодал уже своим воем! Чего надо-то?

– Чего и всем: вина, баб и моря!

– Моря – вот оно, плескается, вина – щас возьмем, хоть залейся, ну а бабы...

– Не, ты мне скажи, куда отсюда все классные шмары повыводились? Сашка Манохин лет пять назад в аккурат сюда ездил, рассказывал – блядей, как мастей!

– Насвистал соловейка, да и был таков.

– Ты это, Серый, ты на Сашку не кати, он мне кореш, четыре года в одном забое. Можно запросто и в лоб схлопотать! У меня не задержится!

– Да ладно, я так... Да и какой мужик не приврет по этому-то делу...

– Я те сказал, Серый, не тяни на Сашку! Не стал бы он корешу вкручивать!

Понял? Он – не ты!

– Да ладно, остынь. Когда он был-то здесь?

– Я ж тебе сказал – пять лет назад. Или шесть.

– Во. Пять лет назад пчелы были с гуся, по три ведра меда давали и жалом каску на лету пробивали! Рубли-то были хоть деревянные, да не фантики все ж карамельные! И зарплаты в шахте плюс северные плюс от бабы заныканные...

– Серый, не язви душу...

– Да это я к тому, что Сашка тот сюда не иначе как «пятихатку» привез!

Пол-«Жигулей», на месяц-то, а? Ротшильд Аль-Гарум! Вот девки вокруг него и вились!

– Да не... Просто и правда – время было другое... Душевнее с девками было, не то что теперь.

– Оно так. Красивая девка, мил друг, щас тоже понимает, что все бабок стоит! А уж это дело – в особенности.

– Так что ж теперь, в узелок завязать?

– Твой завяжешь... Не, ты посуди сам... Наша загородка с вагончиками как называется? База отдыха «Волна». Вот мы и волнуемся, где жорево взять да как порево отыскать. А в десяти кэ-мэ – «Лазурный берег». Теннис-пенис, бары-рестораны... И телок там, как грязи... Только вопрос: почему?

– Здесь шлюх нет.

– Шлюха – не профессия, а способ прожить. Потому они есть везде. Только сюда братаны со своими наезжают.

– С постоянными, что ли?

– А это по фигу: постоянные или переменные, а сделаны – суши весла! И в день она тому братанку обходится, что твоя путевка!

- Суки!
- Оно так, а без них скучнее.
- Слушай, Серый, а может, по станице отыщем?
- Вилы в задницу?
- Да я серьезно...
- Да и я не шучу. В станице кто живет?
- Как это – кто? Люди.
- Понятно, что не еноты. Какие люди?
- Серый, ты что-то шибко умный стал... В глаз давно не получал, да?
- Так я ж тебе растолковать стараюсь... Тут три категории населения: казаки, татары и вольнопоселенцы. Вот и поприставай к их девкам – это смотря что получить хочешь: нож в брюхо или шесть картечных дырок из двух стволов... А вольнопоселенцы, которые отдыхающие, баб своих не для тебя привезли, пасут что надо... Усек картину битвы?
- Да пошел ты!
- Только вместе с тобой. И то – за винцом к деду. Вино у деда – путевое!
- А чего ему? Сиди сивуху продавай дурачкам вроде нас да мошну набивай... Чем не жизнь?
- Да ладно тебе. Ты глаза его видел? Я так себе думаю: получил он когда-то по жизни полной меркою...
- Торчал, скажешь? Да раньше вся страна – по лагерям, подумаешь...
- Подумаешь не подумаешь... Ты свои два года по хулиганке тянул считай что дома, а как, сладко показалось?
- Тебе б того сахара...
- То-то. А раньше и сроков таких не было. Червончик или четвертной. А если ж уж совсем не виноватый – пятерик. Смекай. Крученный тот дед, это точно.
- Крученный не крученный... Знаешь, Серега... Время точно переменилось... Я порой думаю – да что б хоть год так пожить, как те «новые» щас живут – я б кому хошь башку бы проломил... Хоть деду, хоть соседу – по хрену...
- Год, говоришь... То ли год, то ли день... Тут не угадаешь...
- А уж как повезет!
- А никак не повезет... Ты помнишь, в апреле братанки своих хоронили...
- Только и утеха мамашкам, что гробы полированные. По мне – лучше уж так...
- Как – так? Зарплату по полгода не дают, это – так? Под землей корячимся, как кроты, и что с этого, деньги какие видим? Или радости особые?
- Знаешь, бабка моя всегда говорила: радость, она внутри человека сидит. Он ее или к людям повернет, или в пятки схоронит да давить ее будет каждым шагом... Брось, Колян... Это ты недоопохмелился... Щас мы винчика пару баллонов возьмем, да по жилушкам как разойдется, а там – и солнышко покажется... Непогода здесь по три дня, больше и не бывает... В море покупаемся, рыбку посмотрим – зря, что ли, снасти в такую даль тащили?
- Рыбка-щучка, девка-сучка...
- Ну тебя и взяло за живое!
- Блин! – Рослый запнулся о валун, упал грузно навзничь. Поднял голову, глянул на море:
- Е-мое... Мертвяк!
- Где?!
- Да глаза разуй! Вишь между камнями? И оглоблина какая-то там же.
- Точно! Слушай, или живой?
- Живые так не лежат.
- Может... Вытащим?

– Сильно надо – жмуrow таскать. Не дембель – надрываться!

– Да ты погодь... Что ж, так и пройдем?

– А что, наше дело? Вон у нас в подвале по весне двух бомжей нашли, видать, с январских околевши, так их последняя хронь за водяру вытаскивать отказалась – сильно надо заразы нахвататься! Так и воняли, пока солдатиков из жмур-команды не подослали.

– Да брось ты, этот, видать, и утоп недавно... Вишь, в одежке... Знать, свой брат алкан по-пьяни с пирса навернулся или еще откуда... Ты как хошь, а вытащить надо... А то и дедово вино мимо глотки пойдет – не по кайфу... Что мы, басурмане?

– Ладно... Только в воду лезть – мокрые будем по яйца... Водяра осталась?

– Полбутылки.

– Давай.

Рослый приложился основательно.

– Ты совесть бы поимел!

Напарник получил бутылку, когда в ней осталось на глоток. «На раз» подмел остаточек, выдохнул:

– Сучок, а не водка!

– Это точно. Полезли?

– Полезли.

– Чудес не бывает. Говорил же – мертвяк. – Рослый дернул лежащего за руку, пытаюсь высвободить из расщелины между камнями. – Чего стал, как не родной? – поторопил он приятеля. – Помогай, блин! Как гундеть – «по-людски надо», «свой брат алкан», так ты первый, а как жмура таскать...

– «Прибежали дети в хату. „Э-ге-гей! – зовут отца. – Тятя, тятя, в наши сети затянуло мертвеца...”

– Слушай, Серый, ты че, озверел? Вода – яйца сводит, а ты – песни поешь!

Может, спляшешь еще? Давай шевелись, одному мне такого кабана не выволочь!

– Да камни острые, блин, никак зайти не приноровлюсь!

– А это мне – по барабану! Двигай клешнями-то, говорю же – конец отстудил!

– Может, тебе и на пользу...

– Нет, Серый, чует мое сердце, допросишься ты сегодня!..

– Да шучу я, ты че, шуток не понимаешь?

– Шутник, блин... Сучок ты гнутый, понял? Все у тебя не по-людски, с подвывертом...

– Это, брат, подтекст называется. Не для всяких умов.

– Да?! – Рослый угрожающе двинулся к напарнику, сжав пудовые, со сбитыми до округлости костяшками кулаки. Тот испугался, отпрянул резко, едва не рухнув в воду:

– Да прекращай, Колян! Мы же вроде корефаны с тобой. Третью неделю кентуемся, ты ж меня знаешь... Если и базлаю чего, так не со зла, а для веселости. Смотри, лицо у этого – в месиво! Родная мать – и та не узнает! Об камни его этак приложило, что ли?

– Серый, ты на жмура «стрелку» не переводи! С него уже спросу нет. Об камни не об камни... Больше предупреждать не буду: еще чего сморозишь, хрясну по мусалам, и вся недолга! Вывеска вон как у него в аккурат и станет! Ущучил, кентуля?

– Так чего я? Я – ничего...

– Ну то-то ж. И не кент ты мне. Винище с тобой я жру, а вот в подписку за тебя – это шалишь... Хлипкий ты, и при гнилом раскладе такой и сам в непонятку попадет, и других затянет.

– Да ладно, Колян, я ж сказал.

– Сказал-показал... Берем жмура – и ходу! Я уже ступней не чую! Курорт, блин!

– Это штормяга воду со дна поднял...

– Да хоть из преисподней! Берись, говорю!

Мужики с двух сторон подняли неподвижное тело.

– Да в нем че, тонна, что ли?

– Погодь... Этак мы его не своротим. Вишь, за корягу он ухватился мертво, а она в самый раз в расщелине, между камнями. Давай, я приподниму, а ты пальцы ему отжимай.

– Да пошел он! Что я, нанялся?

– А фиг ли орать уж? Все одно – до жопы мокрые! Дергай, я отчеплять буду, раз ты такой чистоплюй!

– Колян...

– Да я всю жизнь Колян, а толку?

– Это ты не сбrehал!

– Вытягивай!

Один приподнял тело, другой взялся отжимать пальцы...

– Колян! А говорил я-не зря полезли! Кольцо у него на пальце. С камушком... Готово, – отбросил корягу в сторону, – потащили, под две руки...

Приятель вытянули тело на берег, положили на гальку.

– Ну и чего с ним делать теперь?

– А хрен его знает... Сигарету дай, мои, блин, промокли в куртке.

– Держи.

Мужики закурили, затихли.

– Вот она, жизнь... Сегодня ты – бародствуешь, а завтра – похоронствуешь.

– Серый... Я вот все не пойму, когда ты подкальываешь, когда – серьезно говоришь...

– А чего уж тут подкальывать... Так оно и есть. От косой не убережешься...

– Знаешь... – Колян затянулся крепко, на треть сигареты, выдохнул, не разжимая рта. – С месяц назад захожу я к корефану одному... Вернее, двое их было, Сашка с Вовкой» двойняшки... Росли вместе, на Северном, на поселке, что за вышками...

– Да знаю я...

– Ну вот... Пацанами, значит, играли... В древних людей – еще в овраг забирались, под старым мостом, пещера у нас там была своя... А постарше стали – все удаль выказывали: теплицу школьную бульниками раздолбили, траву по весне на откосе у «железки» запалили – чуть цистерну с соляжкой не пожгли... Ну а потом... Потом моим квартиру на Стрелке дали... Виделись когда – от случая к случаю, через год на третий... А тут – забрел я на тот Северный по жуткой пьяни, к какой-то тетке присоседился, утром проснулся – общага бабская, мат-перемат, похмелили кое-как и спровадили... Шапку я еще потерял или снял кто с пьяного – иду, башка мерзнет, сам знаешь, в мороз-то...

– А то...

– Ну и вспомнил... Зайду к Кузьминым, шапку займу, что ли, а то башку выстудит напрочь – дело совсем хреновое... Захожу, Сашка отворяет... А они, братья, значит, Сашка с Вовкой, справно всегда жили, торговали там по чуть-чуть, ясное дело, не большие баре, но и не нам чета... И мамашка у их всю жизнь – по торговле... Захожу, значит, бурчу что-то под нос... Смотрю – на Сашке лица нет... Спрашиваю – чего грустный такой, а он меня как поленом по башке: «Вовка умер. Три дня, как схоронили».

Сел я, слова сказать не могу... И такая тоска!.. Вовке тому – тридцать три всего, как раз исполнилось, а на другой день и помер. Ходил чего-то, маялся, потом лег на диван... Все думали – уснул. А он умер. Сердце остановилось. Такие дела.

Сажу курю, и тоска, аж гложу... И знаешь отчего? Вокруг – все то же: сервант, приемник, телевизор, в шкафу – тетка из журнала наклеена, артистка какая-то... Ковер – на нем мы играли втроем в солдатиков... Все, ты понимаешь, все осталось, а Вовки нет! А тогда – чего все стоит? А, Серый?..

– М-да... А ты не думай. Живешь – живи, и вся философия. Как там поют?

«Эх, пить будем, гулять будем, а смерть придет – помирать будем!» Вот так-то. А раньше смерти – и поминать ее нечего.

– А я не об смерти. Об жизни я толкую: коптим, коптим, а потом – раз, и нет ничего. Как и не было. – Колян кивнул на тело:

– Что этот паря, что кусок бревна. А ведь свитер на нем справный, свитер – целехонек, а человека нет.

Как-то все несправедливо это...

– А ты, Колян, в церкву сходи, к попу. Он тебе и заявит, что будешь жить вечно, коли пить-курить бросишь да баб «топтать» перестанешь... Нужна тебе такая жизнь?

– Да ладно. Серый, не трогай ты попов. Сдается мне, знают они что-то такое, чего мы не знаем... А может, знали когда, да позабыли. Вот и мечемся по той жизни, что пащенки слепые: туда носом – тырь, сюда – тырь... Повезет – в молоко уткнешься, не повезет – дак в дерьмо...

– Оно и всегда так было: чет-нечет, как свезет.

– Не... Деды наши, те тоже ведали. Как-то, еще пацаном, ездил я с дядькой на приработки, под Архангельск. Вроде тот же Север, да не тот: у нас со всей матушки-России, кого за что в свое время понагребли, а те – те коренные. Церкву мы подрядились ремонтировать, дядька мой, значит, по плотницкому, а я – подсобником. А мне тогда – что церква, что шалман – все едино...

Дядька из интересу замок старинный начал разбирать – не работал тот, а красивый, с насечкой, с чеканкой по полотну – залюбуешься... Снимает тихонечко «щечку» – а там механизм немудреный, и на щечке той, с внутренней стороны – тоже все отшлифовано да узором, не таким затейливым, попроще – а все ж разукрашено... Дядька меня и пытается:

«Ну че, понял?»

«А чего понимать – все одно никто не видел!»

«Люди – нет. А Он-то – все видит. И коль спроворил ты где и мастерство свое уступил, поленился, поспешил, пожадничал, абы кончить да деньгу сшибить – кого ты обманул? Выходит – себя, и мастерство унизил, дар унизил, а дар тебе – Божий, его обманул... Смекаешь?»

«Это че, для Бога, что ли, изукрасил? Да что у него, делов других нет?»

«Дурила ты, Колян. Ты замочек-то этот попомни, как прижмет. Пригодится, может...»

Вот и думаю я, Серый... Потому все у нас в тарары летит, что не по совести живем, и работаем не по ней... Вот и не складывается...

– Да? Ты че гонишь? Уголек ты как, хрустальной вагонеткой таскать предложишь? Или – чего?

– Да не о том я...

– Не надо было жадничать и водку хлебать на вровень. Вот тебя и завернуло.

Скажи лучше, что со жмуром делать? Раз вытащили.

– Ментам сообщим. Пусть бумаги пишут, – пожимает плечами напарник.

– Да? Да мы остатные полторы недели вместо рыбалки те бумаги и будем марать: да что, да когда, да почему?... На трезвую голову. Нам надо?

– Оно никому не надо.

– Это одно. А другое – ты ладони его видел?

– Кого?

– Да мужика этого!

– Ладони как ладони. Крупные.

– Хренупные! Ни мозоли, ни заусенца. Перстень на пальце...

– Думаешь, братан?

– А ты сам посуди... Здешних раскладов мы не знаем, а у кого дом в станице самый богатый? У милицейского начальника. Да и вообще, особняки на западной оконечности усек – расстроились? Не, нам в это дело влезать – никак!

– Думаешь – замочили братанка?

– Ничего я не думаю. И знать не хочу.

– Слушай, Серый, не пойму я тебя: то полезли вытаскивать – ты ж базлал, я не хотел, то сам и гундишь, что нашли, дескать, приключения на свою задницу...

– Диалектика.

– Че-го?

– Я вот что себе думаю. Слазали не зря: перстенок-то «рыжий», да и камушек...

– Это ты чего, сука?! О высоких материях вкручивал, а сам думал, как мертвяка обобрать? А по рогам получить?!

– Да ты не кипятись, Колян! Дослушай.

– И дослушивать нечего! Гнида ты, понял? Козел! – Неожиданно быстро Колян бросил кулак вперед. Серый успел дернуться, удар пришелся вскользь, но и этого хватило – боком свалился с голыша, на котором сидел, закрыл лицо руками.

Колян потер костяшку, сплюнул:

– И пить я с тобою больше не буду. Лучше пойду вон, с алканами на «пяточке» заквашу, чем с такой гнидой поганой! Пес!

Похоже, Серый вовсе не обозлился на напарника: помотал головой, стоя на четвереньках, вытер рукавом губы, потрогал место на голове, куда пришелся удар:

– Шишка теперь будет. Ладно, я не в обиде – земля все же. Колян, знаешь, за что ты сел?!

– Кто «крестил», тот знает. Мне ни к чему. А тебе – и подавно.

– Руки у тебя работают раньше головы! Понял?

– Да пошел ты!

– Давай мы мужика этого к деду и оттащим.

– К деду?

– Ну. Он местный, если чего заявит – так с него и спрос другой. А кольцо...

– Я сказал...

– Да не то я. Хотя... Не мы заберем, так менты... – Бросил скорый взгляд на Коляна, быстро добавил:

– Пусть дед забирает. Но выпивку он нам выставить должен!

– Выпивку?

– Ну да!

– Вообще-то...

– Вот. И посуди сам: мужику этому кольцо вовсе ни к чему, а за то, что мы его из воды выволокли и не рыбам на корм пойдет, скажешь, ему бы кольца жалко стало? Ты бы – пожалел?

– Ты покаркай еще, ворона!

– Не, я к тому, что по справедливости чтоб...

– А ну как дед пошлет нас и с кольцом, и с покойником?

– Не. Не пошлет. Он – старик правильный. Ну че, несем?

– А че делать-то? – Порыв ветра плеснул в лицо Коляну холодные острые брызги, тот сплюнул:

– Курорт, блин!

Глава 6

Альбер собрал систему спецсвязи в особый чемоданчик, в другой сложил оружие из сейфа: «кедр» с глушителем, «стечкин», специальный бесшумный автомат; тупорылый «тишак» легко уместился в кармане куртки. Кассеты с записью допроса финансиста, деньги, кредитные карточки и компьютер-ноутбук последней модели, способный поддерживать связь через спутник, поместил в несгораемое отделение атташе, сам «дипломат» приковал к запястью левой руки незаметной под рукавом «змейкой». Отодвинул в сторону одну из стенных панелей, открыл железную дверцу: там оказался щиток, похожий на распределительный. На цифровой клавиатуре набрал код – засветился зеленоватым экранчик таймера. Альбер выставил цифру, закрыл и дверцу, и панель.

Снял трубку внутренней связи.

– Пост два, – услышал он голос охранника.

– «Приборку» завершили?

– Не вполне.

– Оставить группу из четырех человек на территории, остальным – в караулку. Сейчас.

– Есть.

– Экипироваться по варианту «тени» и – ждать.

– Есть.

Альбер быстро спустился во двор, сел в «порше»; металлические ворота отъехали в сторону, машина с ходу набрала огромную скорость.

Взял мобильный телефон, набрал несколько цифр. Раздался длинный гудок, потом – короткий, глуше. Набрал еще номер.

– Дельта-один вызывает Дельту-два.

– Дельта-два на связи.

– «Шторм».

– Есть.

Глянул на высвеченный зеленым циферблат часов на приборной доске, добавил:

– Десять минут.

– Есть.

Охранник особняка проводил взглядом «габаритки» скоростного «порше».

Дождевая морось, повисшая в серой предутренней мгле, делала его настроение глухим, как петербургский тупик. Славик Егоров вырос в этом северном городе, в гулкой коммунальной квартирке на шесть семей, и из детства своего почему-то отчетливо запомнил свинцово-серое холодное небо, непреходящий запах чего-то горелого и узкий, похожий на ущелье, каменный двор, из которого ему так хотелось вырваться на волю... Он всегда мечтал о южном море, бескрайних, выпаленных солнцем степях, просторе, беленом домике с двором, увитым виноградом, с подвалом, в котором в дубовых бочках доходило густое красное вино...

В первую «ходку» он пошел «по малолетке». В восемьдесят пятом. Вышел через три года – словно в другую страну. В девяносто первом «потянул» уже пятерик, и в девяносто пятом «откинулся». Вот только – куда?..

Весь срок беззачетно провалялся в «мужиках», а как пришел и огляделся...

Не, там, за «колючкой», порядка было больше. По крайней мере, все понятно и распи-сано: кто ты и что должен делать. А здесь... Это и называется теперь волей?

Комнатуха в коммуналке, как мать померла, «ушла». С концами. В восьмикомнатной квартире жил теперь какой-то фряер из «новых бугров», отгородившийся и от города, и от мира пуленепробиваемой дверью...

Славик Егоров подался к морю. Без особой какой цели или смысла. И влекла его даже не детская мечта: просто хотелось тепла...

Южный Приморск оказался расписан и поделен. И Славик – оборзел. Внаглую.

Он не желал ни понимать новых «реалий», ни считаться с кем бы то ни было. Еще в Питере обзавелся новехоньким стволом довоенного производства и стал отвоевывать место под здешним южным солнцем...

Команда «волчар» – из «солдат удачи» и крученных, ломаных пацанов – скоро сбилась в стаю, но торчала она в городке, как вилы в копне... И закончить бы им свою жизнь и карьеру в виде остывающих трупов уже по ранней весне, если бы не Хозяин. Что-то было в нем этакое... По сути, он был натуральный фрэер, но где-то в своих кругах и по их понятиям – крутой авторитет. А без авторитета – нельзя. Это Слава знал точно. И любой беспредел всегда кончается «вышкой».

Хозяин «построил» парней быстро и без суеты. И ему подчинялись легко: от человека этого исходила властная уверенность поступка, причем и решать, и действовать он привык без сантиментов и скоро. И еще – за ним ощущалась какая-то грозная сила, которая если и не управляла этим человеком, то направляла его.

Что это за сила, Слава Егоров не знал и знать не хотел. Достаточно того, что у него была работа и оплата; оплата не слишком большая, но и не маленькая: уже к этой осени он без напряжения сумел прикупить двухкомнатную квартирку на этом не самом модном курорте, приоделся, да и деньги на отдых оставались... За девок Слава не платил: этого добра здесь как грязи... Ну а вообще – сошелся с продавщицей-палаточницей, двадцатисемилетней «матерью-одноночкой», и жил себе, ни о чем не думая. Да и работа была – не бей лежащего подушкой. То «наехать» на кого-то, но не всерьез, а для понту, чтобы человек раздухарился и начал гоношиться... Тут его, видимо, и подлавливали... Как, на чем – это было уже не их дело. А еще – торчать при особнячке и изображать из себя сильно крутых.

Именно изображать: Славик был достаточно опытен, чтобы числить себя и «подельников» вовсе по другой масти, в сравнении с теми, кто иногда наезжал в особняк. Немного словные, неприметные люди, не выделявшиеся ни внешностью, ни лицом; но всех их делала «близнецами» вовсе не безликость: в каждом чувствовалась спокойная сосредоточенная воля, которая не остановится ни перед чем...

Что еще от них требовал Хозяин – так это безукоризненную дисциплину. Даже в мелочах. «Дисциплина не самоцель, но необходимое условие достижения цели», – любил повторять он. Впрочем, к какой цели стремиться ему, Славику Егорову, он не знал.

Иногда, правда, посещала его мысль: почему в общем-то за такую непыльную работенку так весело платят?.. Но потом решил резонно: платят – и хорошо.

Значит, порядок такой. Да и навык дисциплины всегда пригодится потом, по жизни... Хотя... Ощущение какой-то обреченной несвободы бередило порою душу, особенно в такие вот тяжкие, туманно-слякотные предутренние часы... Словно он и не жил вовсе, а двигался на ощупь в каком-то сыром желтом болотистом тумане, когда под ногами вязкая хлюпающая влага, без дороги, без цели, без смысла...

Славик сплюнул зло. Какой, на фиг, смысл?! Может сейчас хоть кто-нибудь внятно объяснить, куда движется огромная, считавшаяся когда-то и друзьями, и недругами великой страна? Газетчики? Телевизионщики? Кривляющиеся марионетки, именующие себя политиками?

Ничто, ничто не имело смысла... Кроме денег. И он, Славик Егоров, будет их зарабатывать, чтобы ездить домой на тачке, чтобы закусывать выдержанный херес финским сервелатом, чтобы засыпать со Светкой в своей постели и, просыпаясь по утрам, не пялиться в туманное стекло в страхе увидеть на нем решетку... Он будет зарабатывать эти деньги,

наплевать как. И если нужно замочить кого-то – он сделает это без особых колебаний. Как делали все вокруг... По правде сказать, собак Славику Егорову было куда жалче людей.

– Ну что там? – вяло спросил Гуня, парниша откуда-то из-под Смоленска.

Славик его переносил плохо как раз потому, что Гуня, громадный двадцатичетырех-летний увалень, постоянно что-то жевал. Его коротко остриженная голова, казалось, состояла из одной большой челюсти, которая непрестанно двигалась. При этом застывшее сонное выражение глаз было столь же обманчивым, как телевизионная заставка какой-нибудь элитарно-разговорной передачи: за видимой апатией или высокомерной удаленностью «игроков» скрывалась неумная алчность к славе, к успеху, к деньгам... Хозяин был точно мужик непростой, коли «на раз» сумел разглядеть в мнимом отморожке натуру динамичную, решительную и донельзя сволочную. Славик помнил, как Гуня, с тем же свиноподобным выражением лица, замолотил ногами парня, решившего качать права...

– Все то же... – в тон ему ответил Егоров.

– Хозяин уехал?

– Да. А ребята где?

– Где положено.

Говорить с Гуней Славик не хотел, но чувствовал потребность слышать хоть чей-то голос, даже этого жвачного мастодонта. Уж очень муторно было на сердце от скользкой предутренней мороси... А Гуня не упускал ни малейшей возможности «строить» любого и каждого: «Где ребята?» – «Где положено». Идиот! Ведь Хозяин отдал приказ по селектору: собраться по варианту «тени» и – ждать. Это означало: в цивильной одежде и без оружия. Славик подозревал, что в какой-то другой жизни, к какой относился Хозяин, термин «тени» имел иное значение...

Человек привыкает жить в кругу знакомых понятий и выражаться обычными для своего круга словами... Сейчас самыми обиходными стали понятия зоны. А слово «беспредел» самым привычным и точным отражением происходящего вокруг...

Впрочем, Хозяин был человеком другого мира. Или – просто казался таким?..

Сейчас, наверное, погнал утрясать вопрос с ментами или еще с кем: дескать, никакой стрельбы, просто – несчастный случай... Ежу понятно: ни один нормальный мент в эту бестолочь не поверит, но... За деньги можно запротоколировать и то, что Земля плоская... А за большие деньги – что мы живем на Луне!

Так что мир тот же. И люди те же... А потому собак – куда жалче.

Славик налил кофе из термоса, глотнул горькой обжигающей жидкости... Нет, кофе здесь не поможет. Водка. Только она могла смыть на время с души эту скользкую слякоть... Да и то... Словно он давно уже не живет, а двигается на ощупь в сыром, промозгло-желтом болотистом тумане, и под ногами вязкая хлюпающая влага...

Славик обвел взглядом помещение дежурки – белые оштукатуренные стены, черные провода коммуникаций, жующая челюсть напарника... Ощущение обреченной несвободы... А скорее – тупика, из которого уже не найти выхода. Никогда.

* * *

«Вышел ежик из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить...»

– дурацкая детская считалка неотвязно вертелась в голове майора Сергеева.

Приказ ясен, как белый день: зачистить объект «База». И погода – самое то. Вот только... Чего ж так противно? Не из-за погоды же... Хотя – липкая морось куда хуже, чем пронизывающая ветреная сырость там, на берегу... А противно...

Противно как раз потому, что работенка не из самых приятных. Хотя «крайние» и не самые беззащитные «овцы», а все же... Майор Сергеев предпочел бы работать на чужой

территории. Там, по крайней мере, сомнений не возникало... И еще – как случилось, что «чужой территорией» для него, Юры Сергеева, и ребят стала собственная страна? И они, словно диверсанты, идут по собственной территории, чтобы выполнить отданный приказ... Что-то неладно в Датском королевстве, если так...

На фиг размышления. На потом. Если оно наступит, это потом. Огромная страна если еще окончательно не развалилась, то только потому, что люди в погонах придерживаются нерушимого принципа: «Приказы не обсуждаются, они выполняются». А потому... Потому... «Вышел ежик из тумана, вынул ножик из кармана...» Время!

Люди, одетые в облегающие светопоглощающие костюмы, возникли из тумана, как призраки. Четверо, помогая один другому, в считанные секунды перемахнули трехметровый сплошной забор и, оказавшись на территории особняка, двинулись к бетонированному пятачку аэродрома, где в свете желтого прожектора четверо «крайних» работали на «приборке». Ни грохота, ни вспышек: четыре выстрела из «АС» были почти синхронны, боевики свалились на бетон как снопы; подбежавшие умело упаковали тела в черные мешки и двинулись с ними к особняку...

Ворота отъехали в сторону. Оба охранника сидели в застывших позах на полу крохотной будочки, глаза были открыты, на подбородках – по аккуратной дырочке: малокалиберные длинные пули прошли насквозь и вышли через затылочную кость.

Эти люди умерли, не успев ничего почувствовать или понять – смерть наступила молниеносно.

Семеро прошли ворота бесшумно, словно и не соприкасались с землей, а плыли в мутной туманной влаге. Дверь в караулку распахнулась; на пороге вырос громадный увальень, челюсть парня непрестанно двигалась. По-видимому, его беспокоил звук мотора, открывающего ворота: в караулку сообщения так и не поступило. Реакция увальня была неожиданной для человека его роста и комплекции: парень словно нырнул куда-то в сторону, в молоко тумана, и помчался прочь с громадной скоростью... Ветви акаций царапали лицо и руки, но он проскочил кустарник в секунды, достиг трехметрового забора, одним махом перебросил тело через ограждение и метнулся в заросли... Фигура в светопоглощающем комбинезоне двигалась за ним, словно тень. Гуня на секунду застыл – перевести дух и прислушаться, – как налетевшее откуда-то сбоку тело сшибло навзничь. Звериный инстинкт самосохранения удесятерил силы, парень ударил нападавшего затылком, почувствовал, что попал – по ослабшей хватке, – полоснул наудачу выхваченным из-за пояса ножом, но рассек только воздух; быстро вскочил, прыжком развернулся, сжимая клинок и готовый нанести удар в любом направлении... Перед ним маячила фигура в неопределенного цвета комби, в капюшоне; лицо закутано маской. Фигура словно расплывалась в предрассветном воздухе; она была застывшей и подвижной одновременно...

– Леший! – произнес Гуня свистящим шепотом, замер, сделал мгновенный ложный выпад, перебросил клинок в левую руку, ударил... и почувствовал, что провалился – его волокно в пустоту... Еще он ощутил открытой шеей легкое движение воздуха – словно дуновение июльского бриза... Боль взорвала голову нестерпимо-черным, и – исчезло все...

Боец подхватил на плечи безжизненное тело и побежал обратно к особняку...

Славик Егоров успел поднять голову, увидеть спину вышедшего Гуни...

Возникший на пороге призрак в непонятного цвета комби был ему странно знаком – словно он его уже где-то видел... И – вспомнил: ему тогда было двенадцать, и он видел эту фигуру ясно и ярко, в клубящемся молочном тумане оконного стекла; он закричал – но фигура не исчезла... Он щипал руки, но она не пропадала... Потом – все кончилось, только черная тьма вокруг; окно в этой тьме светилось одиноким желтым фонарем, а вся постель его была мокрой от пота...

Вот жизнь и прошла... Это было его единственным ощущением, слившимся с другим, – он вдруг увидел себя в другой жизни, молодым, удачливым, любимым...

Таким, каким должен был быть... Но... Он вспомнил, как избивал беззащитного семилетнего мальчишку из соседнего двора, с какой-то остервенелой яростью, просто так, чтобы показать ухмыляющимся старшим подросткам, что ему «не слабо»... Что он вышиб тогда из себя?.. Бог знает.

Острая жалость окрасила мир желтым, уголки губ чуть опустились... Выстрела он не ощутил... Белая, словно склеп, дежурка со змеистыми проводами вдоль стен просто пропала, словно кто-то выключил свет. Навсегда.

Бойцы доложились. Всего – двадцать два труп. Двое – в будке у ворот, двое – из караулки, четверо – взлетная площадка, девять человек – в караулке: туда просто бросили баллончик с паралитическим газом мгновенного действия. Еще трое – врач и обслуга. Плюс трупы от предшествовавших их появлению разборок...

Все «двухсотые» запакованы в мешки и уложены в кузов появившегося грузовичка. Машина заурчала мотором и отвалила в сторону моря. Там уже ждал катер. Ровно через час «двухсотые» будут затоплены в Гнилой бухте, и через пару недель от них не останется и следа. Чисто.

- Дельта-два вызывает Дельту-один.
- Дельта-один слушает второго.
- Чистота. Полная.
- Время?
- Полторы минуты.
- Подтверждаю. Принял. Исчезайте.
- Есть.

Майор Сергеев опустил переговорное устройство, сделал знак рукой, и бойцы группами по три человека разошлись на четыре стороны и растворились в предутренней мгле.

Альбер нажал кнопку на миниатюрном таймере и теперь следил за секундной стрелкой зеленого циферблата на приборной доске автомобиля. Тридцать секунд...

Двадцать... Десять... Сейчас!

Особняк налился изнутри пламенем; глухо ухнул взрыв, и ровный мощный огонь охватил сразу все здание – словно в предутреннем небе расцвел невиданный алый цветок. Зарево отразилось от низких туч, сделав утро лиловым. Машина мчалась по змеистой дорожке. Лучи фар выхватывали лишь небольшой участок впереди, и казалось, водитель ориентируется совершенно интуитивно – езда на такой скорости по такой дороге была слишком рискованной.

Риск? Жить вообще рискованно, а жить активно – рискованно втройне. Но другой жизни Альбер не знал. И не хотел.

«Порше» проскочил центр городка, не сбавляя скорости. Свернул на юг, в сторону залива, и, проехав по улице пару кварталов, остановился у небольшого двухэтажного домика за высокой изгородью, сплошь увитой виноградом. Ворота открылись автоматически, как только водитель нажал кнопку на пульте управления.

Въехал под навес, вышел из автомобиля, подошел к двери, что находилась со стороны двора. Вообще, и сам дом, возведенный совсем недавно, был построен по-татарски: к улице были обращены лишь глухие стены, все окна – внутрь двора. Правда, с некоторой модернизацией: на втором этаже на улицу глядело несколько решетчатых окошечек в староманглийском стиле; но стекла были зеркально тонированы, сделаны на заказ, и пробить их было невозможно ни пулеметной пулей, ни кувалдой. Первый же этаж был «глухим» вовсе: ни единого оконца.

Альбер вытащил из чемоданчика небольшой прибор, нажал кнопку, отключая сепаратную сигнализацию, нащупал под подоконником плату, «сыграл» на клавиатуре из семи кнопочек, сродни баянным, незамысловатую мелодию, отключив дублирующую сигнальную систему; впрочем, нигде не раздалось ни звука. И только после этого вставил ключ в замок и открыл дверь.

Поднялся на второй этаж, подошел к секретеру, открыл, насыпал в широкий бокал четыре ложечки растворимого кофе, плеснул тоника, тщательно перемешал, долил коньяком, подождал, пока осядет пена, и выпил тремя глотками. Выспаться ему удастся не скоро, а энергия – необходима.

– Приоритет Магистр, – произнес человек за спиной.

Альбер обернулся медленно. Мужчина среднего роста, лет сорока пяти спокойно сидел в кресле. Как он вошел в комнату – Альбер не слышал, но очевидным было одно: в дом он проник до приезда Альбера. Как там у англичан?

«Мой дом – моя крепость». Похоже, крепостей уже не осталось.

Мужчина ждал. Рядом с ним, на подлокотнике, лежала неровно порванная пятирублевая бумажка советского образца. Альбер вынул из портмоне другую половинку, передал сидящему. Тот сложил половинки, вернул Альберу. Совпадение полное.

Альбер открыл «дипломат» и молча выложил кассеты на столик. Человек спрятал их во внутренний карман пиджака, поклонился легким кивком.

– Провожать не нужно. Выйти я сумею, – произнес посетитель с едва уловимой иронией и спустился по лестнице. Щелкнул входной замок.

Альбер чувствовал себя словно октябренком, построенный на пионерской линейке. По стойке «смирно». «Э-э, человече, что ты есть в этом мире?»

Магистр умен. Чертовски умен. Одним действием он продемонстрировал и свое превосходство, и свое могущество. Приоритет Магистр. Шаг вправо, шаг влево – побег. Только – по тропочке, меж сторожевыми псами. Единственное, что утешало Альбера, – в этом мире абсолютной свободой, как и властью, не обладает никто. У всех своя тропочка, своя «колючка», свои сторожевые псы...

Глава 7

Старик сидел в уютном виноградном дворике и читал газету. Станица просыпалась рано, еще затемно, и это нравилось старику. В сумерках он умывался дождевой водой из корытца во дворике, заваривал в полулитровой эмалированной кружке крепчайший чай; воду кипятил в закопченном котелке между двух кирпичей прямо здесь, во дворе, – хватало пяти лучинок.

Чай старик любил сладкий, внакладку, со ржаными, чуть подсоленными сухарями – это было лакомство. По станице ржаного хлеба не пекли вовсе, а старику привозил Васька Мостовой: хлеб он добывал в краевом центре, да и там черный бородинский выпекали лишь в одной пекарне, при семейной лавке. Васька мотался в область раз в две недели по службе и набирал кряду буханок двадцать – старику хватало надолго.

Для старика начинался праздник, похожий на ритуал. Он растапливал печь, резал на столе хлеб тонкими ломтями, чуть присыпал крупной солью, кропил едва-едва постным маслом и на печь. Печка была, понятно, не сибирская: просто две сложенные параллельно стеночки да железяка для варки-парки. Но такой здесь хватало: и супец сварганить, и дом согреть.

Сухарики поджаривались, старик складывал их в белый полотняный мешок – чтоб дышали, и – прятал в запечье под потолком, в самом сухом месте. Нет, голода он не опасался: погибнуть от голода в благодатном краю, да рядом с морем, мог только полный недоумок. Просто любил черный хлебушко, любил его тихий домашний дух; казалось, что так и дом не пуст, и хозяйка просто отлучилась на время и вернется скоро, и одинокие бессонные ночи – просто иллюзия, сон, не явь.

Старик был крепок, статен и очень стар. Память его была светла, ушедшее виделось ярко, словно было вчера, но старик не жалел о промелькнувшей жизни, зная наверное: жить нужно для живых. Бог знает, что он не успел еще в этой жизни...

Дом старика стоял за краем станицы, на отшибе, две комнаты, кладовка и дворик, увитый со всех сторон и сверху виноградом и больше похожий на комнату.

Еще был вместительный добротный погреб, там хранилось в бочках вино.

Собственно, старик никогда не был ни виноградарем, ни виноделом, занялся так, чтобы было чем время занять; тем более виносовхоз распродал виноград за бесценок, почти даром: былую «бормотуху» продавцы уже не заказывали, а чтобы переоборудовать завод – ни денег, ни желания ни у кого... Старик прикупил на том же заводике и пресс, давил сок да заливал в бочки. За восемь лет наловчился – даже местные вино оценили. Вино старик продавал задешево, впрочем, как и все в станице, – на жизнь хватало.

Был он нездешний. В станицу приехал лет пятнадцать назад из Восточной Сибири, прижился. Да и чего не жить – море шумит, солнышко светит. Вот только ночи... Ночами не спалось... И вспоминалось... Умом старик знал: жить нужно для живых, а сердцем так и был с теми, кого любил когда-то.

Старик допил чаек, ловко свернул толстенную самокрутку из самосада: табак рос за домом высокими кустами, старик высаживал его на отдельных грядках – по сортам... Чиркнул спичкой, затянулся потрескивающей сигаркой... Здоровьем Бог не обидел. Он и курил, и чай тянул крепости предельной, отчего зубы были цвета темной слоновой кости... Ну да зубы-то были! В свои восемьдесят шесть мог старик и порыбачить, и печку сладить, и пройти впроходку верст тридцать... Как сейчас сказали бы – наследственность. Раньше таких в гренадеры брали. Сухой, высокий, широкоплечий, с коротко стриженной абсолютно белой бородкой, с белыми волосами, прибранными ленточкой, словно обручем, был он схож

со стародавним князем, ушедшим от буйной ратной жизни в глухую Тмутаракань доживать век в мудром отрешенном забвении мирской славы...

Вот только глаза – густого, глубокого цвета; они казались бы глазами юноши, если бы не неизбывная печаль, если бы не память об ушедших навсегда, если бы не острая тоска, таящаяся в черных зрачках... Ночи... Ночами тоска становилась нестерпимой, и старик видел почти явственно огромную пустую комнату особняка – с серебряной венецианской вазой на крытом скатертью круглом столе с витыми ореховыми ножками, с затворенным окном, за которым угадывалось желтое увядание старинного парка, с осенними хризантемами в синей стеклянной бутылки...

Высокий деревянный стул, трубка, раскрытая коробка с табаком, острый запах мокрой земли и увядающих листьев, затухший холодный камин с отливающими влажным блеском угольками... Именно таким было для него одиночество.

Старик засыпал под утро, и просыпался очень рано, и радовался наступившим утренним сумеркам, и распаливал костерок, и кипятил воду в закопченном котелке, щедрыми пригоршнями бросал туда чай, насыпал большой алюминиевой ложкой желтый сахар в кружку, выбирал из белого холщового мешочка сухарики, крутил самокрутку... Он знал, что умрет от той изматывающей одинокой тоски, что настигала его ночами. Старик не боялся смерти. Единственное, чего он действительно страшился, так это не встретить там, в мире горнем, дорогих ему людей... Бог словно забыл о нем: молодые, здоровые парни падали под пулями на бесчисленных войнах, раздирающих страну; оставшиеся беспризорными при живых родителях дети гибли от водки и наркотиков; крутые, баснословно богатые «новые» умирали, скошенные очередями разборок... А он – жил. Зачем? Бог знает.

Фигура щуплого мужичка возникла в проеме калитки, та скрипнула, отворяясь.

– Здорово, Михеич! Все чифирек хлебаешь? Не бережешь здоровьишко, старик!

Сердечко не шалит?

– Здоров будь, Сережа. А чего ему шалить? Отшалило свое.

– И то верно... От судьбы, как от сумы, не заречешься...

– А ты чего мокрый такой, мил человек? Вижу, бережком шел, ну да не по воде же...

– Не Христос я, по воде-то ходить. Тут дело такое.!. Михеич бросил быстрый взгляд на мужика: глаза у того суетились тревогою.

– Да выкладывай, случилось чего?

– Тут... Шли мы с Коляном в аккурат к тебе, по винцо, как водится... Ты ж сам понимаешь, винцо винцу рознь, у тетки Люси, до ней от нас ближе, а после ее хмельного как об забор битый, а после твоего – летаешь мелкой птахою, и с похмелья – и то легко...

– Ты мне тут славу не пой. Дело говори.

– На утопленника мы с Коляном набрели. Такой вот коленкор.

– На утопленника?

– Ну да. Видать, с пирсу навернулся или еще откуда.

– Где он?

– Дак под обрывом. Нашли его в море – между камнями застрял. Ну не оставлять же рыбам на корма... Подхватили, сюда доволокли... Колян там с ним.

Взглянь – может, признаешь кого из здешних... По одежде или еще по чему... По лицу – не разобрать, в месиво лицо-то раздробило. – Серый облизал губы. – И еще – кольцо у него на пальце, с красным камнем... Густого такого цвета, будто кровь запеклась... Уж в дом-то мертвяка мы тянуть не стали – на что тебе... – Мужик помолчал чуток. – Продрогли – мочи нет. Кабы не простудиться...

Старик встал, набросил штормовку, обмотал ноги портянками, сунул в сапоги, прошел в дом, появился с оплетенной бутылкой, молча налил в граненый стаканчик темной жидкости:

– Грейся.

Серый пригубил, поперхнулся:

– У-е-е...

Выдохнул, ухнул весь стаканчик залпом, занюхал ржаным сухариком, просветлел разом:

– Благодать-то какая... Это че ж такое будет?

– Виноградная водка.

– А по оборотам она сколько?

– Не замерял.

– В голову сразу пришла. И в грудях – тепло, словно солнышко разлилось.

Градусов семисят, не меньше. Никак не меньше.

– Может, и так.

– А идет легко. Что твой нектар.

– Да веди уже!

– Надо бы и Коляну нацедить. Промерз он там, поди, до костей.

Старик сунул в карман лафитник, подхватил бутыль:

– Пошли.

К морю спустились скоро, по прорубленной в твердом грунте лесенке, укрепленной дощечками.

– Да вы что там, чаи гоняли, мать вашу! – Колян глядел так, словно вместо приятеля со стариком увидал двух припонтийских кентавров. – Шевелите граблями-то!

– Ты чего шумишь? Покойника побудишь!

– Да живой он!

– Че-го?

– Живой!

– Он же холодный был совсем!

– Ты в такой водице полежи – такой же станешь! Я тут его двигать стал, чтобы, значит, положить сподручнее, оскользнулся, да прям на грудь ему и упал.

И чувствую – дышит! Ухо приложил – вроде и сердце техается, только едва-едва.

– Ну-тка замолкните. Оба, – строго велел старик. Нагнулся, приложил ухо к груди.

– Ну что? Бьется?

Вместо ответа, старик уложил человека на спину, несколько раз сильно, ритмично надавил на грудь, развел руки, свел, снова надавил, набрал в легкие воздуха и начал делать искусственное дыхание.

– Вот дает дед, а, Серый? А ведь он же жмурик был, сдохнуть мне на месте!

Старик сидел над лежащим человеком, по лицу обильно катился пот.

– Дышит, Серый, дышит...

– Дед, так он чего, ожил?

– Ожил, ребяташки, ожил. Берись – и в дом. Живо!

– В кабака-а-ах зеленый штоф, синие салфе-е-етки, рай для нищих и шутов, мне ж – как птице в клетке-е-е... – хрипло тянул крепко уже принявший Колян, уставив локти в стол...

...Мужика занесли в комнату, уложили на широченный топчан. Старик натер его сначала крепчайшей виноградной водкой, потом каким-то снадобьем из баночки, укрыл жестким шерстяным одеялом:

– Даст Бог – оклемается...

– Ишь – мужик здоровущий, а руки – как у барина... И перстень – что огонь... – вздохнул Серый.

– Этому все «гайка» покою не дает! А по мне бы – вина красного да бабу рыжую! – гоготнул Колян, потянувшись до хруста. – И чего непруха такая? Нет чтобы девку из воды вытянуть, этакую биксу лет семнадцати, да чтобы ноги из ушей росли!

– А задница где? На затылке? – подначил Сергей.

– Не шаришь ты, Серый, оттого и серый такой! Это ж мечта! Понял? Мечта!

– Мечтать не вредно! А что, Михеич, здешний мужик?

– Да вроде нет.

– Так чего, в амбулаторию его сдашь?

– Чтоб он там наверняк помер? – хмыкнул Колян. – Жив-то он жив, а вот в чем душа держится – непонятно... А как думаешь, Михеич, из крутых он?

Старик улыбнулся:

– Кто что крутостью считает...

– А я вот чего скажу, – встрял Серый. – «Росписи» нет, а на руках – «трассы» свеженькие. Баловался парнишка марафетиком... Какой-нибудь интеллигент из новых подсирал... Дозу принял, по шарам дало, ну и ухнулся в воду-то... Так я это, Михеич... Нам как-никак магарычок от этого нептуна положен? А, Колян?!

– Раз этак обернулось... – пробурчал приятель, – оно конечно.

– А кольцо, поди, миллион стоит, а то и два... – продолжал Серый. – Михеич, кольцо нам без надобности, а бадейку вот этой виноградной выставишь? На десяти литрах – и сойдемся...

– А кондратий не хватит? – снова улыбнулся старик.

– Да мы ж не враз! Вростяжечку! У тебя бадья-то подходящая найдется, Михеич?

– Сыщем.

– Ну а щас – чур не в счет. Ты угощаешь. Лады?

– Лады.

– И – винчиком отполируемся... Сам-то примешь, за спасение новоспасенного раба Божьего из бурных пучин? Ну и за здоровьице, конечно...

– Только не вровень. Таких шатунов, как вы, и литрухой не перешибешь, а я – по чуть-чуть.

– А вот это правильно. Как народ говорит? Алкоголь в малых дозах полезен в любых количествах! По коням!..

– ...В церкви смрад и полумрак, дьяки курят ла-а-адан... – грустно тянул Колян в одиночестве.

Серый тем временем «терзал» старика с тяжелой настойчивостью мертвецки пьяного человека, уставив на него застывший мутный взгляд:

– Нет, Михеич, ты мне скажи, как так? А? Мы же не два идиота, чтобы труп от живого не отличить? Скажи? Или ты колдун?

– Серый, отлезь от Михеича!

– Дак интересно!

– Интересно штаны через голову надевать... А тут... То не дышал, а то – ожил. Не нашего ума это дело.

– Не, пусть скажет!

– Тут, ребяташки, какой случай? Все в воле Божией! Помню, лет семь или восемь мне исполнилось, пошли мы на речку, значит, на коньках кататься. А коньки те – простые брусья железные, к валенкам их, значит, проволокой приматывали и катались так. А ребята, что постарше, они с горы на салазках съезжали, да прямо на лед: кто дальше. Ну так один парнище решил удаль показать: съехать с бугра по-над речкою. А там стремнина – не стремнина, омут, и почему-то вода у закраины не замерзала вовсе. Так решился он ту майну с налета перескочить... Глупая удаль, да разве отговоришь? Только раззадорился пуще. Первее всех,

значит, побыть. Так вот, парниша тот влез покруче, разогнался и полетел с горы. А мог бы и перескочить: перед самой рекой взгорок был, дак на него он попасть метил... Да то ли полозья не поскользили, то ли земля там едва-едва за снегом была – застопорились сани те, стали падать набок; подбросило их вместе с седоком, да тот в воду дымную, ледяную так и ухнул, что в прорву. И-ко дну камнем.

Ребята как застыли все, до того жуть: был человек и нету, только вода паром исходит... Помчали в деревню; подошли мужиков двое, покойника, значит, тащить... Пытались баграми – да куда там: глыбоко. Одно слово, омут. Тут дядько его, Михей Петров, кузнец, разделся, перекрестился, обвязался в поясе вожжами, камень нашел потяжелее да и ухнул в ту полыню. Дерг за вожжи – мужики и потянули. Вытянули мальчика на лед, вытянули и Михея. Он сразу в валенки ногами, трех овчинный на голову, да сам – в тулуп, прям на голое тело. А мальчика, значит, тоже раздел – мороз все ж, чтобы коростой ледяной не зарос – да в другой тулуп укутал, с головою... А когда укутывал – ухо к груди приложил, да, видно, услышал, а скорее – почуял: не мертвый! Помните, ребяташки, в сказках: ни жив ни мертв?

Завернул малого в тулуп, да сам в деревню припустил! Вгорячах и валенки скинул, так и бег по снегу босой, что твой юродивый!

Бабки сразу – баню топить! А мальчика – на постелю, и ну снегом растирать – не оживает... Потом – в баню, на полук, да водой студеной окатывать, да сызнова на полук... Ожил мальчуган, понять ничего не может...

Потом горячка с ним приключилась, неделю не в себе был, ан отошел. Его так потом по деревне и прозывали: Топленый. Такие дела.

– А дядько тот что?

– А чего ему? Водки выпил да и песни пел. Хоть бы что! Уже потом, сказывали, году в двадцать восьмом, как коллективизация пришла, запрягали было Михея в ихние активисты – как-никак кузнец, пролетарий, значит... А-не запрягли. Приезжал уполномоченный из города, да стал порядки наводить, да на девку Куракину глаз положил... А Куракины те вроде зажиточно жили...

– Это из князьев, что ли?

– Да какой! Наша деревня была – Афанасьеве, у нас и Афанасьевы все, а соседняя – та Куракино. Оттуда те Куракины были. Так вот: попристал этот уполномоченный к девке да в сельсовете ее запер: вроде как за провинность какую... Узнал про то Михей да шею ему и свернул. А сам – в бега ушел.

Сказывали – на стройку записался какую... А Петровых по Руси – что кедров в тайге...

Вот так и живешь – что по воде бредешь... А вода – кому живая, а кому мертвая... Так-то.

– А почему так-то? – не унимается Серый.

– Бог весть. «Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто».

– Сказки, дед, сказываешь...

– А жизнь наша – сказка и есть. Только один в ней добрым молодцем живет, другой – серым волком рыщет.

– Это уж кому как на роду писано.

Старик задумчиво глядел в оконце. Море стало густо-зеленым, мутным; валы маслянисто перекачивались под низким небом...

– Писано оно, может, и так... А только есть – важнее.

– Что?

– Выбери себе жизнь и – живи.

Глава 8

Быть покойником – дело тихое, но хлопотное. Особенно ежели задача проста, как яйцо, а вот с тем, как ее выполнить... Что есть эта самая База – знал только Корт: субординация в группе соблюдалась свято, равно как и обычное в спецгруппах былых времен разделение: один знает «что», другой – «куда», третий – «зачем». Впрочем, последнее было совсем не обязательно. А сейчас: пойдя туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

К утру шторм стих. Саша Бойко добрался до берега не без труда: сказались и усталость, и пусть и небольшая, но кровопотеря, и экономное дыхание в течение почти шести часов. Ничего... Главное – выбрался.

Домой он объявляться не стал. Брат с сестренкой спокойно живут под присмотром бабушки, к его долговременным порой командировкам все привыкли, и то, что он не объявится какое-то время, ничего, кроме стариковского ворчания, не вызовет. Всем спокойнее.

К подруге? Тоже дело дохлое. Женщинам, как известно, язык дан вовсе не для того, чтобы скрывать хоть что-то: если женщина не поделилась чем-то с «ближайшей подругой», то сие для нее может просто не существовать! Так куда?

Лучше всего – в «Альбатрос». Ночной клуб, он же казино, он же... Как водится. Нет, никакого вертепа там не существовало, но мадам имелась. Сейчас уже утро, значит, к ней, прямым ходом, все одно больше не к кому. Нелли Валентиновна Красовская – с ней Саша Бойко крутил любовь еще на школьной скамье... С тех пор Нелька стала умной, тертой, рассудительной теткой, округлой в формах и респектабельной по жизни. С суждениями о людях не спешила, но и не ошибалась. К Саше Бойко, дважды разведенному и шепутному, с годами стала питать почти материнские чувства, время от времени направляя на путь истинный.

Впрочем, весь смысл нравоучений сводился к двум взаимоисключающим фразам: «Все бабы – стервы» и «Ты их жалея, они хорошие». Клиентуру, как и эскортных девчонок, она умело тусовала по квартиркам и особнячкам, заботилась о репутации «фирмы», а потому имела на хлеб с маслом, причем и девчонок не обижая. Имелся и «Загородный клуб»; но, с одной стороны, в отличие от дома терпимости, запускали туда только по строгим рекомендациям, с другой, чтобы стать его членом, в отличие от Аглицкого клуба, вовсе не обязательно было рождаться сыном лорда или деятеля Политбюро ЦК.

Короче – клиентура текучая, информация максимальная, и есть где упасть: то, что нужно. Причем Нелька умела держать язык за зубами не только по роду профессии: ей нравилось иметь тайны от окружающих. И еще – нравилось поражать подруг. Скажем, в той же школе, помимо любви с Сашкой, крутила она роман с таким крупным человеком из партийных бонз – так никому об этом, молчок.

Известно это стало само собою уже лет через пятнадцать, все знавшие ее тетки были в шоке – не от самого даже бывшего романа, от того, что она не похвасталась! Но был тут у Нельки свой интерес: подруги стали смотреть на нее с тревожным завистливым уважением, словно спрашивая себя: а с кем тогда она тайно связана теперь? И ошибаются они в своих подозрениях или правы – сказать не мог никто. Все это вместе прибавляло Нелли Валентиновне искреннего уважения от девчонок и авторитета в кругах деловых.

К Нельке Саша Бойко завалился в девятом часу утра: благо под гидрокостюмом находился спортивный, шерстяной, хоть и промокший до нитки. Уняв боль в ноге инъекцией легонького наркотика, весь путь до ее дома в центре Приморска он проделал бегом, завернув оружие и причиндалы в кусок гидрокостюма и приладив за спину; бежал он босой, подвернув штанины до колен, что, впрочем, у редких прохожих особого удивления не вызывало – время дивное, чем только люди не тешатся: кто траву ест, кто в проруби рождает... Ну а босой человек бежит – вообще в порядке вещей, не голый же!

Нелли открыла дверь после третьего звонка. Увидев Сашку, уставшего до черноты под глазами, бледного, мокрого и настороженного притом, держащего нечто тяжелое и опасное на изготовку, но скрытно, под резиновым свертком, сказала только:

– Ну ты, блин, в своем репертуаре. Заходи.

– Одна?

– Как Робинзон. Впору вибратор покупать, да руки не доходят. Иди умойся. Я кофе согрею. – Окинула Сашку взглядом, хмыкнула:

– Рембо, блин. Сгружай железяки, здесь тебя не обидят.

Пока Саша стоял под струей душа, Нелли успела причесаться, подкраситься, сменить домашний халат на «приемный расписной», как она называла. Открыла дверь в ванную, окинула обнаженного мужчину взглядом, бросила чистый халат, полотенце, резюмировала:

– Хорош. Только дурь в голове – прежняя. Закругляйся, остынет все.

Пока Саша уплетал за обе щеки яичницу с ветчиной, запивая свежесваренным кофе, Нелька сидела напротив, оперев щеку на ладонь, и с удовольствием смотрела, как он ест. Бабская идиллия, да и только! Насытившись, Сашка выбрал в пачке сигарету посуше, затянулся сразу, как только пламя коснулось кончика, не отрываясь, спалил ее почти на треть, выдохнул и резюмировал:

– Жизнь – дерьмо.

– Грозен ты, батюшка, сегодня. Кто тебе ляжку-то продырявил?

– Что? Говори громче, у меня с ушами плохо...

– Кто, спрашиваю, шкуру попортил?

– Волки позорные.

– Че-го? Менты?

– Если бы...

– Э-э-эх... Смотрю я на вас, служивых бывших... Уж по кому ударил больнее всего бардак нынешний, так по вам. Чинуши, те при взятках примостились, хозяйственники – тоже у дел. А вы – как собаки брошенные, без хозяина так и остались... А что умеете?

– Защищать.

– То-то. Воевать вы умеете, и важно для вас – за что. А хозяина у вас-то и нету. У братвы – у них легче: и свой пахан, и свой авторитет, и свой закон имеется. А значит – и порядок.

– Волчий их порядок.

– Пусть волчий, а все же лучше, чем никакого. А у вас: какой задрот хлебло пошире разевает, да сумел пролезть, да сумел угодить – тот и княжит. И вы под этим приказчиком оказываетесь, и он вами распоряжается...

– Да брось, Нелька, не служу я давно. На вольных хлебах.

– А оно и того хуже. Кто платит – тот и музыку заказывает. Похоронную.

Что, не так?

– Не береди душу.

– Береди не береди... Неразбериха у вас, мужиков. У баб все проще: этому дала, этому дала, а этому – не дала. И каждая выгадывает, что надо: одной погулять вольно да беззаботно, другой – мужика приручить да заарканить, да в жизни как-то устроиться... А у вашего брата, особенно бывшего служивого, мозги набекрень, навыворот: и прожить как-то надобно, и семьи прокормить, и-за державу обида вас гложет. Вот и мечетесь вы, глаза горят, в грудях – полымя, а вас тем временем – под пули да под ножи... За те говенные доллары. Э-эх.

– Ты чего разошлась-то?

– Считай, что с недосыпу. Водки выпьешь?

– Выпью.

– Ну и я с тобой. «Чего разошлась?» А того, что ни хрена я в нынешней жизни не понимаю: что хорошо, что плохо... Замуж бы вышла, деток нарожала, а как подумаешь... Такое

чувство, будто народец бредет где-то под водой, кругом муть непроглядная, куда бредем, зачем... Те, кто у поверхности, мальков хватают за обе щеки, а где поглубже... Кого сгложут, кто – сам другого выхватит на ощупь, да в пасть, и не видать ни черта, а вот бредем, бредем, бредем...

– Жизнь – дерьмо.

Нелли достала из холодильника графин, разлила водку в хрустальные лафитники.

– Э-эх, крепка Советская власть. Была. – Бойко подцепил на вилку кусок ветчины, отправил в рот. Нелли свою порцию выпила наполовину, мелкими глоточками. – И как вы, девки, эту дрянь сквозь зубы cedите – никогда не пойму, – откомментировал Саша.

– То-то и оно. Для вас, мужиков, результат важен: ухнул, и чтоб по шарам накатило, да враз. А для нас – процесс. Вот и в любви тако же. Какие мужики это разумеют, у них все складывается, а которые с маху все почитают – гуляет от них баба. Вот тот мужик и слоняется бобылем. Так-то.

– Нель, поздно меня воспитывать.

– А тебя и двадцать лет назад поздно было. Такой родился. Так во что влез-то, соколик?

– По мне разве не видно?

– Видно-то видно, а не отсиживаться пришел. Побили тебя, а не убили – знать, глаза злые. На кого ножик точишь?

– Знал бы – уже клинок обтирал.

– Вот оно как. Значит, поучаствовал.

– Где?

– Ты что, за дуру меня держишь? – ухмыльнулась Нелька. – В «Альбатрос» как раз сорока на хвосте принесла под утречко.

– Что принесла?

– Три пера и ма-а-аленькую хворостинку. Кончай несознанку лепить и целку из себя строить...

– Нель! Давай дело говори!

– Ба-а-а... – озадаченно протянула женщина, взглядевшись в него. – А ты и впрямь не в курсах нынешних валют... А где ж тогда тебя поцеловало?

– Где-где, в...

– Намек поняла, можешь не развивать. Короче: шепнули Семенычу, что за «Альбатросом» приглядывает, чтобы все на время тише воды сидели. Разборка какая-то вышла в особняке, из тех, что за Веселой сопкой... Огонь-полымя, и трупов ноль. Хотя пули, видать, посвистали, что соловьи...

– А кто шепнул?

– Конь в пальто. И погоны на нем.

– А-а-а...

– И еще: менты эту разборку тихим сапом спустили: трупов нет, так и дела нет – кому такие тухлые «глухари» нужны. Но сидеть нам до поры-времени велено смирнехонько: уж больно непонятка крутая там выходит. А в наши времена повременить и переждать – милое дело.

– Та-ак. Значит, была перестрелка, потом – пожар...

– Сказывали – все начисто выгорело, за пять минуточек.

– А соседи – что?

– Ты ж знаешь, особняки, они потому так и прозываются, что стоят особо, не кучно, да покой внутренний свой стерегут.

– Да у вас вроде домик доходный – в той стороне... Так ничего и не слыхали?

– Есть домик, нет ли, про то – никому не надо знать. А если кто что и слышал – так я не выпрашивала. Разве что слух дошел: какие-то местные и сильно крутые в это дело заляпаны, а потому деловые перетерли быстренько и распоряжение такое вышло: тишком дышать и от этой поганой гнили подальше держаться, уж больно тухло...

Бойко налил еще рюмку, выпил с маху. Закурил.

– А теперь можно и я тебя спрошу, по старой дружбе...

– Валяй.

– У тебя все же фингал под глазом, у тебя пулевое... Если не там, то где?

– Нель, тебе бы в ФСБ работать!

– Мне своего хватает. Боишься – стукану кому? Сам знаешь, не из таких я...

– Так ведь работка у тебя больно занозистая – только ленивый не зацепит...

– Были соколики, цепляли. И меня, и девок... А только башку потерять – не целку, и все это разумеют добре... Это во-первых. А в-десятых – к нам ведь все обращаются, как разыграет: и братва, и ментура, и особисты... Против природы не попрешь, так-то! А потому мы – вроде как нейтральная территория, с общего молчаливого согласия, а то ведь у нас не публичный дом будет, прости Господи, а блядство сплошное! Уразумел?

– Угу. Ущучил. А что слышно – чей тот особняк был?

– А черт его знает.

– И что, никакие деловые не интересовались?

– Может, и пронюхивали, а им укорот дали, может – по согласию, малява какая была, – а только особняки за Веселым холмом приморские авторитетные не трогают. Знать – сила за ними. А уж какая – не нашего собачьего ума дело. – Женщина вздохнула, посмотрела сочувственно на Сашу:

– А ты, Сашок, уже и квелый совсем.

– Устал сильно. Нель... Я вздремну часик.

– Хоть десять.

– Может, и так. Только, Нель... Если пойдешь куда...

– Поняла, не дура. Только все ж поясни – тебя нет и не было или мы аж с позавчера ведем безвылазную семейственную жизнь?

– Нет и не было.

– Ладушки. Иди уже баиньки, призрак. А то прямо здесь заснешь. Или растворишься.

– Ага.

– Только... Постель-то у меня одна. Или ты на кушетке?

– Поместимся.

– Я как знала – только перестелила.

– Было после кого?

– Не-а. Но ты же знаешь, я на чистоте повернутая малость, как мамаша моя покойная. А вообще – не сомневайся, девчонка я чистая... Даром что работа такая.

– Кто на что учился.

Прошли в спальню. Нелли распустила волосы, сбросила халат, стоя к нему спиной. Обернулась:

– А ты не такой уж и уставший... – Подошла, провела по волосам. – Знаешь... А я по тебе скучаю... Всегда... Давно, еще со школы... Сколько годков-то улетело, а?..

– Чего считать, когда той жизни – всего триста лет...

– И все – наши, – прошептала она, закрывая глаза Правда?

– Правда.

Саша проснулся оттого, что включили свет. Тихо, стараясь не шуметь, медленно потянул руку под подушку, словно поворачиваясь во сне, нащупал ребристую рукоять пистолета...

- Ну ты еще шмальни меня спросонок, вот она, девки скажут, настоящая любовь!
- Саша разом сел на кровати:
- Сколько я проспал?
- Десять часов, как одну копеечку. Мужик сказал – мужик сделал.
- Одиннадцатый час теперь. Вечера.
- Вечера?
- Ну так. Правда, сама виновата – тебя совсем замаяла... – Нелли подошла, сбросила с него рывком одеяло, округлила глаза. – Ух ты, он у тебя прямо как часовой! Солдат спит – а он службу несет... Чудеса!
- Это у меня нервное.
- Ты бы поделился, где так изнервничался... А то девки жалуются: попадетсЯ жлобЯра, и здоровенный вроде, и нестарый, а она ему и то, и это – а все никак... И все, как один, твердят: нервное. Им только намекни – они за твоей нервотрепкой в очередь станут да еще в баксы упакут, что кочан!
- Чего не разбудила?
- А зачем? Вижу – мужик умаялся, разнежился, так пусть спит. И еще – во сне ты кричал.
- Что кричал?
- Не разберешь... Нырял все куда-то... И другим нырять велел. Прямо – котик морской, да и только. И матом крыл кого-то...
- Ладно. В городе была?
- Не-а. На Луне.
- Что болтают?
- Всякое. А вот для тебя есть новости, нырок.
- Для меня? ...
- Мужика нашли. Без сознания. В гидрокостюме.
- Где?
- Километрах в полутора от сгоревшего особнячка. Сразу внизу – обломки вертолета – тот просто на части развалился. Чем-то сильно его шарахнуло. Ну а чуть дальше – обломки мужичка. Уж как он из этого вертолета вымахнул – непонятно, а только ему повезло: в пихту влетел. Правда, ни одной кости целой, так говорят.
- Но живой?
- Пока живой.
- И где он сейчас?
- В райбольнице. В реанимации.
- А у тебя сведения откуда?
- От верблюда.
- Тоже, как и конь, с погонами?
- Ага. Только у этого просветов нет.
- Прапорщик, что ли?
- Пфи-и...
- Тогда генерал.
- Догадливый ты. Прямо «брейн-ринг» какой-то, а не мужчинка.
- Ты всегда была дама с размахом...
- Не наговаривай на честную девушку. Его одна из молодежи утешает. На постоянку.
- А я у них – вроде как друг семьи.
- Слушай, а он, как другу семьи, тебе не поведал – охрана там стоит, у реанимации той?
- Ага. Сержантик-первогодок. Из срочников.
- Блин! Так его что, на живца там поставили?!

– Ментика?

– Корта!

– Корт? Это водолаз, что с неба упал? Хм... Вот не знала, что вы, рыбы, еще и птицы!..

– Мы еще и звери! Оч-чень клыкастые! – Саша заметался глазами по комнате.

– Бойко... Не лез бы ты туда... Говорю же – дело тухляк. И этого парня, единственного, чудом выжившего, там как на полигоне положили: приходи и добивай. А ментику тому наверняка и «пушку» не выдавали: абы не пальнул сдуру или со страху, а то – вообще в коридоре посадили, проформу соблюсти... Говорю тебе – воняет от всего этого, как от падали! И если все – и УВД, и ФСБ решили схоронить дело тишком вместе с этим твоим Кортом, они его схоронят, будь спок!

Бойко, как любимого мужчину тебя прошу, не лезь в это дерьмо!

– Да я по самые яйца в нем! Поняла?!

– И незачем так орать.

– Где одежда?!

– А вы, молодой человек, сегодня ко мне без костюма пожаловали, – вроде обиженно поджала губки Нелли. – И без букета роз.

– М-да... Слушай, у тебя вообще нечего надеть?

– Отчего же? Могу девушкой нарядить. Будешь просто пре-ми-и-и-ленькая...

– Нелька!

– Вот так всегда. Я же умная. – Она вышла, вернулась с костюмом, ботинками, пуловером. – Даже и не думай! Не с чужого плеча. Девушка, пока ты дрыхнул, успела на базар смотаться! Пиджачок – чистый твид, ненашенская работа... Нет, ты скажи, кто тебя еще так любил, а? Я ведь по зенкам твоим бесстыжим и злющим поняла: тебе бы отоспаться, а дольше ты не усидишь... А знаешь, они у тебя зеленые, как море...

– Что?

– Глаза. Зеленые. Как там во дни юности пелось? «У беды глаза зеленые...»

Потому что ты кот. Подлючий и гулявый. Хоть и морской. Я ж, как дура, отдалась ему на учительском столе четырнадцати лет от роду, с девством рассталась, можно сказать, в антисанитарной обстановке, после урока химии, среди бела дня... А он, подлый? Швабродку с двери снял, ручкой аревуар сделал... Нет, чтобы о романтическом поговорить... А потом, как школу окончил? Поматросил-поматросил и бросил.

Саша быстро оделся. Проверил оружие. Неожиданно поднял глаза.

– Слушай, ты чего сорвалась? Ты вспомни, в школе хоть один хлопчик потом остался, с которым бы ты «нет»? А этот пузатый партийный боров?

– Вот то-то и оно, Сашенька, что все это было потом.

– Угу. Мальчик – в армию, девочка – под кустик.

– Что ж уж поделать? А чистое девичье любопытство? А естество, тобою, злым, до поры побужденное? А ты? Не смог простить девушке безвинных шалостей и глупого легкомыслия... Э-эх! Вот и живешь теперь бобылем! Это – за грехи!

Нелли подошла, обняла его шею, прильнула.

– Никого никогда не любила, кроме тебя, понял, зеленоглазый? Никого и никогда... – прошептала она ему на ухо. – Потому и хранит тебя Бог – для меня... Я по тебе скучаю... Всегда... Сколько бы лет ни прошло, а все наши...

Не пропадай, пожалуйста, не пропадай...

Глава 9

Альбер негодовал! Такого ляпа от высокопрофессиональной «Дельты» он не ожидал! Понятие «зачистка» и обязанности чистильщиков вполне определены и выполняются «на автомате», а здесь! Или сейчас везде «полу» – полуполитики, полулакеи, полумилорды, полувельможи?.. Но ничего нет хуже, чем полупрофессионал спецслужбы! Урон, наносимый «полу», может быть сопоставим по степени вреда только с целенаправленной работой противника!..

Внезапно мужчина усмехнулся, вставил в рот-щель очередную сигарету, скривил губы в усмешке... Жаль! Жаль, что август девяносто первого прошел под «знаком мудака» и сотни, тысячи профессионалов умылись дерьмом по самые уши, а потом – разбрелись на побегушки, кто куда... С каким бы удовольствием он служил, но не Магистру и даже не самому себе, а человеку, чей авторитет был бы для него непререкаем! Ну а поскольку сейчас таких нет, то и... Каждый сам за себя.

Первым побуждением Альбера было связаться с Магистром и тупо настучать тому на хваленую спецгруппу... Но... Есть много «но»... В данном случае за операцию полностью отвечал он, Альбер. И любое свое несогласие он мог выразить только после полного выполнения всех мероприятий или – приказа. Тем более, что все оперативные решения принимал именно он.

Отдавать приказ «Дельте»? По логике, он должен был поступить именно так, но... Ему надоело! Ему надоело, что сначала Корт, хоть и молча, относился к нему чуть свысока... Да, он, Альбер, уважает то, что Корт сделал, сумев выжить в безнадежной ситуации. Но – надолго ли?.. Альбер доведет дело до конца. Сам.

Он не хотел себе признаваться в том, что желал в действительности лишь одного: чтобы Корт оказался в сознании, чтобы тот с беспристрастностью профессионала оценил все происшедшее, как и то, что именно он, Альбер, пришел исправить небрежно сделанное другими. То, что Корт поймет все за долю секунды, он не сомневался; он хотел посмотреть боевому пловцу в глаза и увидеть в них то, что чувствовал к нему сам: «Я уважаю то, что ты сделал». Любой дилетант принял бы его за шизофреника, ни один из этих новых мальчиков никогда не понял бы его; но он, Альбер, знал: Корт поймет.

Его личный источник в РОВД нашел Альбера по одному из мобильных и передал информацию. Естественно, он не был посвящен ни в какие дела, просто передавал Альберу обычную ежедневную синхронную оперативку; он даже не знал, на кого работает, никогда не видел в глаза ни самого Альбера, ни, тем более, понятия не имел о существовании Замка; просто добросовестно торговал невесть какими секретами и слухами и получал за эту рутинку твердый гонорар через безликий и анонимный «почтовый ящик». Даже если бы он сообщил нечто сверхординарное, никакой прибавкой жалованья это стукачику не грозило: по степени важности информации для той или иной организации профессионал-аналитик легко может вычислить и круг ее интересов, и виды ее деятельности. Впрочем... Впрочем, торговля секретами, малыми и не очень, стала на пространствах шестой части земли, «с названием кратким» из трех букв и мягкого знака, одним из самых распространенных видов бизнеса, разумеется, после распродажи собственно страны... Как там у Чарли Диккенса книжонка звалась? «Торговый дом „Домби и сын“: торговля оптом, в розницу и на экспорт». Хм... Если доморощенные «Домби» отторгуются в том же темпе, что имеет место быть, «сыновья» останутся не При семейственном деле... Велика Россия, но и ее проорать можно при здешних продавцах да тамошних покупателях... Э-эх, тошно. Пора бы подумать и... Нет, не о душе. О собственной торговлишке... Уж очень зазывно Магистр те миллиарды чужие перебирал... Или и это запланированная подстава? Нет, мнительный ты стал, Сидор,

ох мнительный! Просто сам Магистр боялся, смертельно, и таким путем хотел подстегнуть его, Альбера, и пристегнуть к своей собственной колеснице, стремящейся, может статься, совсем не туда, куда правил невидимой рукой Верховный Мастер.

Нет, жизнь все-таки – дерьмо. Полное. Подлое. Паскудное. И если бы не ощущение плети... у тебя ли в руках или занесенной над твоей спиной, людишки бы давно, всем скопом или, как принято у них в стаде именовать, «всем общечеловечеством» превратились бы в похотливых, жадных, обжирающихся и рвущих друг друга на части скотов! В этом Альбер не сомневался... Значит, Замок прав?!

Да пошли они все: прав или лев... Каждый сам за себя! Точка.

* * *

...В обычную синхронку входило и описание взрыва-пожара в особняке; от себя источник добавил, что к делу подошли с суровой неохотой и глухо, живых концов никаких, и обнаруженного в стороне от особняка раненого в гидрокостюме связывать с происшедшим нарочито не стали... И лежит обожженный, изломанный тип без сознания в одной из клиник, под символической охраной: неординарность общего происшествия заставила какой-то чин соблюсти если и не протокол, так хоть видимость протокола...

Альбер думал. Если противник или противники Магистра и Замка так сильны, сейчас они роют носом землю: прошло уже двое суток со времени пропажи финансиста с ласкового кипрского побережья... И хотя от Кипра до Приморска – путь неблизкий, штудируют сейчас их оперативные аналитики все и любые сводки, слухи, домыслы всего происшедшего на территории б. Союза, где правят теперь бал б. партайгеноссе и б. диссиденты... Естественно, чтобы они могли просчитать связь обгорелого раненого в гидрокостюме, в тридцати пяти километрах от моря и Приморска, с пропажей финансиста с райских пляжей, нужны и талант, и вдохновение, и удача... А кто сказал, что удача на стороне «рыцарей Замка»?

Скорее наоборот. К тому же ежели Магистр не врал, а он определенно не врал, он просто хотел поделиться страхом – вполне естественное человеческое желание, почти всегда подсознательное... А это означает, что противник действительно обладает теми деньгами, о которых шла речь, и оперативные аналитики у него могут быть вполне из тихих шизопомешанных гениев с опытом стрельбы из всех видов стреляющего железа во всех горячих точках мира, включая ближнее предкабулье, дальнее припамирье и пробужденную Африку в самой центральной из ее частей! Просто Нквама Нкрума какая-то!

К госпиталю Альбер подъехал загодя. Четыре самых разномастных ксивы грелись в карманах пиджака на все случаи жизни, кроме, разве что, случая смерти: свидетельства о собственном захоронении у Альбера не было. Мужчина хмыкнул: а вот это действительно упущение, надо бы наверстать, но не теперь.

Посторонней суеты не наблюдалось. Минуло семь. Как назло, в здании народу было изрядно: в свете новых веяний и старых понятий о том, что бесплатно излечиться от любого недуга может лишь очень здоровый человек, при больничке по вечерам функционировала платная амбулатория, с теми же врачами; по больнице за свои кровные шатались все кому не лень: в отличие от страждущих былых времен, которых «строили» любые медички или старухи уборщицы, теперешние пациенты болтались по всем этажам и отделениям, требуя кто – рентген пятки, кто – гомеопатическую дозу от застарелого геморроя, кто – экстрасенсорного воздействия на фото нелюбимого мужа, потому как у него, подлеца, стоит на всех, кроме собственной дражайшей половины. И хотя невропатологи с неврологами, к примеру, стоически объясняли незадачливой даме, что за избирательность потенции отвечает некая структура, скрытая в глубинах подкорки правого полушария, дражайшая половина не унижалась и накатывала теперь на магов и целителей, практикующих в этих же стенах, с такой

демонической силой, что те скоренько отсылали ее куда подальше – к платным же гомеопатам, а лучше, вместе с мужем, к психоаналитикам: цены у последних были самые новорусские, глядишь, бабенка в перстнях надорвется-таки в расходах и бросит безнадежное дело; тем более голова – вопрос темный, науке непонятный.

Альбер оценивал ситуацию. Казалось, в суматохе устранить свидетеля, находящегося в отдельной палате на втором этаже, – легче легкого, но по коридору того этажа располагалось штук десять кабинетов и палат; родственники и посетители посещали кто врачей, кто больных... Сержантик примостился на приставном стуле у стола дежурной медсестрички, исходил веселым трепом и на перспективу проведения ночи в больничных стенах смотрел со свойственным молодости оптимизмом: халатик на медсестричке был расстегнут с продуманной небрежностью на три пуговицы – сверху и снизу; девушка сохраняла требуемую по должности и положению серьезность, переставляла на столе с места на место ненужные баночки, легкая полуулыбка блуждала на пухлых губах, и было очевидно: ежели кому-то из болящих станет нехорошо в темные ночные часы, жать кнопку вызова – бесполезно, и из-под смерти уходить придется своими силами...

Альбер оставил «порше» за три квартала и теперь бродил по коридорам лечебницы с видом удачливого компьютерного интеллектуала из столицы, имеющего свой небольшой, но надежный бизнес; и здесь, на отдыхе, его настигли-таки привычные мигрени. Смирненно-страдающий вид хорошо одетого скромного человека, рассеянно шатающегося по коридорам и поверх очков с толстыми линзами читающего названия целителей и наименование их специализаций, вызвал бы в ином месте сочувствие, только не здесь. Больные были погружены в собственные проблемы, как в тину; если бы кто и отметил сдержанного очкарика, то забыл бы вскорости:

Альбер был профессионал и заставлял окружающих замечать не его собственную личность, а созданный им образ, имидж... Хм... Альберу пришла в голову любопытная мысль: накатать и издать, в подражание Карнеги, опус под простым названием: «Как быть неузнанным и влиятельным». Под псевдонимом, разумеется.

Вот только... Беда людей в том, что они видят и в политике, и на эстраде (что, собственно, сейчас стало почти идентичным; попса – она и в Африке попса!) только актеров, исполнителей и мечтают быть знаменитыми, узнаваемыми, попасть в ту когорту «Останкинских Небожителей», что живет, по мнению большинства, весело и беззаботно... Забывая старую мудрую песню, исполняемую великой актрисой:

«Кто, не знаю, распускает слухи зря, что живу я без печали и забот...» Все хотят быть актерами, исполнителями, и никто не желает быть сценаристом...

Единственная «роль», какой удостоился при жизни великий Шекспир, – кричал петухом за сценой... Зато – остался сценаристом... На все времена.

Мысли проходили сами по себе, Альбер работал. Отмечал расположение дверей, наличие запасных выходов, места, где могла быть засада. Если сейчас и можно устранить раненого – то только шумовой акцией: имитацией бандитской разборки со стрельбой и дымом... А вот этого как раз не нужно. Пока существует вероятность, что столичные аналитики противника упустят находку боевого пловца в какой-то там тмутаракани, особенно если он тихо скончается, не приходя в сознание. А вот театрализованную разборку заметят всенепременно, останется сложить два плюс два, установить принадлежность сожженной Базы... Азбука. До Магистра и Замка так не доберутся, а вот до него, Альбера, – вполне. И тогда вновь объявится бесплотной тенью человек приоритета Магистр, только он, Альбер, этого уже не узнает. Смерть из коридоров Замка приходит незаметно, невесомо, незримо и уходит неслышно.

А проводить тихий вариант, причем лично, сейчас, – никакой возможности.

Остается ждать. Альбер вышел из заведения, вернулся в машину, загнал ее на одну из боковых аллей медгородка, как раз на торце интересующего здания. Отсюда он хорошо контролировал вход в лечебницу и, частично, – заднюю часть здания.

* * *

Ждать. Несмотря на обилие фильмов про шпионско-полицейские страсти, где погоня является чуть не основным атрибутом профессии ловца заблудших душ, в жизни – все наоборот. Главный признак профессионала, будь то киллер или чистильщик, опер или контролер, аналитик или разработчик, – это умение ждать.

Мучительно-тревожное состояние, при котором необходимо сохранять и хладнокровие, и выдержку, и присутствие духа, чтобы при новых вводных – изменившейся ситуации – суметь молниеносно принять единственно верное решение и провести единственно верное действие. Именно это и называлось мастерством.

Саша Бойко оказался у больницы в четверть двенадцатого. Расположение палат он знал отлично, благо трижды имел «удовольствие» отдыхать на здешних койках с переломами нижних конечностей. Реанимационное отделение находилось на втором этаже, в торцевом крыле. Туда можно было подняться по пожарной лестнице – сразу попадешь в соседствующий с палатой кабинет врача; свет в нем, как и во всем отделении, никогда не гаснет. По идее, и сам эскулап должен бы припухать именно там, но сие не соблюдалось практически никогда: вся дежурная реанимационная бригада скорее всего уже хряпнула по мензурке спиртяги и мирно дрыхнет по кушеткам. Важных птиц в этой лечебнице не пользовали, а за не важных – и спрос другой.

Но жизнь нас учит: прямой путь – не самый скорый. И уж не самый безопасный – и подавно. А присутствие опасности Саша чуял... И еще то, что медлить нельзя.

Совсем.

* * *

...Альбер легко открыл заднюю дверь отмычкой и вошел. Сразу направо – лестница. Надел загодя приготовленный белый халат, шапочку, оружие – тупорылый ПБ1 – в карман. На шее – рожки фонендоскопа, рука – на рукояти оружия. Все естественно.

Миновал цокольный этаж, поднялся на второй. Выругался про себя: медсестричка оказалась добродетельной, видно, дрыхнет где-нибудь, а сержантик припухает в кожаном кресле в грустном дремотном уединении, вытянув ноги в кирзовых сапогах в проход.

К сержанту Альбер подошел скорой стремительной походкой, как и положено какому-нибудь заведомо.

– Где сестра? – рявкнул он на сержанта так, словно тот был санитаром на договоре, единственным источником дохода для которого была почасовая оплата в здешнем заведении.

Строевик вскочил мигом, вытянулся. Или он с детства боялся «строгих добрых докторов», или – нутром почуял в вошедшем службиста, привыкшего командовать...

Так или иначе расчет Альбера оказался точен: едва заметное движение руки, и сержант неловко рухнул в то же кресло.

* * *

...Саша быстро вошел в двери травмпункта. Травмированных, слава Богу, на этот час не было. Проскочил в коридор собственно больницы, почти бегом миновал его, оказался на

черной лестнице. Чувство опасности стало близким, совсем близким... Боец замер, пытаясь определить его источник... Холодок на правой щеке... Да! Нерабочая, запасная дверь черного хода лишь неплотно прикрыта, а не заперта. Он выхватил «стечкин» и ринулся вверх по лестнице, бесшумно и едва весомо опираясь на ступени каучуковыми подошвами...

* * *

...Корт был в сознании. Изломанное тело было укрыто до подбородка, обожженное лицо закутано бинтами, жили только глаза и губы.

Альбер плотно прикрыл за собою дверь, подошел к лежащему... Взгляды встретились. Но в глазах боевого пловца увидел совсем не то, что ожидал... И еще – прочел по губам последнее, сказанное этим человеком слово: «Пададь».

Выстрел был тихим и четким, словно щелчок шпингалета. И тут Альбер почувал близкую опасность. Не рассуждающую, смертельную... Развернувшись вполоборота, он выпустил в застекленную дверь все пять оставшихся пуль, бросил оружие, раскрыл окно и выпрыгнул. Двадцать метров до машины преодолел одним рывком, повернул ключ зажигания, с огромной скоростью проскочил по неосвещенной аллее, вывернул на шоссе, и через несколько секунд автомобиль растворился в беззвездной сырой ночи.

...Выскочив в коридор. Бойко замер. Милиционер, похоже, спал, вытянув ноги поперек коридора. Осторожно, стараясь не шумнуть, Саша приблизился... Нет, в такой позе спать невозможно... Дальше подумать он не успел. Пуля, ударившая в плечо, буквально смела его тело; пролетев метра три наискосок через коридор, сполз по стене, упал и замер. Бесполезный «стечкин» отлетел куда-то в сторону...

Очнулся от болевого шока через пару минут. Рука бездействовала. Выбежавшие на шум врачи и две медсестры круглыми глазами смотрели на раненого... В реанимационную палату, дверь которой была пробита пятью аккуратными пулевыми отверстиями, никто не входил.

Врачи скрылись так же скоро, как и появились. Видимо, вид лежащего беспомощно в кресле сержанта и окровавленного крепкого парня у стены пробудил в их сердцах противоречивые чувства, самым сильным и естественным из которых оказался страх. Оценить в суматохе, что стреляли с той стороны реанимационной палаты, – здесь медицина оказалась бессильна, не ее профиль...

Саша быстро поднялся на ноги, зажимая рукой рану. Он чувствовал, пуля засела неглубоко в мышечной ткани. Сделал несколько шагов к реанимационной палате, распахнул дверь, взглянул мельком: у лежащего на постели было снесено полчерепа... Стреляли из оставленного на полу «тишака»; поднимать его – никакого смысла, патроны к нему отыскать в Приморске и окрестностях не легче, чем ручного динозавра; руки киллера были скорее всего обработаны специальным составом, так что отпечатков никто никаких не найдет... Кроме разве его, Сашкиных...

Ему повезло: стреляли специальной пулей, диверсанты называют ее «штурмовой» – тупая, как цилиндр, она при попадании просто отбрасывает врага на несколько метров, и если тот даже остается жив, открыть ответный огонь не способен из-за сильнейшего болевого шока. Если бы такая «дура», хотя бы одна, угодила в голову... Киллер стрелял наугад, по интуиции, и Сашку бы завалил непременно насмерть, но здесь ему снова повезло: ужалившая его «шмелюга» бросила ставшее вмиг беспомощным тело в угол коридора, и он оказался вне сектора обстрела...

Все эти мысли проскочили в одно мгновение. Не осталось ничего, даже горечи, – нужно было действовать. Бойко ринулся прочь, на ходу подобрал «стечкин», сбежал на про-

лет вниз... Где-то с той стороны уже завывали сирены милицейских машин... Куда?.. Через двор? В кусты? Не успеет.

Одним движением Саша раскрошил пачку нюхательного табака и бросился прочь.

Заметил проблеск фар, пригнулся за железный ящик с отходами... Трое выскочили из «уазика» и ринулись в открытую настежь дверь черного хода, держа на изготовку «АКМСы». Водитель остался.

Саша медленно, осторожно двинулся прочь. Миновал спасительные кусты. Вышел к шоссе. Затаился, переждал огни одинокого «жигуленка» с развеселой компанией внутри. Пересек дорогу. Выдохнул. И неслышной трусцой побежал через проходные дворы спящих хрущевских пятиэтажек... Время от времени он ловил себя на мысли, что мучительно хочет нырнуть... Воевать на суше он умел, но в море... В море нет собак. Только волки. Да и те – морские.

Дверь в квартиру Нелли Саша Бойко открыл сам, полученным от нее ключом.

Правая рука висела плетью, с замком он справился кое-как левой... Сделал в прихожую шаг, другой, увидел перед собой заспанное лицо женщины, ее испуганно-сочувствующие глаза, услышал:

– Сашка... Да ты живой?.. – и рухнул на пол.

Глава 10

Света Альбер не зажигал. Во второй половине ночи небо прояснилось. За полуоткрытыми жалюзи дворик был освещен слабой желтой лампочкой, но этого света мужчине хватало, чтобы различать предметы. И еще – ничто не мешало ему думать.

Мужчина не спал уже вторые сутки, но нервное напряжение прогоняло сон напрочь. И сегодня спать ему не придется тоже.

Кто был там, за дверью реанимационной палаты?.. Один из «Дельты»? Серый гвардеец приоритета Магистр?..

Альбера не оставляло ощущение, что его подставили. И подставили не чужие.

Когда Магистр назвал сумму, о передвижении которой шла речь, Альбер сначала никак не отреагировал. И Магистр определенно это понял. Представить, что такое сто миллиардов долларов, даже если это сотенные купюры... Сколько это?

Грузовик? Вагон? И уж совсем непредставимо, какой активный капитал может контролировать такая сумма... Сто миллиардов долларов – это скорее из области статистики, и уж совсем не из реальной жизни – даже новых русских или старых американцев, арабских нефтяных миллиардеров или индийских раджей, еврейских наследственных финансистов или китайских партийных бонз, управляющих судьбами и жизнями трех третей населения Земли...

Когда Альбер получил задание похитить Сергея Петровича Дорохова, средней руки финансиста, он достаточно хорошо понимал, что речь пойдет не о банальном вымогательстве или мелком шантаже – Магистр никогда не занимался подобными пустяками. Ну а после придания ему людей и техники уровня Магистр, а также средств, достаточных для того, чтобы безбедно прожить остаток дней где-нибудь на шикарном побережье лазурного океана добрую тысячу лет, а кроме того – яхта, береговые суда прикрытия, самолет, вертолеты, право на зачистку любого подразделения любого уровня и, наконец, передача в полное подчинение «Дельты-1» и «Дельты-Х»... И все для того, чтобы умыкнуть и «выпотрошить» одного банкира, такого «селфмэйдмена», занимающего вместе со своим банком и двумя-тремя десятками ублюдочных компаний, кои наверняка были «поплавками» и «якорями», место где-нибудь в третьей сотне среди себе подобных?.. Причем Альберу не дали никаких вводных на подвязки этого «рыцаря наживы» в мире криминальном или политическом: в этом не было ничего необычного, поскольку лишняя информация могла бы затруднить подготовку такого простого в оперативном отношении действия, как похищение, но... В том-то и дело, что от Альбера потребовали провести оч-ч-чень непростую акцию.

Разрабатывал операцию он сам, лично. Пять вариантов «дымовых завес», «тропы», по которым должны бодро потопать любые ищейки, будь они от авторитетных людей, «доморощенные» или интерполовские... Одна из «тропок» – засвеченная партия героя на девятьсот тысяч баксов, несколько сданных обрадованным властям восточноевропейской державки «чемоданов», туман для «деловых», обошедший еще в три сотни тысяч зелененьких, четыре трупа шестерок из оффшоров, именующихся президентами и генеральными директорами: пусть «корованные» почешут репы да поразмыслят, кто за этим стоит... Причем жертвы выбирались мотивированно, с учетом московских оперативных разработок... Плюс – завалили под шумок одну «миску» то ли Львов, то ли Житомир, любимую пани одного из незалежных авторитетов – не хай и тамошняя братва разгоношится и полезет в разборку... А когда вся эта орава зашевелится, начнет искать концы, увязки, причины, когда два-три отморозка как бы вгорячах пальнут еще в кого ни попадая в столице – стараниями все того же Альбера, – разобраться в этом палеве будет просто нельзя!

«Чемодан», «кошелек», «баул» – курьер, перевозящий что-либо: наркотики, наличные деньги и т. п.

И исчезновение какого-то Дорохова на этом фоне... Нет, если чего Альбер не сделал, так это не спровоцировал очередную греко-турецкую резню между киприотами!

Разработка оказалась блестящей, ее исполнение – виртуозным: разгрести такую грудю дерьма люди, даже которым сей банкиришка дороже родного папы, смогут только при помощи Господа Бога, да и то лишь после Страшного суда!

Или... Или при помощи его, Альбера...

И вся эта сияющая грудя дерьма сыпанулась на крайнем этапе – собственно «потрошения»! Или Доктор, человек из «Дельты-Х», чего-то действительно недомудрил с наркотой – с этих яйцеголовых станется! – или перемудрил Магистр: заранее запланировал подставу его, Альбера... Ну а поскольку Альбер в теневых коридорах Замка был человеком не последним и зачистить его за просто так, волевым решением Магистра, было невозможно, он и закрутил собственную игру волчком, чтобы перед Великим Мастером представить его предателем...

Черт! Нервы!

И еще – его томила острая, казалось бы, беспричинная тоска... Но...

Мужчина хорошо знал и причину, и повод... Почему?.. Почему Корт, такой же, по сути, наемник, как и он, Альбер, сумел сохранить кроме профессионализма и внутреннее достоинство?.. Он не потерял его ни при каких обстоятельствах, даже перед лицом смерти... Может быть, потому, что на своем уровне, уровне боевого пловца, он никого и ничто не предал?.. Так не бывает... Или... Бывает?

Альбер встал, прошел на кухню, поставил чайник, закурил. Вода вскипела через пять минут, мужчина ополоснул фарфоровый заварной чайник, всыпал заварку, залил кипятком, прикрыл полотенцем. Эта процедура его всегда успокаивала.

Хватит эмоций. Итак, что мы имеем по Дорохову?

Первое. Объект был скорее всего случайным или скрытым секретоносителем стратегического уровня. Вернее даже – скрытым секретоносителем: на это указывает настоятельное требование Магистра разработать и провести столь сложную и многоступенчатую «завесу» при проведении похищения – для тех, кто забеспокоится и начнет искать свой «почтовый ящик».

Второе. Объект мог знать или не знать о том, что он обладатель ценной информации. Скорее второе: Магистр сразу исключил болевой вариант воздействия... А уж он-то, как и сам Альбер, знал: герои, противостоящие любой боли, бывают только в кино – сочетание нечеловеческой муки с определенной серией угроз штука весьма действенная, и перенести ее может только сумасшедший.

Но здесь есть одно «но»: это может привести как к физической смерти объекта, так и к полной потере реальной информации, которой он обладает...

Тогда... Тогда вопрос: почему этот некто или нечто (персона, группа людей, организация – в любом случае что-то достаточно могущественное, раз для путания следа похищения было брошено на ветер более трех миллионов долларов и нагромождены завалы из трупов) заложил в объект эти сведения и пустил его гулять самого по себе, словно апрельского кота?.. Или – зачем?

Ответа всего два: или этот некто заложил в объект хорошо замотивированную дезу (впрочем, если знать это наверняка, получение дезинформации равносильно получению информации – тут Магистр был дока!), или объект получил неосознанную информацию, которую в определенной ситуации или при определенных дополнительных вводных должен был вспомнить и использовать. Учитывая, что он финансист, он должен был найти, как это сделать.

И, наконец, крайний вариант. И Магистру, и, следовательно, ему, Альберу, подставили «куклу» – чистой воды профессионала, не обладавшего никакими серьезными сведениями и сыгравшего партию в поддавки с присущей профи серьезностью и стремительностью... Причем подготовлена эта партия была не спонтанно: осторожного Магистра вывели на объект, заставили взять в активную разработку... Значит, объект и вся операция были подготовлены не вчера: Дорохов крутился не год и не два в финансовых кругах, а потом заинтересованные люди «осветили» его для Магистра как «сейф» очень крупной персоны или группы лиц...

Причем возможен вариант и замотивированной дезы, и указанный... Тут есть над чем задуматься умным головам...

Альбер усмехнулся... Впервые, пожалуй, за последние семь-десять не самых легких лет он чувствовал серьезную усталость... Ему надоело все, даже ощущение собственной власти и значимости. А может быть, пришло четкое осознание того, что, если ты распоряжаешься чужими жизнями, кто-то рано или поздно распорядится твоей собственной. И возникала порой мысль, что хорошо бы осесть где-нибудь в глубинке тихим пенсионером в собственном домишке, обзавестись семьей... Альбер рассмеялся: настолько эта мысль была глупа и несурозна! Привыкнув к сильным ощущениям банка, называемого войной или властью, человек становится своеобразным наркоманом интриги. Без сильных страстей жизнь станет просто нелепой, обреченной на пошлое существование безымянного деревца в лесу, которое может быть срезано как прихоть безымянного туриста, так и «громადьем» очередного пятилетнего плана по строительству коммунизма, капитализма или еще хрен знает чего...

Игра есть игра. И уйти из-за стола он не сможет. А вот сделать свою игру... Почему нет?..

В любой организации, даже такой высокопрофессиональной, как Замок, работают все же люди, а не роботы и не ясновидцы. Нельзя объять необъятного; но вполне возможно любой конторе создать образ «всевидающего ока», особенно если окружить ее даже незначительные действия завесой не просто секретности, но мистики: именно так Сталин создал легенду о НКВД – ночные аресты, ночные бдения «меченосцев» ассоциировались у обывателя с кошмаром наяву, с непознаваемым;

КГБ унаследовал от предшественников эту тайную легенду о всемогуществе...

А потому и Замок строился людьми умными и знающими из двух составляющих: тайны и субординации. Но он, Альбер, понимал: сработай один из оперов вяло или топорно, и могут полететь в преисподнюю самые дьявольские комбинации, и за профи не способно уследить ни одно око, даже самое зрячее. Нет, завалиться на дно – еще не пришел час, а вот делать свою игру – в самый раз... В смутное время непонятого регентства и междубоярщины лучше играть самому, чем быть картой, даже самой козырной...

Кто смел – тот и съел.

Собрался Альбер скоро. Он привык не иметь ни собственности, ни привязанностей. Таких, которые нельзя бы захватить с собой. Да, он будет играть свою игру, по своим правилам. Делая вид, что играет по предложенным. Все люди, хоть чего-то добившиеся в этой жизни, таковы.

Решение он принял еще прошлой ночью, когда мчался на огромной скорости к Приморску. И оно совпало с действием. Альбер совершил то, что запрещено строжайше: он скопировал кассеты с допросом для себя. Непрофессиональное проведение крайнего этапа операции дало ему этот шанс: он внимательно просмотрел пленки; было заметно, что Доктор прослушивал их, когда, как он называл, респондент попросту вырубался от очередной экспериментально-убийственной дозы... Потом вставил в магнитофон...

Когда-то ему, Альберу, жилось проще. Он служил. Служил государству.

Плохому ли, хорошему, но... Государева служба давала ощущение несокрушимой твердыни кремлевского замка там, за спиной... А потом – потом выяснилось, что твердыню эту давно разобрали по кирпичику – кто сколько смог утащить... Или не разобрали?..

В любом случае в стране давно царствовало право сильного. И Альбер только радовался тому, что к драке за существование он готов куда лучше многих. Ведь даже во времена оные в их системе чувствовать за спиной твердыню державы можно было только гипотетически: грызня за власть между элитными кланами существовала всегда. И в случае любого провала, если это будет в неких высших интересах, человек оставался один на один с мощной карательной системой собственного государства, и здесь – у кого нервы крепче... Но... Тогда дрались свои и свои... Во внутренние разборки во власти ни одна из групп никогда не привлекала чужих – ни в виде политических уступок, ни в виде финансов. У властных кланов были свои понятия, и весь переворот Меченого заключался в том, что он эти понятия похерил: в борьбе за власть дозволено стало все... И если страна находилась теперь в состоянии войны, Альберу это не было внове: война была его образом жизни. Воевать он привык. Вот только... За что?.. Или – все против всех? Кажется, это у Томаса Гоббса: «Несомненно, что война была естественным состоянием человека, пока не образовалось общество, и при этом не просто война, а война всех против всех». Образовалось общество... И что изменилось?.. Только то, что раньше совершали набеги племенами и ордами, а теперь на убой ведут, построив в маршевые колонны...

Бред вся эта жизнь... Но, как учили в школе, «прожить ее нужно так, чтобы...». А вот это «чтобы» каждый себе устанавливал сам. Ибо если нет Замка, Дворца, Властителя – остаются джунгли. А закон джунглей гласит: каждый сам за себя!

Альбер вышел, бросил взгляд на дом, так похожий на неприступную крепость... Иллюзии... Неулыбчивый человек приоритета Магистр легко и непринужденно прошел сквозь все системы сигнализации и ловушки, какие установил Альбер... И доказал, что на свете нет крепостей, которые взять нельзя... Хм...

А мысль крамольна уже сама по себе... Может быть, и сам Замок не неприступен?..

Вернее, его даже не стоит брать, нужно пройти сквозь...

Альбер вышел с сумкой через плечо. Перемахнул забор, прыгнул в соседний двор, быстро пересек его. Мишка, здоровенный кавказский овчар, лишь приветливо проорчал, приподняв веки: пес был свирепости и злобности необычайной, но с его хозяином Альбер ежесубботне выпивал после баньки пузырек беленькой, сидя за столом в тенистом саду, и Мишка знал однозначно – свой.

Пройдя два квартала, свернул к автостоянке. Разыскал потрепанную с виду «шестерку», отомкнул дверцу, забросил на заднее сиденье сумку и рванул с места.

Покружил по городу с полчаса, тщательно проверяясь и посматривая на специальный прибор: «маячок» в машине отсутствовал, ее не вели никак, даже с помощью спутниковой телескопии – миниатюрный блочок регистрировал все виды излучений и имел несколько «смежных» профессий, благодаря каковым и предупреждал владельца о любом несанкционированном вмешательстве, будь то прослушивание или прицеливание снайпера с помощью ночной оптики. Ну а теперь пора поактивничать...

Подошел к телефону-автомату, набрал номер:

– Мне, пожалуйста, Николая Платоныча.

– Николай Платоныч на работе, в ночную смену, – ответил женский голос. – Что ему передать?

– Для него пришла посылка на главпочтамт.

– Спасибо, он заберет.

Альбер вернулся в машину, развернулся и поехал из центра на окраину. В захудалой парикмахерской коротко постригся, вышел, надвинув на глаза козырек бейсболки. Нет, он

вовсе не гримировался, просто отлично знал; любые топтуны схватывают не личность объекта, а образ, стиль, походку, способ общаться, жестикуляцию... Но Альбер прекрасно знал и другое: стоит человеку поменять привычную униформу, скажем костюм с галстуком на свитер-джинсы либо наоборот, да добавить к этому немного фантазии, изменится и стиль, разумеется, если за этим тщательно первое время следить... Для себя еще в ранней молодости он отработал несколько стилей, причем пользоваться предпочитал лишь одним или двумя... Сейчас ему предстояло «раздвоиться»: один будет продолжать выполнять приказы Магистра, другой... Ну да – каждый сам за себя. За всех – только Бог.

* * *

...Тяжелый авангард рыцарской конницы мчался, сотрясая землю. Она гудела и содрогалась от ударов тысяч копыт закованных в металл коней; восседавшие на них всадники в глухих шлемах мчались безлично и несокрушимо, выставив неровным рядом тяжкие острия пик. Я различал тусклый блеск боевых топоров, притороченных к седлам...

Ни один строй не мог противостоять этой грозной организованной силе.

Бронированные клинья сокрушали неровные фаланги литовцев, наполняли мистическим ужасом разноплеменно-пестрые войска мавров, обращали в бегство потомков непобедимых викингов...

Нам нужно было выстоять. Сомкнув алые щиты, мы застыли в шеренге, ожидая смертоносного наметного удара... И вся эта железная тяжелая масса, вся эта несокрушимая твердь ошетиженной железом звероподобной плоти запнулась вдруг, сразу, будто налетев на невидимую стену... Передние ноги лошадей скользили в глубокую, отрытую отвесно траншею, припорошенную безымянной степной травой...

Падали, ломая хребты, оскаленные кони, всадники подкошенно бились в мягкую, расхлябшую от дождей землю, задние налетали на передних, разрушая и круша в месиво и еще оставшееся живое, и самое себя...

И уже конница замедлила свой гулкий бег, заматались, затрепетали флажки на поднятых пиках всадников, забегали в беспорядке пешие... А из-за леса бегом валили воины, вздымая топоры на длинных древках...

Дальше была бойня. Рыцари крошили нападавших длинными прямыми мечами, тяжелыми секирами... Клинки маслянисто отливали густой кровью... Рыцари убивали... И – сами падали, сраженные ловкими ударами боевых топоров; упавших добивали грубыми, сработанными из дрянной тусклой стали ножами со скользкими деревянными рукоятками...

Мои руки онемели от усталости, кровь из рассеченного лба и пот застилали глаза, я продолжал рубить почти вслепую, чувствуя скрежещащее сопротивление брони или чавкающий звук разрываемой железом плоти...

...Я лежал и глядел в звездное небо... Силы оставляли меня, над ночным полем слышались слабые выкрики, тьяканье лис, метались неясные низкие тени, светились желтые глаза псов... Я поднялся, опираясь на рукоять меча... Медленно побрел прочь, чувствуя, как в промокших насквозь, шитых узором шевровых сапожках тепло хлупает кровь... Моя и чужая...

* * *

Альбер выключил диктофон. Навстречу, высвеченная дальним светом фар, неслась узкая и матово блестящая, будто дамасская сабля, дорога. Он понимал, что слушал запись допроса не с самого начала, включив из чистого любопытства – за что можно было выложить три миллиона долларов и снести три-четыре десятка голов?..

Он не понял. Ничего. Это что, и есть то самое?.. Как назвал этот яйцеголовый «градусник», Доктор, – «нижние этажи подсознания», когда объект был в состоянии «летаргической комы» и при этом вспоминал?.. «Иногда его воспоминания облекались в форму эссе, стихов, картин...» Бред!.. Хотя... «С материалом необходимо целенаправленно поработать. Иначе говоря, что именно нужно извлечь из сказанного...» Надо полагать, люди приоритета Магистр уже делают это.

Дорога, будто узкая дамасская сабля, неслась навстречу и матово, маслянисто блестела в лучах фар. Альбер прибавил скорость. Это было довольно рискованно – мчаться так ночью, по скользкой дороге... Но другой жизни Альбер не знал. И-не хотел.

Глава 11

Старик сидел в садике и смотрел на прояснившееся после двухдневного шторма небо. Он привык к бессонницам, притерпелся к усталости – что поделаешь, возраст. Он вспоминал. Лагерь, войну, снова лагерь... Была ли его жизнь счастливой?.. Бог знает. Человек таков, что не ценит того, что у него есть, и жалеет о том, что прошло... Вернее даже – о том, что могло бы сбыться, не пройди он мимо лукавого взгляда девчонки – по робости или глупости, не ввяжись он в ту или другую свару, не веда себя с отстраненным достоинством там, где это действовало и на вертухаев, и на подсирав как красная тряпка на быка... Но если бы убрать все эти поступки, глупые, неумные, горячие, то... Это была бы не его жизнь, а кого-то другого... Чужая. Быть чужим себе самому?.. Этого старик не хотел. Да и... Чего жалеть? Как сказал один поэт, всякая жизнь, какая бы она ни была, это – мир упущенных возможностей...

Старик смотрел на ночное небо. Звезды – крупные, яркие, сияли в невыразимой вышине, и Млечный Путь казался осколками Луны, рассыпавшейся в звездную пыль... Кого он вел и куда?..

Старик слышал стон. Чудом спасшийся из пучины человек метался, так и не приходя в полное сознание. Временами бред переставал его мучить, он лежал на спине, беспомощно и безразлично глядя в беленый потолок, не слыша слов, обращенных к нему, не замечая смены ночи и дня, пока вдруг снова не впадал в беспамятство... И тогда – снова метался на жестком лежаке, комкая легкое покрывало... И сейчас губы его были воспалены, зрачки дрожали под прикрытыми веками, различая видимые только ему картины... И старик слышал первое произнесенное им слово, вырвавшееся из горла, словно стон:

– Грааль.

* * *

На душе Константина Кирилловича Решетова было беспокойно. Он только что прочел докладную Владимира Петровича Гончарова, начальника оперативной службы... Как и просил Кришна, Гончий подал ему только факты, без аналитических, оперативных или иных комментариев: выводы Кришна предпочитал делать сам, опираясь на «свежак». Если у него и не было оперативных навыков, то имелось нечто другое: понимание людей и то, что называют интуицией. Именно по этой же причине он сам первоначально изучал факты и только потом прокручивал их через специалистов.

Пока ясно одно: Сергей Петрович Дорохов пропал с третьестепенного кипрского курорта, не оставив по себе следов. Это был факт. Теперь остается лишь выяснить, что произошло на самом деле.

Кришна встал из кресла, рассеянно огляделся... М-да... Если они узнают что-то от Дорохова... Нет, об этом и думать не хотелось...

Мужчина снял трубку телефона:

– Владимир Петрович... Я попрошу вас зайти ко мне...

Через минуту дверь открылась, молодежавый, среднего роста мужчина лет сорока пяти прошел в кабинет, сел в кресло напротив. Кришна взглянул в сидящего...

Нет, слово «моложавый» здесь не подходит. Владимир Петрович Гончаров выглядел просто как молодой мужчина, чуть старше тридцати, или скорее как сорокалетний американец, какими их изображают фильмы: одет дорого, неброско, исключительно собран и подтянут, на губах – даже не сама улыбка, а готовность улыбнуться...

Взгляд – внимателен, серьезен и очень грустен... Вот это, последнее, заметил бы не каждый, как не каждый догадался бы о профессии Гончарова. Как, впрочем, и о том, что этот

человек не просто любит Пушкина – он знает его почти наизусть, а «Маленькие трагедии», «Повести Белкина» может разобрать построчно... Может быть – отсюда и грусть в глазах?... Впрочем, любой, даже не самый поверхностный наблюдатель, принял бы ее за усталость...

Константин Кириллович Решетов понимал, что руководителю невозможно, да и не нужно обладать всеми талантами; но ему просто необходимы сотрудники, обладающие ими. И еще – человек старой школы, он никогда не полагал людей винтиками и всегда учитывал, какой человек его профессионал; в конечном счете все решают именно человеческие качества: доброта, достоинство, отвага. При той проверенной аксиоме, что людей недалеких, как правило, отличали качества противоположные, и при том условии, что непрофессионалы рядом с Кришной просто не задерживались. Его собственная, внутренняя памятка руководителя состояла всего из трех пунктов: ты должен правильно определить стратегию, перспективу развития; ты должен подобрать людей в соответствии с их способностями и талантами; ты должен заботиться о своих людях и их семьях – тогда они отдадут тебе стократ!

К сим незамысловатым правилам существовало примечание: недостатки человека являются продолжением его достоинств. Если давить в людях нечто, что кажется тебе не правильным (один любит корабли фанерные строить, другой – девочек в койку укладывать, третий – просто не способен не опоздать куда-либо), то это «нечто» выход все равно найдет, только в форме вредной для дела, а значит, и опасной для тебя лично. Притом если бытовой недостаток человека, или хобби, мешал делу – это означало только, что занят он не своим делом. Старинную советскую поговорку «Если водка мешает работе – бросай на хрен такую работу!»

Решетов принимал весьма серьезно.

Среди непосвященных организация, которую он возглавлял, называлась просто: научно-производственное объединение «Гранат». Многие, имеющие с ней дело, полагали «Гранат» бывшим почтовым ящиком бывшей «оборонки». А посвященные называли ее короче и проще – «Шлем».

– Я ознакомился с материалом. Теперь я хочу услышать ваше мнение.

– Есть. – Гончаров задумался на секунду, соображая, с чего начать...

Особенность человеческого восприятия заключается в том, что собеседник пропускает первые две-три фразы, и опытный человек не станет в них вкладывать что-то особенно важное – просто настроит на восприятие... По-видимому, Гончаров собирался высказать эту «шапку»... Кришна улыбнулся уголками губ, произнес:

– «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...»

– Это не исключено, но маловероятно, – мгновенноотреагировал собеседник.

«...Он уважать себя заставил...» Во времена Пушкина эта фраза означала то же, что сейчас – «сыграть в ящик», «зажмуриться», «перекинуться вперед костями», «двинуть кони» и т. д.

– Значит, вы считаете, Дорохов жив?

– Мы можем это предполагать, но вот знать наверняка...

– Похищение?

– Да.

– Наши предположения сходятся. Вы не хотите узнать почему?

– Нет. Достаточно того, что он работал в связке. Что конкретно он знал – мне знать не нужно.

– Вы правы. Каждый отвечает за свой участок.

– Азбука.

– Но... Нашим противникам стало известно... или же они достаточно мотивированно предположили, что Дорохов знает, и знает нечто важное.

– Поиск источника утечки уже ведется.

– Я усложню вам задачу: о том, что ему передана некая информация, не знал никто, кроме меня. Даже он сам.

– Возможно, рыли колодец – нашли нефть?..

– Владимир Петрович, не в Техасе живем, да еще в голливудской интерпретации...

– Это я как версию. На случай.

– Мне слабо верится в «счастливые случаи». Равно как и в несчастные.

Экспромт хорош тогда, когда хорошо подготовлен. Гончаров задумался на секунду:

– Значит, его вычислили. По «косякам».

– Вы поняли, кого нужно искать?

– Да. «Крот» должен иметь всестороннюю информацию о самых разнообразных контактах «Шлема». И связать «Шлем» с Дороховым.

– Что вовсе не просто. Контакты не светились.

– Как долго?

– Почти восемь лет.

– В наши дни – это эпоха.

– Именно. И вот еще что... – Решетов помедлил, прикурил папиросу, загасил спичку, положил в пепельницу – та не потухла, и мужчина молча наблюдал, как она, истлевая, двигалась, словно живая, пока не застыла черным изогнутым силуэтом... Кажется, кто-то сравнил горение спички с человеческой жизнью... Или никто не сравнивал? Но Решетов был уверен: люди, наблюдавшие, как сгорают эти «служивые», ослонявив пальцы и захватив головку, пока не прогорит совсем, ощущают одно и то же... – Так вот... Владимир Петрович, вы исключаете, что Дор выбыл из игры... по своей воле?

Гончаров задумался, собрав морщинки на переносье, но лишь на мгновение:

– Да. Исключаю.

– Почему?

– Он... Как бы это точно сформулировать... Он по внутреннему строю – боец.

Воин. А воин никогда не покинет поле боя. – Гончаров помедлил, добавил:

– Живым.

– Вы настаиваете на этом мнении?

– Да.

– Хорошо. Теперь – «разбор полетов». Ваше мнение о происшедшем?

– Это единая разработка.

– Обоснуйте.

– Только ощущение... Акцию готовил профессионал, причем его основная задача – сбить со следа.

– Выходит, они знали, кого нужно сбивать...

– Или – предполагали.

– Или – так. Дальше.

– Расчет разработчика прост, но точен: он, по-видимому, бывший или действующий работник одной из спецслужб...

– Какой, по-вашему?

– Предположить затруднительно... – хмыкнул Гончаров. – Сейчас двадцать четыре ведомства имеют под своей крышей специальные или близкие к ним службы.

Не считая частных контор. И работают во всех не новообученные – профессионалы получили стаж и опыт во времена оные...

– Так в чем расчет?

– Он знает систему. А именно: любой профессионал станет проверять все версии происшедшего. А там – чего только не нагромождено: наркотики, перекачка криминальных и ком-

прадорских денег, разборки авторитетов... Каждая из потерпевших сторон уже начала свое следствие, и к какому-то результату они, безусловно, придут... Но кашу эту разгрести...

– Вывод?

– Замести следы, выиграть время. Для многих сейчас выигрыш во времени, при статус-кво, какой сложился, – это выигрыш денег. Полагаю – весьма крупный.

– А для некоторых выиграть такое время – означает выиграть жизнь.

– Все это указывает на то, что Дорохов не устранен, а похищен.

– Одно возражение, Владимир Петрович...

– Да?

– Тот профи, разработчик, он талантливый человек?

– Безусловно.

– Тогда... Почему ему не предположить, что его противник, в данном случае вы, тоже человек талантливый?.. И схватите эту его комбинацию... как это называется...

– Верхним нюхом.

– Вот именно.

– И что это нам дает? – Гончаров усмехнулся невесело. – В городке крутилось и крутится такое количество сомнительных персон, представляющих самые разные силы... Плюс «добытки» всех разведок мира плюс официальные органы, занятые расследованием совершенных преступлений, плюс – случайные люди типа мелких сутенеров и жуликов... Вавилон. Так что выйти на конкретных организаторов похищения можно только путем рутинной оперативной разработки.

– Как скоро?

– Стараемся. А там – как повезет.

– Что вам нужно... – Решетов чуть помедлил, – чтобы повезло быстрее?

– Пока ничего. У нас, как я понимаю, открытый кредит, да и на благословенном острове мы давно сидим. Люди работают.

– Вы правильно сформулировали, Владимир Петрович. Время – вот что для них самое важное сейчас. Время сохранения. Постарайтесь... Вы ведь понимаете, о чем идет речь...

– Газеты почитываем, телевизор посматриваем... Чего уж тут не понять?

– Вот и славно. Да, и еще... Я давно хотел вас спросить: как бы вы охарактеризовали Дорохова? Одним предложением. Вы ведь знакомы...

– Я с ним не виделся лет десять... И несмотря на внешнюю общительность, человек он был всегда закрытый...

– И тем не менее...

Гончаров задумался, по обыкновению, на секунду, сложив морщинку у переносья:

– Дор похож на сжимаемую им самим пружину. Тихо, медленно, настойчиво... А потом – эта пружина срабатывает с невероятной быстротой и силой. Неожиданной, поразительной для окружающих...

Решетов вытащил сигарету из коробки, прикурил:

– Думайте. Никто из «Шлема» близко к Дорохову не подходил в последнее время.

– Совсем никто?

– Только ваш покорный слуга. Но у меня, как это у вас говорится, объективные мотивировки. Я хорошо знал отца, Петра Юрьевича Дорохова. И Дора помню мальчишкой. Даже если наши противники что-то прознали про «Шлем», связать меня с Дором могли лишь гипотетически... Во сколько, по-вашему, обошлась им кипрская... э-э-э... операция?

– Ну, если на все про все, то в три лимона «зелени». Или немногим меньше.

– Весьма значительная сумма. И «новые русские» бросают их на ветер только в анекдотах. На пустую гипотезу три миллиона долларов тратить никто не будет.

Была наводка.

Зуммер дежурного телефона зазвучал резко.

– В чем дело? – спросил Решетов. Опустил трубку, произнес устало:

– Это снова по вашей части, Владимир Петрович. Убита моя секретарша, Марина Коретская. – Увидев, как скоро метнулся взгляд Гончарова, добавил:

– Может быть, может быть... Проверяйте. Все проверяйте. И пожалуйста, помните: выигранное время для многих сейчас означает жизнь. Их жизнь. Или – нашу.

Гончаров ушел, Кришна остался один. То, что Гончий взял след верхним нюхом верно – он не сомневался. И в Доре тоже...

Он помнил Сережу мальчишкой. Помнил, как тот рос. Человек, подрастая, учится лгать. Маленький, он тоже постепенно постигает это искусство, но все скрытые эмоции отражаются на его чистой мордашке... Постепенно люди доходят в этом до совершенства...

Кришна знал виртуозов лжи. Ни один компьютер, ни один детектор не обнаружил бы никогда подмены понятий: для таких людей ложь была даже не второй – единственной жизнью. И Бог бы им судья, если бы эта ложь не ломала, не коверкала столько судеб...

Дорохов был человеком взрывным и скрытно-неторопливым одновременно – тут Гончий прав. Почему Кришна выбрал Дорохова? Именно потому, что тот воин и сумеет выполнить назначенное. Как в том фильме? «Вы утверждаете, что человек может поднять себя за волосы?» – «Я утверждаю, что мыслящий человек просто обязан время от времени это делать!» Чтобы вытянуть самого себя из трясины!

Вместе с конем!

Удивительное было не в том, что когда-то Дор смог «поднять себя за волосы». Поражало то, что с тех пор он умудрялся в этом состоянии жить.

Глава 12

Коллекция молодого дизайнера Оксаны Гронской получила название «Игра».

Игра в шахматы, игра в карты – все это модели нашей жизни... Люди пытаются просчитать ходы, изучают руководства, кропят колоды блеском шарма, обаяния, азарта, затевают глаза дымкой влюбленности, безразличия, высокомерия или страсти – и все для того, чтобы стать победителями в недолговечной игре, именуемой жизнью... И, когда вожаемая победа представляется невероятно близкой, когда Синяя Птица Удача, кажется, уже бьется в бестрепетных руках любимцев Фортуны, вмешивается Его Величество Случай... И блестящие комбинации рассыпаются в прах, и блестящие карьеры превращаются в ничто, и блестящие умы исчезают в забвении, а обольстительные куртизанки избранного круга в одночасье становятся раскрашенными старухами на чужих балах, назначенными блюсти хрупкое целомудрие ветреных виконтесс...

Девушки выходили на подиум с отстраненной холодностью. Казалось, модели бесстрастны и к переменчивому свету, и к ослепляющим вспышкам блицев, и к окружающему миру, затаившемуся в затененном зале, миру опасному и обольстительному... Они были изысканно красивы, двигались с плавной грацией, подчиняясь лишь установленному музыкальному ритму, и на миг становилось совершенно непонятным, что есть сущее, а что игра: белые, черные, алые полупрозрачные одеяния, символизирующие Ветры, Стихии, Фортуны, Печальных Рыцарей и Прекрасных Дам, – или гибкие тела девушек, словно стремящиеся вырваться на волю из-под легких случайных покрывал...

Ритм музыки сменился, стал удаленно-грустным, закружили сухие осенние листья, налетевший ветер бросал их охапками, засыпая и зал, и подмостки, на которых замерла хрупкая девичья фигурка... Она стояла не шелохнувшись, в коротком пальто с капюшоном, а ветер вихрился у ее ног лиственными водоворотами... Сиренево-фиолетовые блики, путающиеся в высоких перистых облаках, напоминали о скорой зиме и о том, что так уже было когда-то...

А потом – стало темно. По пустым подмосткам в затухающем фиолетовом свете носились клочки газет, колючий мусор поземки... Забытая кукла Петрушка застывшие улыбалась раскрашенным лицом; синий колпачок с бубенчиками делал его похожим скорее на королевского шута или карточного джокера, чем на русскую игрушку; красная рубашка и синие атласные штанишки превратились в комок тряпья, и оттого улыбка Петрушки казалась бессмысленной и жутковатой в этом гаснущем мире... А потом не осталось ничего, кроме шума дождя...

Свет забрезжил едва-едва, как и мелодия... Словно невесомые серебристо-лунные струйки полились откуда-то сверху, беззвучно падая на подмостки... Девушки, абсолютно нагие, плавно, как сквозь невидимую влагу, двигались по подиуму... Распушенные волосы, прозрачные шарфы, нисколько не укрывающие наготы... Прелестные тела словно парили над твердью темного зала, а лица... Губы, спекшиеся от сдерживаемой страсти, взгляды, одновременно растерянные и обращенные куда-то внутрь, легкий румянец на щеках... И – будто не существовало ничего, кроме этих горячих полураскрытых губ, кроме блестящих возбужденных глаз, кроме солнечного очарования тронутых золотистым загаром гибких тел, затерянных в мерцающем тумане забвения...

* * *

...Лена открыла глаза. Оконное стекло в дожде, а за ним – пробуждающийся серый и сонный день... И ей казалось, что день этот будет похож на все предшествующие, и снова

пройдет никак, и также плавно перейдет в вечер с его усталой фонарной сутолокой возвращающихся с работы людей, с мокрым, отливающим влагой асфальтом, с полупьяными хрипящими «бардами» в переходах, с возвращением в пустую и холодную квартирку, с вечерним кофе и долгой одинокой бессонницей...

И – никакого выхода... Никакого... Или – все это временно?.. Она взяла книжку у кровати, открыла наугад:

Все это – временно. А значит – постоянно.
Тоска, и боль, и ожидание тепла,
Вечерних глаз пьянящие обманы,
И страстью опаленные тела...
И ласковость упругого загара,
И дерзость воспаленного ума...
А утром – горький запах перегара
И жизни страх. И липкий, как туман,
Неловкий плач за пестрой занавеской,
И мысли тень: как я тебя ждала!
И новый день, как свет больничный, резкий,
Дробящийся в глазах, как в зеркалах...
И снова – вечер. Кофе и вино.
В бродящем ветре – стылый запах псины...
А мне твердят, что жить легко – грешно,
И в сон бредут, до хруста теша спины.
Все это временно...

Звонок телефона показался резким и злым. Девушка не двинулась с места, просто опустила книгу на пол рядом с постелью. Подняла недопитый бокал с белым вином, машинально сделала глоток, поморщилась с отвращением. После трех звонков включился автоответчик:

– Одинцова, привет. Ты или дрыхнешь, или... Где тебя носит по такой поре – представить не могу. Погода – бр-р-р-р... И еще туман. Машины – как слепые.

Короче, поздравляю с Днем варенья и вечерком забегу. Без Юрчика. Давай устроим девичник и напьемся, а? Если чего, после трех я дома. Телефонируй. Пока.

Нет. Встречаться ей сейчас ни с кем не хотелось. И с Танюшкой тоже.

Хотелось кофе, но с постели вставать... И еще – что-то щипало в носу, хотелось поуютнее забиться куда-то и поплакать, но слезы не шли – девушка словно ждала чего-то, чтобы наплакаться уже всласть.

А телефон снова прорвало:

– Ленуся, бонжур! Лешик тут рядышком и присоединяется к поздравлениям.

Как-то все в сумбуре было три дня, так и не решили, где тебя чествовать...

Может, к Джалилу? Он приглашал не раз, почтет за честь и за счет заведения. А из «лишенцев» будут только Ливан и Ахмед, ребята они широкие и вполне могут на «брюлики» раскрутиться в честь юбилея. Кстати, сколько тебе? К тому же они безо всех этих восточных прибабасов, обрусели, по крайней мере у нас ведут себя как джентльмены и, в отличие от европейцев, не жмоты. К тому же мы там будем «спешиап гэстс», без баловства, у них с этим строго – тетка я у них авторитетная, потому как нужная: их братва вечно в истории попадает, их даже самые ленивые менты стопорят... Или – плюнем и маханем ко мне? Сварганим пирог с яблоками, а? Короче, ты именинница, тебе и выбирать... Кстати, как твои амуры с

Владимиром Олеговичем?.. Ну да это я так... Что надумаешь – звякни на мобильный... – Послышался смачный звук поцелуя, и абонент отключился.

Лена вздохнула. Ощущение странное, словно она не живет вовсе, а плавно передвигается в некоем пространстве, похожем на слезливую морось за окном... И видеть никого не хочется. Совсем. Галю тоже. Хотя она и самая добрая и мудрая тетка из всех, кого Лена знала в своей двадцатитрехлетней жизни.

Галя Петровна Вострякова до двадцати девяти лет была натуральной училкой.

Как сама она шутила: «Терпеливая стерва на выданье». Ее муженек корпел в каком-то «почтовом ящике», мечтая получить от милого сердцу ВПК хотя бы двухкомнатную квартиру. А пока они жили у Лешкиной мамы с двумя близняшками в шикарной четырехкомнатной, которую свекровь разменивать отказалась наотрез:

«Вот умру – тогда делайте что хотите».

Покойный Сергеев-старший был сильно умным по поводу изобретения всяких штук, пригодных для массового прореживания рода человеческого и защиты земли от перенаселения, за что стал Героем, Лауреатом и неоперабельным язвенником, и подгадал почить в бозе еще в семьдесят девятом. Но свекровь ела Гальку без хлеба и соли: Алексей Михайлович принимал сие философски, предоставив дамам чинить внутренние разборки без своего участия, запершись в папином кабинете за замыслами или гуляя с детьми по Патриаршим...

Всеобщая ваучеризация стала той ласточкой, какую ждала деятельная востряковская натура: находясь в вечном антагонизме с активной шизофреничкой Зоей Ивановной Галкиной, бессменно возглавлявшей школьный партком, она прослыла активной демократкой и, в отличие от интеллигентствующих хлюпиков, была теткой хваткой и незатейливой: помогавшись по собраниям, скоренько пробила себе средненазначественное место в ОВИРе, где демократы желали не просто «окон в Европу», но широких столбовых дорог, по которым можно было бы гнать товарняки в оба конца.

В овировской склоке чувствовала она себя как акула среди мальков: здешний сволочизм был куда менее изобретательным, чем стервозность учительской; после школы внутрипедагогического выживания все иные коллективы казались ей просто собранием милых и душевных. Причем победа в конторских склоках, в отличие от учительских, давала в случае выигрыша весьма ощутимые материальные плоды.

Впрочем, Галя прекрасно понимала, что бардак, упорно именуемый у нас демократией, продолжаться вечно не может, и очкастые гуманоиды с научными степенями, мелкими тщеславными амбициями и неумной жаждой к пустопорожней болтовне просто не способны удержать власть; в лучшем случае устроятся штатными папконосами или попколизмами при людях серьезных и станут считать себя прожженными циниками и авантюристами уровня Кортеса, будучи, по сути, мелкими шавками возле суповой мисочки.

Галя, обзаведясь нужными связями, организовала туристическое агентство.

Потом, когда народец по столицам «новообрусел» и ломанулся по Багамам, Канарам и Сейшелам, удивляя экваториалов русской экзотикой в виде чаевых по полета баксов (потому как мельче бумажек не находилось!), агентство под скромным названием «Галина» прочно обосновалось на уровне «хай-мидл» среди ему подобных.

Но еще в девяносто втором Вострякова учуяла нюхом алмазную жилу: пока в «подбрюшьях России» народы самозабвенно мочили друг дружку и жизнь индивидов отмерялась скоростью полета пули, была вполне очевидна их жажда перебраться в загнившие западные демократии и пожить по-людски. Голодные и неустроенные, но спаянные столетиями складывавшейся клановой дисциплиной, они имели все шансы на успех в теневых закоулках благоустроенной Европы... Тем более жизнь у многих на исторических родинах была

близка к смерти, а по высокогорным и иным долинам не произрастало ничего, кроме опийного мака...

Нет, с наркотой Галя ничего не имела и иметь не хотела. Ее бизнесом были люди. Сначала – таджики, персы, курды, туркмены, пуштуны с необъятных плоскогорий воюющего неизвестно за что Афганистана, потом – из Ирана и Ирака, следом добавились арабы и индусы... Китайцев, корейцев и вьетнамцев Галя избегала: если Восток – дело тонкое, то Дальний Восток, с культурой в шесть-семь, а то и поболее тысячелетий, штука умозрительно непонятная. Впрочем, ими занимались другие.

Все восточные люди проходили у Гали под кодовой кличкой «лишенцы»; поработав с ними шесть лет, бывшая училка учла прежний опыт и «строила» их, как трудных подростков, проявляя соответствующее уважение лишь к «родителям» – патриархам или главам кланов. Для лишенцев «железная Галя» была чем-то вроде будущей и бывшей «матери-родины»; она поставила дело строго и рационально, набрав руководителями всех звеньев реэкспорта транзитного товара бывших «двоечников» и «девятичников»; каналы перебросок прокладывали исключительно опытные разработчики из военного ведомства и федеральной погранслужбы, оставшиеся «за штатом». Впрочем, Вострякова вполне резонно предполагала, что связей с «конторами» эти люди не прервали – в определенных профессиях отставок не бывает – и свою коммерческую деятельность сочетали со служебной, ставшей более теневой. Границы и таможи стран постсоветского пространства, через которые теперь можно было провести слона, обложенного булками, как бутерброд, наиболее прозрачными были у двух «незалежных» братьев: Украины и Белоруссии;

«Галина» обзавелась филиалами и процветала.

Казалось бы естественным как-то расширить бизнес агентства: скажем, гонять через таможню не только людей... Обеспечить зеленую улицу составам с металлами, лесом и прочим нужнеким товаром, а «взад» тянуть тот же спиртыгу «Роял» или «Абсолют» самого что ни на есть прибалтийского розлива – прибыльнее может быть только экспорт оружия или собственно денег... Ну да как известно – жадность сгубила не одного фраера... Нет, было у Гали, конечно, на Украине и в Белоруссии несколько «якорей»¹, обеспечивающих «окна» пошире, но держала она их лишь на крайний случай – все участки золотиносного дела уже застолбили, и рваться на чужую территорию, надеясь на скорый фарт, было уделом дураков: их фирмочки или хавали крупные киты, даже не разжевывая, или накладывали на «нелицензированную» деятельность непроницаемый железный занавес. Время беспредела и передела для Москвы прошло, и если все-таки появлялась личность пассионарная и глупая, то накрывалась она так же скоро, только уже не «занавесом», а плитой с двумя датами, разделенными черточкой. Вот этот прочерк и символизировал жизнь новопреставленного раба Божьего, даже если таковой при жизни считал себя самым вольным из «старателей».

Вострякова превращать свою жизнь в прочерк не желала, а потому старалась жить по понятиям. Не была жадной, аккуратно выплачивала положенное и – жила.

Года четыре назад хотели ее «просватать» – уж очень соблазнительными выглядели созданные ею «тропочки» для транзита наркоты. «Сватали» – вроде бы мягко, но неотвязно, и Галина Петровна решилась на шаг неординарный: собрала сначала «Педсовет», а потом и «Родительский комитет», на котором изложила концептуально: любой прокол по наркоте сыпанет всю контору с потрохами, это уж всенепременно; нет, на нашей стороне все останется по-прежнему, ибо деньги покупают пока все, а Павки Корчагины даже при погонах и «пушке» особенно долго не живут... Но с той стороны – агентство угодит в угольно-черный список, и это накроет медным тазом розовые мечты азиатов о светлом будущем в просве-

¹ «Якорь» – законсервированная до времени фирма или контакт.

ценных Европах... Мечты – мечтами, их в банк не сложишь, но, кроме всего, будут потеряны деньги, и очень немаленькие...

«Родители» перетерли и почли речь Галины Петровны разумной. Весьма разумной. Она рассчитала все правильно: помимо желания избавить соотечественников от войн, катаклизмов и бурь, «родители» преследовали и некие политические цели... Как докладывали ей сотрудники собственного отдела безопасности, все «патриархи» были в своих странах людьми не последними, нередко при погонах, орденах и регалиях. Переговорив с московскими авторитетными людьми, пришли, как водится к консенсусу (слава Богу, не в Колумбии живем!) и дали Гале «добро» на светлый бизнес.

С Галей Петровной Лена Одинцова познакомилась случаем самым необычным, чистый форс-мажор: в двенадцатом часу летней ночи шестнадцатилетняя тогда девчонка нарисовалась в дверях квартиры Сергеевых, придерживая окровавленного хозяина дома, возвращавшегося, как выяснилось позже, в некотором подпитии по случаю успешного испытания какой-то там очередной убийственно-научной машинки и изрядно схлопотавшего по мордам по проходе через двор от местной хулиганствующей молодежи, страдавшей от избытка гормонов в крови. И хотя времечко было тогда почти законопослушное и ростки «общечеловеческих ценностей» еще не вызрели в плоды многолюдных вооруженных разборок, народец уже опасался мешаться в «чужие базары» и на лежащего мужчину, явно пахнущего алкоголем, с разбитой в кровь физиономией, внимания обращал не больше, чем на пьяниц, мочившихся в подворотнях, стараясь обойти хорошим крюком: от греха.

Алексей Михайлович стал не просто невинной жертвой избиения – ему изрядно раскrojили кожу на голове рояльной струной «поперек скальпа»; но, верный себе, он не стонал и не хныкал, упорно поднимался, пытался идти к дому и с той же периодичностью падал: как выяснилось, он получил сотрясение умных технических мозгов и не мог держать равновесие.

Кувыркался он так, наверное, с час, и Бог знает, чем завершилось бы такое кувырканье для кандидата технических наук, если бы не Ленка Одинцова. В упомянутый вечерок ей было шестнадцать лет со всей присущей этому милому возрасту дурью. Ей нравилось бродить московскими дворами теплым вечером, распустив светло-русые волосы по плечам и представляя, как же живут здешние люди: в огромных квартирах, в центре огромного города... Читала вывески на некоторых домах: «Здесь жил и творил...» – и... играла. Как бы жила она сама, если бы родилась двадцать, сорок, сто лет назад... И если бы муж ее был летчик-испытатель... Нет, лучше – секретный физик... Или – кинорежиссер... Или – глава тайного мафиозного клана, связанного с сохранением золота партии или сокровищ тамплиеров, чудесно оказавшихся на территории России... Или...

* * *

Лена Одинцова жила в Москве уже год. Прибыла из старинного русского городка Покровска в столицу, обучалась в медучилище на фельдшера («Выучишься, глядишь – в институт поступишь... Люди, пока здоровы, за лихом гоняются, а как прихворают – так и небо с овчинку, и мир – с копеечку. Старайся, дочка, будешь хорошей лекаршей – так и без куска хлеба никогда не останешься, и от людей – уважение... Старайся...»). Слова мамы, медсестры в райбольнице, Лена запомнила накрепко и – старалась. Но – мечты... И в двадцать, и в тридцать, и в пятьдесят для многих людей они – реальнее окружающей жизни, для шестнадцатилетней же девчонки, глядящей на мир еще из неушедшего детства, мечты порой казались самым настоящим будущим. Ее будущим.

Воспитывалась она на книгах, и среди сверстниц, девчонок пробивных и циничных, ей было то грустно, то скучно – как и им с ней. Девочки в долгу не остались и прозвали ее

«соломенной вдовой» и «отмороженной леди». Встречи со сверстниками ее не интересовали – ни появившиеся «крутые парни» из ближнего Подмосковья, ни «золотая молодежь» центра не волновали воображения девушки.

Хотя и «синим чулком» она не была – с девственностью рассталась легко, еще в родном городке, и, признаться, из чистого любопытства. Парнишка ушел в армию, пытался писать ей письма, но они показались Лене скучны; а потом – отъезд в Москву, новая жизнь... Хотя... Она бродила по центру, выпивала где-нибудь на Тверском или на Арбате чашку-другую дрянного кофе... И порой ей казалось, что жизнь ее так и пройдет – серо, бедно и бесцветно...

...Услышав стон, увидев мужчину, то поднимающегося, то снова падающего навзничь, Лена подошла не медля. Ужаснулась про себя жестокому, набухшему кровью рубцу через всю голову и подхватила раненого. Тот посмотрел на нее, попытался улыбнуться.

– Я здесь... недалеко... – Мужчина назвал адрес.

Ленка тащила Сергеева и... снова играла. На этот раз – в сестру милосердия, вытаскивающую из-под огня раненого бойца...

Галя Петровна, увидев в проеме открытой двери окровавленного мужа, поддерживаемого юной дамой, в истерику не падала, воплей не издавала – скомандовала быстро: «Заноси!»

Про себя Галя Вострякова оценила и то, что сопливая девчонка не только не побоялась, но и не побрезговала тащить до дому подвыпившего окровавленного мужчину, перепачкав кровью светлый джинсовый костюмчик, судя по всему у нее единственный...

Слава Богу, свекровь по летней поре была с внуками на даче, и лишнего воя слышать не пришлось. Сергеева уложили на кушетку, Лена потребовала гидроперит и ловко промыла рану.

Галя тем временем покрутила диск телефона, и через десять минут в квартире появился Лев Эммануилович Берен – хирург жил в соседнем подъезде. Худенький, лысый, в пуловере-безрукавке и стареньком, аккуратно заштопанном пиджачке, в круглых металлических окулярах, Лев Эммануилович походил на сильно постаревшего подростка; темно-карие глаза за толстыми линзами были наполнены грустью и одиночеством: супруга скончалась, дети – Соня и Марк, проследовав транзитом через земли обетованные, обустроились в Штатах...

В руках у Льва Эммануиловича оказался старомодный кожаный саквояж; осмотрев раненого, он скоро выписал направление, позвонил в приемный покой районной больницы, где проработал свыше тридцати лет, и лично сопроводил больного до отдельной палаты...

Хорошо, деньги были. Гале Петровне удалось убедить свекровь снять мужево наследство со сберкнижек и обратить в «зеленые»...

Лев Эммануилович, тушуясь, принял гонорар – «Ты уж прости, деточка, жить как-то надо» – и удалился. Леночку Галя просто не отпустила.

Устроились на кухне, выпили славного армянского, и Галя разревелась. И из-за Лешика – тихого, умного и доброго человека, никого никогда не обидевшего, да и вообще – по жизни.

Потом болтали до утра. Галя подобрала Лене пижаму, а когда та появилась из душа, только глянув на нее, выдала:

– Тебе не медсестрой, тебе – фотомodelью работать! Хотя...

– Что – хотя?

– Не очень ты здешняя девчоночка...

– В смысле?

– Читаешь много, думаешь много... И красивой жизни тебе, как я вижу, не надо...

– Еще как надо! Только... Это же не кабаки, не шубы норковые, не мужики, не деньги...

А чтобы – кра-си-во!

– Вот я и говорю – нездешняя!

– Здешняя! Еще какая здешняя! Ведь красиво и хорошо все – это когда любовь.

– Любви хочешь?

– Да. И счастья. Разве кто-то хочет другого?

– Да кто чего. Кто – самостоятельной жить, да ни в чем себе не отказывать, кто – дом полную чашу, да чтобы муж смирный и непьющий... А кто – просто в жизни как-то устроиться...

– Просто и как-то... Нет, не хочу. Только счастливо!

– И не меньше?

– И не меньше!

– Девчонка... Ты ведь даже не Лена. Ты – Аленушка... А не боишься?!

– Чего?

– Терять.

– А есть что?

– Да. Иллюзии. Молодость.

– Иллюзии, я думаю, штука наживная. А молодость – и так пройдет.

Галя помолчала... Хмыкнула:

– Везет тебе...

– В чем?

– Да это я так. Дрыхнуть давай валиться. Хорошо, что суббота, на работу не идти.

– Может, я в общагу поеду?

– А что ты там сегодня забыла?

Лена прожила у Гали неделю. Пока не выздоровел Лешик. И потом они не расстались...

...Лена вздохнула. Шесть лет пролетело, как один день. И даже меньше. И – что? Была любовь? Было счастье? Два раза ей так казалось. Просто... Просто потом вдруг получалось, что этим мужчинам в действительности – только до себя... Да и вообще... Почему... Почему всем не до нее?..

Нет, жаловаться на невнимание, отсутствие интереса к себе или популярности Лена не могла. И знала, что многие провинциальные девчонки отдали бы не шесть – шестнадцать непржитых лет только за то, чтобы иметь такое положение...

Фотомodelью она стала. Пусть не «топ», но достаточно популярной, чтобы ни в чем особенно не нуждаться. Тем более «диких» запросов она не имела и понимала, что чудачества здешних «звездочек» ТВ – будь то пьяная разборка с милицией, гулеванная жизнь или смена дорогих авто или не менее дорогих мужей – не более чем часть хорошо продуманного рекламного сценария... И порою этих девчонок Лене было по-настоящему жалко: какой бы праздничной ни казалась их жизнь «под сенью рампы», сама она постепенно и неуклонно превращалась в какой-то рекламный ролик неизвестно чего... А девчонки – в обыкновенных кукол, которых, поигравшись, задвинут в темный и дальний чулан, чтобы не вынимать потом уже никогда... Так проходит мирская слава?..

И себя – тоже жалко...

Вот блин! Лена Одинцова, если рассудить здраво, мучилась самой обыкновенной дурью... Но... Счастья-то не было. Разве это не важно – когда нет счастья?

– Одинцова, знаешь, в чем твоя проблема? – спросила как-то Галя.

– Умничаю много?

– Да нет. Просто... Ведь выдуманный мир тебе куда ближе существующего.

– Разве?

– Угу.

– Галь... Но ведь люди все придумывают себе мир. Каждый – свой. И живут там, внутри, а не вовне.

– Да и это бы ничего, Аленка. Только... У тебя, получается, два хобби и ни одной профессии. По нынешним временам – не тянет ноша?

...Вообще-то Галя Петровна была права. После того лета в училище Лена уже не возвращалась. А поступила на филфак педуниверситета. Училась себе влегкую, на жизнь хватало заработков модели... Но Галя была права – сто, тысячу раз! Она не стремилась ни к карьере модели, ни к углубленному изучению литературы или филологии... Хобби... Или – стиль жизни? Одинцова понимала, что так, наверное, нельзя, – девочки вокруг ставили цели и старались их достичь... А ей все казалось, что она проживает какой-то подготовительный период, словно школьница – основы знаний и навыков... Вот только не знала зачем... Единственное, чего она опасалась, – это, поторопившись, стать совсем не на ту тропочку и – попасть в колею... Оглядываясь вокруг, девушка видела, сколько людей упорно и безнадежно тащат неподъемные возы обязанностей, обязательств, тягостных привязанностей к нелюбимым людям... А она... Она уже почти год жила без разочарований. После того как рассталась с Александром. Как он выразился:

«Лена, мы же современные люди...» А вот интересно все же, сколько миллионов раз мужчины повторяли эту фразу женщинам, которым оказались неверны, – в десятом веке, в шестнадцатом, в девятнадцатом... «Мы же современные люди... В шестнадцатом веке живем!»

Да, она жила без разочарований, но... Очарований не было тоже. А так хотелось!

А вчера...

Глава 13

...Вчера ей захотелось любви. Нет, секса тоже, но любви – больше. А тут позвонил Владимир Олегович – их познакомила на какой-то вечеринке та же Галина Петровна – статный сорокапятилетний мужчина; при первом взгляде на него Лена подумала: «Крутой». И тут же добавила про себя: «И очень опасный».

Он говорил по телефону довольно неуклюжие комплименты, Лена рассеянно оглядывала стены квартиры – несколько офортов, сиреневые астры в старинной серебряной вазе, «германский трофей», как гордо пояснял старик пенсионер, сдававший ей квартиру... Она представила одинокий вечер с книгой, и стало так тоскливо... А почему бы и нет?..

Владимир Олегович заехал за ней в шесть. Предложил на выбор несколько ночных клубов, но Лена попросила: «Поехали к Анушкову».

Лев Иванович Анушков, бывший когда-то профессором русской филологии, теперь содержал небольшой клуб; поскольку там не было ни стриптиза, ни девочек, ни эстрады и разойтись с купеческою удалью «новым» было просто негде, то туда они заворачивали крайне редко. Вместо эстрады там пели барды, начинающие таланты, выступали с рассказами немодные юмористы и эссеисты; единственное, за чем следил Лев Иванович ревниво, так это за качеством репертуара, профессионализмом исполнения и простой хорошей кухней. Кушанья подавались исключительно обычные, но приготавливали их замечательные мастера. Казалось, затея Анушкова была обречена изначально, однако состоятельные люди довольно быстро оценили особый вкус, аристократизм и тонкую изысканность клуба и стали поддерживать и его престиж, и его статус. На мини-автостоянке, как правило, не бывало ни «Мерседесов-600», ни модных ныне джипов; располагались там тридцать первые «Волги», «шевроле», «вольво» и редко – «порше», ежели кто из молодых интеллектуалов, сумевших сколотить и отстоять капитал, заворачивал на огонек отдохнуть душой. Да, назвал Лев Иванович свое детище также непритязательно:

«Огонек».

Владимир Олегович оказался кавалером внимательным и галантным. Но, похоже, растерялся: внешность фотомодели не вполне гармонировала с тем, что девушка являла собою на самом деле. Начал он, как принято у сильного пола, с воспоминаний о недавнем отдыхе на Маврикии, но, в отличие от многих, мгновенно уловил ироничную реакцию девушки и «перевел стрелку»... Минут десять он «порхал» по тематике: модельный бизнес, кино, эстрада, музыка, живопись, пытаюсь найти то, что ей интересно. Лена не мешала. Ей было забавно наблюдать словесные эквилибры человека почти вдвое ее старше, пока он не спросил грустно, вдруг:

– Лена, извините... Я что, совсем неинтересен вам? И ей вдруг стало жалко этого преуспевающего мужчину – даже не сам вопрос, его тон выдавал такое абсолютное одиночество... И даже не важно, что у него была жена, двое уже выросших детей, несчетное количество денег... Наверное, при них он стал свободнее, но стал ли счастливее?.. Одиной стало стыдно.

– Конечно интересны...

И она вдруг поняла, что мужчина, как и она сама, давно не ищет ни веселых приключений, ни легких побед на «постельном фронте»; ему нужно было сочувствие, понимание, любовь... Как и ей... Вот только... За плечами у него было слишком много прожитого одиночества, слишком много всего, чем он не мог поделиться ни с кем, будь это друг (если такие еще у него остались) или любимая... А значит... А значит, он так и останется одиноким, всегда, и не сумеет помочь ее одиночеству... Хм... Это что, и есть теперь «новое русское счастье» – жить с полными карманами денег и затаенной тоскою в глубине глаз?..

А на сцене пел, аккомпанируя себе на гитаре, молодой совсем парень в светлой замшевой куртке, с длинными, чисто промытыми волосами, которые картинно падали на плечи... Не парень – просто рекламная картинка биошампуня «Джонсон и Джонсон». А пел – хорошо...

Я порою кажусь себе старым – молчалив, одинок и строг.

Двадцать три – ведь уже немалый и вполне подотчетный срок.

Все приму, ни о чем не жалею, ничего не хочу повторить – Я, наверное, стал мудрее, в пустоте научившись жить...

Ну да... Ей завтра двадцать три... И ничего серьезного у нее нет – ни любимого, ни детей... И обаятельный Владимир Олегович никогда не станет ей ближе хотя бы потому, что не будет делиться с ней своим страхом, своими проблемами; он привык быть сильным и никогда и ни с кем не захочет показаться слабым... А жаль.

– Володя... Извините... У меня сильно разболелась голова...

Владимир Олегович подвез ее домой; на «чашку чая» она не пригласила, хотя видела, как не хочет он оставаться один... Только – зачем?..

Поднялась по лестнице, вошла в квартиру... И – сразу пожалела о том, что не позволила мужчине остаться: одинокая бессонная ночь показалась ей худшим из наказаний... Она пошла было к телефону, чтобы позвонить Владимиру прямо в машину, вернуть, но остановилась на полдороге: зачем? Это дурацкое, это идиотское «зачем»!

Прошла в ванную, приняла душ. Вышла, закутанная в длинный махровый халат, остановилась у огромного, прошлого еще века зеркала с чуть потускневшим стеклом... Одним движением сбросила и халат, и полотенце с головы, тряхнула густыми, влажными волосами, рассыпая их по плечам... Не одеваясь, прошла в комнату, открыла бар, налила в толстостенный стакан кальвадоса, зажмурившись, вдохнула аромат спелых яблок и выпила разом, не переводя духа...

Надела туфли, застыла перед зеркалом, широко расставив ноги и раскачиваясь под звучащую где-то внутри музыку... Наверное, именно такой была Маргарита перед полетом над сонной Москвой... Или – над сонным Парижем?..

Алена снова наполнила бокал, нажала клавишу кассетника, закружилась в танце по комнате... Следом был еще бокал. Следом – еще...

Свернувшись калачиком на постели, она смотрела на едва различимое за плотной шторой неоновое мигание и была счастлива уже тем, что сегодня уснет скоро и без сновидений...

...Игра в жизнь... Люди пытаются просчитать ходы, изучают руководства, кропят колоды блеском шарма, обаяния, азарта, затеяют глаза дымкой влюбленности, безразличия, высокомерия или страсти – и все для того, чтобы стать победителями в недолговечной игре...

...По пустым подмосткам в затухающем фиолетовом свете носятся клочья газет, колючий мусор поземки... Забытый Петрушка застывшие улыбается раскрашенным лицом, и улыбка эта кажется бессмысленной и жутковатой в этом гаснущем мире... И – замершая девичья фигурка... Она стоит не шелохнувшись, в коротком пальто с капюшоном, беззащитная перед порывами ветра, кружащего у ее ног листовенные водовороты... А сиренево-фиолетовые блики, путающиеся в высоких перистых облаках, напоминают о скорой зиме и о том, что так уже было когда-то... И еще – фигура мужчины в длинном пальто-реглан, в черной широкополой шляпе... Он идет по парковой аллее, и его походка, скорая, стремительная, словно он собрался оторваться от земли и взмыть в это холодное, прозрачно-строгое небо...

...Лена встряхнула головой. Нет, это никуда не годится. Она посмотрела на пустой стакан, на оконное стекло, за которым серел мутный день... Нет... Этак она допьется ну до очень бледной горячки, начнет бредить наяву и попадет к Кашенко с самым противным диагнозом, а там ее возьмут и, чего доброго, вылечат, превратив в куклу со стандартным

набором желаний и строго определенным лимитом цветных и черно-белых снов... Вот уж фигушки! И все же, все же...

Да! Нужно просто смыться из Москвы! Этот месяц ничем особенным не знаменит, кроме дня ее собственного рождения, и особой приязни она к нему не питала... Так куда? Только не на атолл имени Баунти! Ей совсем не нужно сейчас райского наслаждения, да и оформилка бумаг займет неделю, даже при всех связях... Она все же «старая русская», и промотать сумму, эквивалентную пяти годовым окладам доктора наук, которую все одно не платят, – это нетактично, даже если бы такая сумма и была в наличии... Конечно, проблему можно легко решить, позвонив Владимиру Олеговичу, только... Если даже пирожных бесплатных не бывает, то уж кокосовых орехов – и подавно... Да и не хочется ей ни в какие тропики!

Просто – сменить обстановку! А там – видно будет!

Оделась Алена быстро. Побросала в сумку вещи, которые ассоциировались у нее с отдыхом: пару платьев, джинсы, спортивный костюм, кроссовки; взяла кредитку, пачку денег, набросила курточку, накатала коротенькую записку хозяину, какой через пару дней должен подойти за квартплатой, замкнула дверь – и на улицу... Уже выйдя из подъезда, вспомнила, сколько нужных мелочей не захватила, но возвращаться...

Поймала частника, назвала адрес «Галины». Серая дорога, серые обочины, серое небо... Бежать, и немедленно!

– Какие люди, и все без охраны! – Увидев девушку, Галя Петровна мгновенно сменила строгий учительский облик, улыбнулась. – С днем рождения, детка, – звонко чмокнула Лену в щеку, стерла помаду. – Ну и что мы порешим на вечерок?

– Отъехать к морю!

– К морю?!

– Ага. «А он, мятежный, ищет бури...» Ну и далее по тексту.

– Что-то... – Вострякова-Сергеева прищурилась, взглянула внимательно, как на провинившуюся ученицу. – Ну ладно, что винчиком разит в час дня – понимаю: день рожденья только раз в году... А чего глаза заплаканные? Что-то с Володей Олеговичем не сложилось?

– Да Бог с ним, с Володей, хороший человек, только не для меня. Ну а если по правде – депрессняк жуткий, не знаю, куда себя деть... И с людьми общаться разучилась!.. А Володя этот – действительно галантный, обходительный, увидишь – извинись при случае, сама не понимаю, что со мной творится! – Лена усмехнулась невесело. – Наверно, съела что-нибудь...

– Слушай, может, в бор, в избушку махнешь?

– Не хо-чу! Хочу к морю! Хотя бы на чуть-чуть!

– Хозяин барин. Что тебе: Кипр, Крит, Италия, Тунис, Марокко...

– Галь, я...

– Помню, помню... Девушка ты самостоятельная и привыкла платить из скромных доходов честной леди. Все это недорого.

– Галь, я хочу сегодня. Сейчас! И знаешь, лучше где-то у нас.

– Ну у тебя и фантазии! У нас сейчас – погода больно нелетная!

– А это и к лучшему. Я девушка настроения; надоест – сяду в аэроплан и-в Москве!

– Так тебя чего, в Крым направить? Там по эту пору диковато...

– Галь... Мне бы по бережку побродить, воздухом подышать... Сама не знаю, что происходит: каждую секунду или засмеяться готова, или заплакать! И людей жалко что-то... Кручу головой по сторонам – или хмурые, или озабоченные...

– Вот и мотай на Кипр. Там все счастливые! Солнце круглый год! И – все расходы на меня. Подарок. Ладушки?

– Оладушки! Нет, Галь, засылай меня к родному Черному, и прямо сейчас!

- Ну ты и зануда...
- Нет, правда. Побегая по бережку, костерок пожгу, мидий испеку... И – чтобы не стреляли! Есть такое местечко?
- Есть. Как раз такое. На юге России. Местные его называют Лукоморье.
- Как?!
- Лукоморье.
- Ух ты! Здорово! Хочу туда! Только...
- Нет. Бабы Яги там нет. И русалок тоже.
- Точно?
- Да почему я знаю!
- Вот! – Глаза девушки сияли. – Отправляй туда, и немедленно!
- Да ты не обольщайся, сказочная душа. Обычная станица, тыщи три душ населения. Семьдесят кэ-мэ от Приморска.
- Ну вот... А я размечталась.
- А вообще-то там хорошо. Сухой морской климат.
- Какой?
- Сухой. Дышится легко.
- А коты там есть?
- Ага. Табунами ходят. Сибирские.
- И не жарко им?
- Терпят. Если серьезно, местечко обжитое. Там даже Газпром круглогодичный санаторий для своих трудящихся нефтяников отгрохал – прямо развитой социализм, да и только!
- В санаторий...
- Да ты погоди кисляк строить... Есть там пансионат «Лазурный берег»: домики, живи – не хочу. Летом там здорово, а сейчас... Как у нас ранней весной, если не штормит. Ну что?
- Почему такое роскошество?
- Да нипочем! Фри-и! Мы этим «лазурным» столько клиента по сезону поставляем, что – суши весла! За «Галиной» там зарезервированы апартаменты люкс в бессрочное пользование! И машину можешь брать, если захочешь. Устраивает?
- А какая машина?
- «Нива». В экспортном исполнении. Покатит?
- Я, конечно, как все нормальные люди, люблю роскошь... – Лена сделала жеманно-игривую мину, добавила быстро:
- Но могу обойтись и копченым осетром!
- Че-ем!
- Осетром. Рыба такая. С хордой. И с икрой.
- А-а-а... Одинцова... – Галя внимательно смотрит ей в глаза.
- Ну?
- Знаешь, чего я боюсь?
- Как все: ядерной войны.
- Ага. И злых рэкетиров. Ты настроилась послушать отеческие наставления?
- Ну. Как Жириновский – Гайдара!
- Балда!
- Который из двух?
- Ленка!
- Помню: сырой воды не пить, в постели не курить, при случайных связях пользоваться презервативом! Я ничего не забыла?
- Руки мой перед едой!
- ... будешь вечно молодой!

- Ты знаешь чего, Одинцова?
- Ну, чего?
- Из тебя вышла бы первостатейная стерва. Но ты – добрая.
- Как и ты.
- Ага. Только не говори никому об этом. Компаньоны не поймут.
- Молчок. Граница на замке. – Лена плотно сомкнула губы.
- А если серьезно, Одинцова... Девушка ты у нас видная...
- И могу стать жертвой злого маньяка...
- ...и сочувственная, – продолжила Галя, пропустив ее реплику. – Это я к тому, чтобы ты не осчастлививала кого ни попадя, особенно нефтяников с шахтерами.
- А что – шахтеры нам уже классово чуждый элемент?
- Лен, это я к тому...
- Галя Петровна... Мы же обе с тобой девчонки подмосковные, простецкие...
- И что-что, а послать какого-нибудь привязчивого кретина, будь он шахтер или банкир, у меня не задержится. Самыми простыми словами. – Одинцова улыбнулась лукаво. – Ну а если мужчина видный – что ж мне от своего счастья бегать?
- А, делай как знаешь. Не девочка.
- Что правда, то правда.
- Только смотри не влюбись, как дура!
- А вот этого я как раз и хочу. Очень хочу. Только – не в кого...

* * *

Калейдоскоп переезда Лена Одинцова даже не заметила. Востряковский «мерс» добросил ее до аэропорта, два часа лету прошли за чтением журнала, на аэродроме ждала блестящая «тридцать первая», и улыбчивый шофер Вадик ехал медленно и аккуратно, словно вез бесценный екатерининский сервиз из Зимнего дворца, время от времени разглядывая в зеркальце усталую пассажирку. Лена догадалась: проделки Гали Петровны. Уж что она наплела здешним – что отдыхать едет взбалмошная дочь главного московского Корлеоне или любовница «сына юриста», – Бог знает. Но местные знали «Галину», ее репутацию, и осознали сказанное – «не мешать», но и «не препятствовать» просто и однозначно: если что, за «базар» отвечать именно им. Впрочем, никаких лишних «реверансов» местные баронеты делать не собирались: им – проявить такт и понимание, и если «столичная дива» – девка с понятием, то с их стороны только уважение, а ежели «без чердака», то дур лечить – только лекарства тратить... Водитель, может, и удивился скромности наряда гостьи – да вида не показал: выучка; единственное, что девушку беспокоило, – как бы они не навернулись при каком вираже, поскольку парень смотрел в зеркальце все же гораздо пристальней и чаще, чем на дорогу.

Обслуживание в «Лазурном» оказалось ненавязчивым и скорым. Лену проводили в отведенный люкс – отдельный восьмикомнатный домик, показали, как и что работает, предложили вызывать обслуживание в любое время суток и по любому поводу, осведомились, не желает ли она сауну и все, что к ней прилагается, и, наконец, оставили одну. Девушка разделась, залезла в большую, явно рассчитанную не на одного ванну из зеленого мрамора, распустила пену... Мини-бар был совсем рядом – только руку протяни – Лена разнежилась, слушая Моцарта и попивая по глоточку нежное, легкое местное вино, названия которого она не знала, – оно искрилось в большом хрустальном графине, словно вобрав в себя весь пурпур роскошного летнего солнца...

Здорово... И отсюда, из сладкой неги, ее давешние размышления о природе счастья казались действительным бредом, навеянным сыростью и дискомфортом московских улиц... А

счастье... Как там у Пушкина? «Нет, в мире счастья нет, но есть покой и воля». Покой и воля... Может, этого достаточно?... А как же тогда любовь?..

Девушка засыпала в огромной постели, свернувшись калачиком, как в детстве.

Было очень тепло, окно она приотворила; за тьмою угадывалось море, и шум его был теплым, обволакивающим...

Аленка вдруг вспомнила Покровск, сосновый бор, окружающий старинный Покровский монастырь – башни его отражались в воде озера, и невозможно было понять, где же настоящий... Словно Китеж...

Покровск, стоявший на холме, высоко над бором, будто парил в розовой вечерней дымке колокольнями сохранных храмов... И еще – вспомнился отец, постаревший, усталый; тогда, полтора года назад, он, в последний раз, провожал дочку в Москву... А через полгода его не стало. Он тогда погладил ее по голове, заглянул внимательно в глаза:

«Знаешь, девочка... Многие люди ставят перед собой цели, которые не отражают ни их желаний, ни их души, ни того тайного, что зовется Богом. Но на то, чтобы понять это, порой приходится потратить всю жизнь. Без остатка».

Алена засыпала. «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том, и днем и ночью...» – шептала она тихонько, одними губами... Она слышала, как шумит море, и ей было хорошо и покойно... Не было ни грез, ни видений, только ощущение, что здесь возможно любое чудо, даже такое невероятное и тайное, как любовь.

Глава 14

– Ну вот и слава Богу...

Мужчина услышал эти слова, открыл глаза, увидел сперва мутно, словно сквозь матовое стекло, склоненное над ним лицо старика. Потом изображение словно сфокусировалось, он разглядел участливый взгляд, белые, аккуратно прихваченные ленточкой волосы, седую бороду...

– Где я?

– Да покамест, мил человек, на грешной нашей земле. Видать, в преисподней тебя не ждали, а Бог взять повременил. Два месяца с лишком в беспмятстве да в горячке промаялся. Я думал – не сдюжишь уже, ан нет, порода в тебе крепкая сидит.

Мужчина попробовал привстать на постели, руки заметно подрагивали.

– Что со мною было?

– Докторша приходила из амбулатории, трубочкой тебя слушала, вроде воспаление легких обнаружила – то ли простудное, то ли горячее, поколола тебя пеницилином или чем там...

– Где я?

– В станице Раздольной. Места здешние еще Лукоморьем кличут, Бог весть почему... И город Приморск от нас в семидесяти верстах будет...

– Приморск?

– Ну так.

– И... на каком он море?

– Покамест – Черное, при Святославе да Олеге Вещем – Русским звали. Оно тебя и принесло.

– Море?

– Ну так. Во время шторма.

Мужчина оглядел небольшую беленую комнатку, вдохнул теплый хлебный запах...

– А это я сухарики сушу ржаные – от них и сытность, и дух легкий... Здесь я и обитаю – раб Божий Иван Михеев Петров... А тебя как величать?

– Меня?

– А кого ж? Туточки – только я, да ты, да мы с тобой...

– Я... Я не знаю...

– Не знаешь? – Старик внимательно смотрел в глаза больного. Они были ясными, цвета глубокого моря и немного беспомощными... Он не врал.

– Не помню.

– А что помнишь-то?

Мужчина еще раз оглядел комнату:

– Иван Михеевич, как я здесь оказался?

– Да говорю же, двое отдыхающих тебя из моря и вынули. Шли бережком ко мне, винца взять, да тебя и приметили. Думали – мертвый, сердце, что птичка, замерло вовсе, да один тебя возьми и оброни спяну-то... Оно и пошло! Ребятишки те тебя ко мне, как покойника, волокли, а вышел – живехонький! Может, ты с корабля какого сиганул или выпал?

– Не помню... Ни-че-го.

– Да ты не напрягайся силком... Бог даст – вернется память-то. И зови меня по-простому, Михеичем, а то – дед Иваном, мне так привычнее... А вот как к тебе-то обращаться?.. Нехорошо ж совсем без имени.

Мужчина пожал плечами.

– А встать-то сможешь?

– Попробую.

– Вот и пытайся. Зеркало у меня одно, над умывальной прикручено...

Глянь-кось, может, и прояснится память та...

Мужчина осторожно опустил ноги на пол, встал неуверенно, сделал шаг, другой...

– Да ты на меня, мил человек, обопрись, сподручнее будет. И не гляди, что сивый я весь, Бог силою когдась не обидел, по молодости – ломы гнул, да и щас чуток осталось...

...Из мутноватого стекла на мужчину смотрели усталые, но ясные глаза.

Отросшие волосы торчали во все стороны, словно львиная грива, высокий лоб прорезан тонкой морщинкой у переносья, над левой бровью – заросший шрам; темно-русая борода густо укрывает подбородок и впалые щеки... Мужчина долго всматривался в свое отражение.

– Это – я? – произнес он наконец.

– А то кто же... Хотя поменялся, чего уж: как очнешься, я тебя картофельным бульончиком попою, ан ты замрешь, смотришь без смысла в одну точку, а то – ляжешь, и непонятно: спишь не спишь... Немудрено, что с тела спал, да оно, может, и к лучшему: по возрасту ты хоть и не व्यюноша, но и не в годах великих муж, чтоб жирком лишним щеголять... Ты, друг милый, как приплыл, в тебе центнер был, не меньше... У меня и одежда твоя в сохранности – свитер, брюки... Свитер, может, и впору, в плечах-то, а брюками два раза обернешься...

Да и как принесли тебя, лицо заплыло все – то ли об камни, то ли оглоблиной какой навернуло...

– И долго я... лежал так вот?

– Да я ж тебе уже сказывал: почитай, месяца три. Мужчина тряхнул головой, словно пытаясь собраться, сконцентрироваться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.